

Издатель:
ООО «Артофвар»

Учредители ООО «Артофвар»:
Аркадий Бабченко
Илья Плеханов

Главный редактор:
Илья Плеханов

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Александр Гуров

Корректоры:
Анна Кунарева,
Иван Николаев

Обложки:
Игорь Башмаков

Вкладка:
Ринат Шафиков

Афганские фотографии
предоставлены Дмитрием Резниковым:
<http://www.reznik.pri.ee/index.php>

Адрес для корреспонденции:
115573, г.Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
E-mail: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8 903 524 16 19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77 26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ОАО «Дом печати — Вятка»

Подписано в печать:
19.10.2008

Номер издан
при поддержке:

Компания
«Ланит»
www.lanit.ru

Региональная
общественная
организация
ветеранов
подразделений
специального
назначения
«ЗАЩИТА-Р»

Тел.: 981-04-00
760-93-95

ПОБЕДИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

Это название редакция позаимствовала у одной из самых прославленных частей российского военного спецназа. Именно им, разведчикам и диверсантам, и посвящена тема нашего номера.

Судьба разведчиков спецназа незавидна. Это теперь последний сторож автостоянки, героически отразивший все попытки военкоматов его призвать, красуется с нашивками типа «Special Force» на помятом камуфляже расцветки «мерзкая осень». Смешно и говорить, что любое уважающее себя ведомство имеет свой карманный спецназ. С громкими названиями и прочими атрибутами. А еще совсем недавно, двадцать лет назад, в стране были лишь войска спецназа ГРУ и отряд спецназа КГБ «Вымпел». И знал о них достаточно ограниченный круг людей. Но даже сейчас никакой славы, дожда орден, уважения со стороны государства за постоянную готовность к смертельному риску и самопожертвованию бойцы спецназа никогда не дождутся. Более того, неуверенное в себе государство периодически само ликвидирует эти элитные части, ощущая с их стороны мифическую угрозу. В последнее, почти травоядное, время — это ликвидация путем сокращения штатов, бесконечных реорганизаций, преждевременной грошовой пенсии и туманных перспектив приличного жилья. А вот диверсантов подготовленных в спецшколах к партизанской войне с оккупантами в 20-е и 30-е годы, практически ликвидировали в буквальном смысле этого слова.

Созданные для диверсионно-партизанской борьбы спецназы самых разных стран с пугающей регулярностью используются не по назначению. В лучшем случае — для борьбы с этими самыми повстанцами. В худшем — для охраны власть имущих и для показательных шоу.

Победить и вернуться — это только полдела. Ибо на базе вместо оркестра часто ждет хмурый следователь с бланками допроса, а то и с ордером на арест. И сдает вернувшихся победителей государство так же легко, как и посылает на смерть. Потому-то и пишут выжившие спецназовцы вещи «цепляющие». Кто просто биографические эпизоды войны, а кто — и потрясающе отточенные литературно шедевры. Мы не стали выделять, вопреки традиции, авторов темы номера в отдельный раздел. Ибо воевали они везде и пишут обо всем, в стихах и прозе.

Читайте.

Вниманию подписчиков!

Мы с сожалением вынуждены сообщить, что с 2009 года Альманах прекращает сотрудничество с Роспечатью. Подписаться на издание вы можете напрямую через редакцию. Все наши контакты указаны в технической колонке.

В Москве журнал можно приобрести:

Магазин «Фаланстер».
М. Гнезниковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
fa1anster@mail.ru

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва».
Тверская ул., д. 8.

Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4.

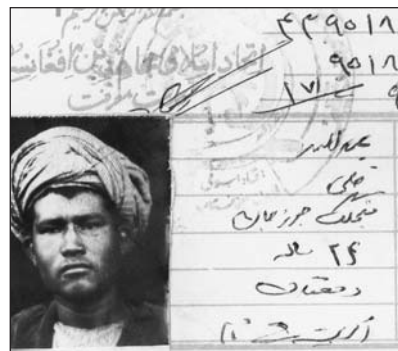
В С.—Петербурге журнал можно приобрести:

WWW.7-62.RU («7,62»)
ул. Львовская д. 8.
Т/ф. (812) 541-02-07, 541-25-94

Магазин Военно-туристское снаряжение
Кронверкский пр. д.31.
Т/ф. (812) 232-26-82

Архангельск, «Дом книги», пл. Ленина 3.

Интернет-магазин «Центрмаг»
www.centrmag.ru, тел. 754-33-22

ПОБЕДИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

1 От редакции

Афганистан

Карен ТАРИВЕРДИЕВ
Русский солдат, Сержант Васин, Комбат,
Он приехал в роту, Сколько ног..., Третья рота,
4 У меня в чулане хранится старая моя форма

12 Алексей ВАСИЛЬЕВ
...Об удаче, случайностях...

14 Эдуард ПТУХИН
Мист-Диси

16 Владимир ЛЕБЕДЕНКО
Бой на склоне горы Насавасар,
Вылазка в "Кареру"

19 Сергей СКРИПНИК
О том, что было

22 Владислав ИСМАГИЛОВ
Первый и второй

Чечня

23 Эдуард УЛЬМАН
Рассказ об одном из выходов,
Любовь и Артиллерия, Ангелы-хранители

30 Андрей ЗАГОРЦЕВ
База

36 Игорь КОЛЬЦОВ
Осколки (отрывки из повести)

Память

41 Раян ФАРУКШИН
Десант – Игорь Алексеенко

Судьба

Сергей ГЯГЖНАС
Мой путь в спецназ 46

По периметру
Максим ШАТУРОВ
"Маленькая" трагедия 50

Александр СУХОЛЕССКИЙ
Неизвестная
война спецназа 51

Перевод
Кен БОПП
Стена: рассказ о моем исцелении 55

История одной фотографии

"ВЛАД ИВАНОВ"
Последний день в Кабуле 58

Поэзия 60
Виктор ТАРАСОВ,
Алексей ГРИБАНКОВ,
Антон БАЛАКИН,
Анатолий СКРЫПНИК

История награды

Оксана УСТИНОВА
"Цветные сны...
Дороги памяти" 62

Памятники 63
Раян ФАРУКШИН
Памятник в Федотовке

Хроники операций 64
Андрей КИХТЕНКО
Внимание! Газы! (Часть II)

Байки 71
Александр ЧУЙКОВ
Гуманитарка на выборы

Карен ТАРИВЕРДИЕВ

Карен Микаэлович Таривердиев родился в Москве в 1960 году. Учился на философском факультете в МГУ, но потом уехал на Север, работал в Мегионской нефтеразведочной экспедиции. В 1984 году окончил 9-ю роту Рязанского воздушно-десантного училища. Воевал в Афганистане. Был начальником разведки 177-го отдельного отряда спецназначения (Газни, Афганистан). Был дважды ранен. Кавалер ордена Боевого Красного Знамени и двух орденов Красной Звезды. Из армии уволился в 1993 году.

РУССКИЙ СОЛДАТ

Как много говорится о «контрактной» армии. Мне не довелось служить в такой. У нас были призывные ребята, которые просто были призваны на два года.

Я был ранен в ногу. Снайпер стрелял точно, но хотел, чтобы меня взяли в плен. Он выстрелил и попал, лишив меня возможности двигаться. Их разведгруппа (группа захвата) пошла вперед по арыку. Они понимали, что я офицер. Я упал и выронил автомат. Снайпер не мог видеть в оптический прицел, что у меня под «мабутой» спрятан пистолет, а в карманах есть еще две гранаты. Я не собирался сдаваться. Я видел, как они идут. Я достал пистолет и одну из гранат. Я был готов. Самое интересное, что я даже не испытывал страха. Я сказал себе: «Ты покажешь им, как надо умирать!» — и остался совершенно спокоен. Хотя по жизни я совершеннейший трус и это мною испытано неоднократно.

И тут из каких-то кустов выползли два солдата. Один из них сказал: «Не ссы! Вытащим». Они потащили меня по откосу, но пулеметная очередь сбила нас обратно в арык. Я сказал: «Плюньте, я выползу сам».

Тот, кто был постарше, ответил, смеясь: «Заткнись, лейтенант, мы все равно тебя вытащим». Он дотащил меня с третьей попытки вверх по откосу и всунул головой в люк. Там меня подхватили чьи-то руки, и люк захлопнулся. О броню застучали пули. Звонко так! Три из них попали именно в люк, уже захлопнувшийся за мной. Я не сразу понял, почему солдаты не залезли в люк прямо за мной. Потом узнал, что один из солдат был убит на этом песчаном откосе, а второй, засунув меня в люк, скатился обратно за трупом своего товарища. Говорили, что все-таки вытащил его. Я даже не знаю их имен.

Мой училищный друг Артур Сабитов ехал в БТР. Противотанковая граната попала в открытый люк БТР-70 механика-водителя. Артур сидел внутри, но и его люк был открыт. Механику оторвало голову, а остатки заряда хлынули через открытый командирский люк вниз на Артура. У него оторвало кисти рук, покалечило бедра, грудь, живот... Уже мертвый механик водитель, падая, повернул руль вправо. БТР слетел с дороги и укатился в чистое поле. Сверху на броне были еще солдаты, тоже оглушенные взрывом. Через какое-то время Артур пришел в себя и полувывлез из люка. И тут увидел картину как в фильме «Андрей Рублев». Вдоль БТРа ползали два солдата. Один, сапер-проводник, спросил другого:

— Ты собаку мою не видел? Она рядом сидела, а теперь нет. Никак не найду в темноте!

— Не-а! — ответил второй. — Не видел! А ты руку мою правую не видел?

— Не-а! А зачем она теперь тебе?

— Да, блин, я же ей автомат держал! И куда она подевалась?!

— Плюнь!!!

— Как так плюнь?! А автомат?! А если в плен будут брать?!

... разумеется, что оба были контужены до крайней степени...

В составе международных сил ООН в Персидский залив пришел БПК «Адмирал

Трибуц". Группой морского спецназа на его борту командовал мой приятель, фамилию которого называть не хочу по определенным причинам. «Работали» посменно. Неделью работают наши, неделю НАТОвцы. Во время отдыха и трогать не могли... И тут приятеля вызывают французы и говорят:

— Вам надо выйти.

— Это почему? Американская же смена?! — спрашивает мой приятель.

— Дело в том, что на море волнение три балла, — отвечают ему.

— И что с того?

— Да, ничего, но вам надо выйти.

Больше приятель вопросов не задавал, вышел с борта «Трибуца» со своими матросами и пошел выполнять, что сказано. Потом выяснилось, что американцы просто не умеют выходить за борт при волнении три балла и выше. Могут быть травмы... Американские «Коммандос» и корпус морской пехоты США набран из контрактников, которых долго и упорно обучают премудростям военного дела.

Группы морского спецназа РФ под командованием моего приятеля, состояли из обычных призывных российских парней. Травм не было.

— Какие хорошие у вас бронежилеты, — с завистью сказал вахтенный офицер французского военного флота.

— Чего? — не сразу понял мой приятель.

— Бронежилеты у вас очень хорошие, — пояснил француз. — Они так облегают тело, что их практически незаметно!

— Да на нас и бронежилетов-то никаких нет!!! — удивился мой приятель. — Зачем таскать на себе лишнюю тяжесть? Лучше

патронов побольше взять!

По его рассказу, у француза сделались глаза, будто бы он увидел динозавра. В кают-компани авианосца приятелю был задан не очень скромный вопрос: «А сколько получают ваши матросы?» Приятель решил не позорить Россию и приврать. Ответил так:

— Два с половиной доллара... в сутки.. (хотел сказать, что в неделю, но решил: врать, так врать!)

Французы недоуменно покрутили головами и ответили:

— Нет, вы непобедимы!!!

Таких историй в моей практике тысячи. Или, во всяком случае, сотни.

Русский солдат. В ноги ему поклониться надо!

СЕРЖАНТ ВАСИН

Сегодня 15 февраля. День вывода Советских войск из Афганистана. И праздник, и не праздник... Дата... Дата памяти... Мы звоним друг другу в этот день и не поздравляем. Просто звоним или пишем письма... Мы не проиграли той войны. Ее проиграли другие, но и не выводить войска было нельзя. Вывод войск был правильным решением... Но мы, далекие от политики, не проиграли своей войны. Мы бились как могли и победили на каждом отдельном участке той войны... Мы не виноваты, что война не привела к победе в большем смысле. Это политика. А мы были солдатами. Нас часто посещали мысли, от которых мы сами прятались, но мысли посещали... Но все равно мы выходили за пределы боевого охранения пехоты и

шли в поиск. И находили и били караваны, и брали пленных, и тащили на плечах своих раненых, если приходилось туго... А потом снова выходили в поиск... За себя, за погибших ребят, за то, что мы никак не хотели признать, что то, что мы делаем никому не надо... Под пулями очень верится, что ты недаром здесь лежишь, что так надо Родине... Потому что иначе захочется заплакать и бежать. А это не по-мужски и называется трусость. А это непереносимо...

Я был сопливым лейтенантом, только что закончившим училище. Мне не давали пока самостоятельных задач и приставили помогать старшему лейтенанту Хубаеву, который скоро должен был вернуться в Союз по замене. Хубаев прошел Панджшер, бои против Ахмадшаха Максуда, Кандагарскую армейскую операцию, разгром Искапольского укрепрайона, находившегося у нас под носом... Он много чего прошел и выжил, и теперь готовился к замене... Он свое почти отвоевал... Оставалось совсем чуть-чуть...

Мы шли целую ночь, пока не пришли в какое-то русло реки. Хубаев сказал: «Ты пойдешь справа в цепь. Как рассветет, так и пойдём. Учись, лейтенант. Сейчас начнется. Главное, застать их тогда, когда встанет солнце. Оно будет бить им в лицо, и они промахнутся...»

И мы пошли... И прочесали кишлак. А духи отошли из него к горам. Оставался один пулеметчик, который бил поверх наших голов, потому что его слепило восшедшее солнце. Мы «погасили» его гранатами. А потом мы вышли на окраину кишлака и я, опьяненный победой, что-то кричал

и бестолково командовал, ведь я был лейтенант, и сержант Васин вдруг крикнул: «Лейтенант! Справа! Ложись, лейтенант!» Я обернулся направо и увидел ствол винтовки, направленный мне в голову. Дух, не успевший отойти к горам, лежал за камнем и собирался задорого продать свою жизнь. И я увидел ствол этой винтовки, направленный мне в лоб, потому что я был крайним к нему. Нас разделяло метров пятнадцать... Дух не успел выстрелить. Я упал на землю, перекатился и дал очередь из автомата. Дух не стрелял, и я видел какие-то судорожные движения, которые он делал, передергивая затвор. Я вскочил и дал еще одну очередь... Снова упал, снова перекатился, снова вскочил, снова дал очередь... Дух уткнулся в камень головой и выронил винтовку... Я подошел к нему, забрал винтовку, ткнул труп носком ботинка в плечо, чтобы тело его перевернулось... Посмотрел в не закрывшиеся глаза... И не увидел там ничего... Он был мертв, а я был жив, хотя по всем канонам должно было быть наоборот.

В палатке я хвастался первым боем: «Я так, а он так, я перекатился, а он лежал, тут я и всадил, знай наших!!!» Хубаев сказал: «Что-то не вяжется... Ты врешь...» Я возмущился и заорал: «Как же не вяжется?! Вот он я живой, а тот дух – труп, и мухи его едят!» Хубаев спросил: «А винтовка его где?» – «Да вот она! Гляди! Что я, по-твоему, безоружного расстреливал?!» – «Да, – сказал Хубаев. – Повезло тебе... Видишь, затвор не дослан? Песок попал в патронник. От того и недовод патрона в патронник случился... Если бы он его дослат сумел, то не разговаривать уже нам с тобой сегодня. Уйми сопли, победитель! Васину стакан поставь, что успел предупредить...»

Сержанту Васину я так и сказал: «Встретимся после войны, стакан с меня. А пока прости, брат, но не могу. Я офицер, а ты сержант. Вот когда все закончится...» Так ведь Васин приехал из Таганрога лет через десять и потребовал свой стакан. И я налил. И оба мы смеялись над этим стаканом и всем, что за ним стояло. Васин пошел в гору. У него свой бизнес в Азовском море и приезжает он ко мне с виски, коньяками и прочим... Но требует, чтобы я налил ему стакан самой дешевой водки от себя. И пьет до доньшка... А потом уже виски, джин и прочие напитки...

Сегодня утром меня разбудил звонок телефона. – «Алло? Кого еще в такую рань принесло?!» – «Это я, Васин. Я в Москве. Ты ходить можешь?» – «Да могу...» – «Слава Богу, а то уж я думал по привычке, что опять тебя придется на встречу на руках нести. Встречаемся на Маросейке. Там много

наших будет, и Хубаев, кстати, тоже обещал быть... Но стакан с тебя, как обычно, не забудь!»

Не забуду. Такое не забывается. Мы не проиграли той войны. На нас нет вины. И поражения на нас нет.

15 февраля... Мы не виноваты, что так получилось... Дата... Просто дата...

Так получилось, что другой у нас нет.

КОМБАТ...

Его звали Вячеслав Васильевич Юдаев. Нет смысла изменять его фамилию. Он умер, просто умер... Через год с небольшим, после того, как вернулся с войны... Сердце свое он положил за нас молодых, которые не всегда его понимали... Рак... Просто рак. Был человек, и не стало человека. За два месяца сгорел...

Мы назывались «отдельный отряд специального назначения». Но на всех картах место, где мы жили, было отмечено треугольным флажком с подписью «2 омсб». Второй отдельный мотострелковый батальон. Смешная конспирация. И даже не потому, что у нас был другой штат, чем в любом мотострелковом батальоне, не потому, что у нас были даже свои вертолеты, чего пехоте и присниться не могло, а потому, что мы имели свое Знамя, чего у пехотного батальона априори быть не может, и потому, что и форма у нас была совсем другая. Такой

формы, как у отдельных отрядов спецназа не было ни у кого. Но на штабных картах мы числились мотострелковым батальоном и своего командира называли «Комбат». Официальное название «командир отдельного отряда...» как-то не прижилось. А комбат, он и есть комбат... И местные «духи» знали его в лицо. Они вообще много кого из нас знали. Приехал я однажды в дуكان купить жене какие-то шмотки в подарок, а дукащик («дукандор» по местному), мне и говорит – привет, мол, начальник разведки... Я чуть на задницу не сел от неожиданности! А я еще и приказом назначен не был, только исполняющим обязанности пока числился...

Встречался я вчера в санатории «Русь» с нашими ребятами. Ну, само собой вспомнили и Комбата. Ребята постарше меня. Они с ним весь срок прошли, а я позже приехал. Только полгода при Юдаеве прослужил, а потом, когда из госпиталя после ранения вернулся, уже другой комбат у нас был. Его фамилию я упоминать не буду. Есть Комбат, а есть комбат. Разницу в написании чувствуете? Он свое сердце ни за кого рвать не собирался, так что жив и до сих пор здравствует.

Начальники разведок у нас долго не держались. Два-три месяца и привет... И там уж кому чего выпало. И не только «убыль» в боях. Можно было даже и просто под трибунал угодить за негуманное отношение к

пленным... Попробуй, объясни прокурору отчето получилось так, а не иначе... Да что я, эсэсовец что ли? Просто работа у меня такая: «информацию» батальону поставлять. А эту «информацию» добыть надо. Иногда даже и негуманно. Это сказки, что военнопленные на допросах молчат. И то, что их всегда мучают, тоже сказки... По-разному бывает. А надо еще и с агентурщиками работать, а на это деньги нужны, а денег не положено, где взять, спрашивается? В разбитых караванах, естественно... А из караванов положено все сдавать... А не сдал, значит, под трибунал, потому что никто не верит, что не себе взял. Словом, сложная работа, и со своими хуже, чем с другими...

Юдаев меня поставил исполнять обязанности начальника разведки через четыре месяца, как я в батальон пришел. Я не то что был «соплив» по тем временам, а вообще ничего в этом деле не смыслил. Но старый начальник разведки «ушел», а нового пока еще не прислали, а я язык знал. Вот Юдаев меня и поставил. Он батальоном, как князь дружиной, управлял. Кого хотел, того и ставил, а кого не хотел, того загонял за можай... Плевать ему было на больших начальников.

И вот начинаем вспоминать Комбата. И говорит один из нас: «Чем Юдаев был хорош, так это тем, что никогда не совал в нос, мол, я Комбат, а ты подчиненный. Я сказал, а ты выполняй и мне насрать, как ты это сделаешь. Он до нас не опускался с Олимпа, он просто с нами одной жизнью жил.»

И приводит примеры человечности Юдаева. А ведь «Васильичу» и впрямь было не в падлу зайти по утрам в палатку к любому из командиров рот и сказать: «У тебя сегодня день рождения? Поздравляю! С этим делом у нас плохо, но у меня есть. Возьми в подарок два пузыря и вечером, чтобы сол-

доехали благополучно, и Юдаев говорит: «Сам понимаешь, что здесь наши БТРы по номерам знают. А нам к агентурщикам надо. Зачем светиться? А водителя своего я специально не взял. Вдруг засада, убьют же пацана!» «Во, блин, – думаю я. Вообще-то ездить к агентурщикам это моя работа, Комбату и напроць не надо такие эксперименты над собой ставить! Однако, вот как вышло. Время у него было свободное, да и слово его на пять порядков выше моего. А информация важная. Вот он сам и поехал. А солдата пожалел просто.

«Возглавил» я как-то батальон. В смысле, пошел в головном дозоре ночью на север от Газни. Комбат с основным отрядом. А я впереди болтаюсь. Ну, и заблудился напроць. Карты у нас были неточные, попробуй-ка не заблудись безлунной ночью. Залегли... Я пытаюсь сориентироваться. Комбату не докладываю об этом, потому что стыдно.

И я увидел ствол этой винтовки, направленный мне в лоб, потому что я был крайним к нему. Нас разделяло метров пятнадцать... Дух не успел выстрелить. Я упал на землю, перекатился, и дал очередь из автомата.

даты не видели, отметить с взводными. Но с утра чтобы все как огурцы! А то прибью, ты меня знаешь!» Ему ничего не стоило заехать за мной на УАЗике и сказать – поехали! Интересно куда, думаю я, но на всякий случай беру автомат. Комбат сам за рулем, я рядом. Выезжаем за КПП местного полка и уезжаем в Газни за двадцать километров! Да туда два БТР не всегда проходят, а тут мы вдвоем на УАЗике, и сам Комбат за рулем. Ну, само собой, я в некотором напряге пребываю, особенно, когда через «зеленку» едем. Там засада на засаде.

Думаю, что выкручусь как-нибудь. Толкает меня боец, что рядом лежит и шепчет: «Духи сзади!» Я оглянулся, и точно! Две фигуры и явно чего-то ищут. Поднял ночной бинокль – опана! Комбат!

«Что, лейтенант, забрел и сам не знаешь куда?» – «Да я... да мы... Вот тут чуть-чуть...» – «Ну, а теперь смотри, как это дело делается...» И сам пошел впереди. И по дороге мне краткий курс лекций читает полусшепотом. Да так доходчиво, что больше я уже никогда не блудил. Оказалось, что Юдаев к тому же еще мастер спорта по «спортивному ориен-

тированию». Просто я совсем молодым лейтенантом был, у меня училищные розовые сопли до колен еще висели и нормально шагать мешали. Я в своих соплях еще сам путался... Ничего, доходчиво объяснил Комбат, и больше я уже не путался.

«Он никогда на авторитет не давил, – сказал один из моих вчерашних товарищей, – он учил нас дураков. Откуда у него только силы на это брались, не сорваться!» Потом я вернулся, снова стал начальником разведки и не смог найти нового комбата в бою, когда нас прижало. Просто не там искал. Я искал его среди нас, а он, оказывается, забился с радистом за мешки с мукой, на взятом нами духовском продскладе. Я его все-таки нашел и, что надо было мне, доложил. Новый комбат ответил: «Делай, как знаешь! Что у тебя мозгов своих что ли нет, лейтенант?! Ты начальник разведки и отстань от меня, сопляк, у меня другие заботы!»

В другой раз, когда нас снова прижали, он сел в первый же приземлившийся вертолет и, когда мы все-таки выбрались, то встречал нас на посадочной площадке и пафосно благодарил за службу. Вчера вспоминали умершего Юдаева (ему и сорока не было, когда Он умер), а его заместника даже и не помнили. Пес с ним, чего прошлое берeditь.

Для чего написал? А для того, чтобы имя Его вспомнить! Книг о нем нет, фильмов тоже, да и не будет, наверное, никогда. Так хоть так имя Его помянуть – Вячеслав Васильевич Юдаев. Командир 177-го отдельного отряда специального назначения, место дислокации провинция Газни, ДРА. Прочитает хоть кто-то, и то ладно...

Комбат, Комбат, батяня Комбат, Ты сердце не прятал за спины ребят...

Это о Нём...

ОН ПРИЕХАЛ В РОТУ

... и сказал: «Меня не убьют на этой войне». И мы вытаращили на него глаза и рассмеялись. А он сказал: «Я прилетел в Кабул позавчера и договорился, что меня возьмут с собой вертолеты Ми-6 Газнийской эскадрильи, чтобы довести до батальона. Они везли бомбы для «восьмерок», но мне было на это наплевать!» Мы еще раз рассмеялись и сказали: «Старик, в нашей эскадрилье Ми-6 нет!»

«Но они же летели в Газни», — сказал он. «Да нам насрать, куда они летели, — сказали мы. — Это не наше дело, а вертолетчиков. Пусть они сами разбираются!» — «Я должен был лететь в Ми-6, но пока бегал за чемоданом, летчики улетели без меня, а по дороге тот вертолет, в котором я должен был лететь, сбили...» — сказал он.

— Старик! — снова рассмеялись мы, три взводных из четырех первой роты 177 отряда специального назначения, в которую он прилетел четвертым по штату. Мы давно уже воевали. Кто восемь месяцев, кто шесть, кто просто три, но давно. И нам было наплевать, кого и как сбили и что это значит... — Старик, запомни, это ничего не значит. Вот если собьют вертолет из нашей эскадрильи, то у нас будет восемь трупов, а Ми-6 с бомбами?.. Пусть летуны сами об этом думают!..

— И все-таки я не погибну! Ведь, если бы мне была предназначена такая судьба, то я бы успел на тот вертолет и был бы убит еще вчера!

Сказал он и покосился на меня. А у меня на груди висела накривь пришитая золотая полоска за тяжелое ранение. Я только что вернулся из госпиталя после ранения в ногу. Но в тот момент, когда он на меня смотрел, у меня и лицо было покрыто запекшимися ранами. К боям это не имело никакого отношения. Просто с устатку я как-то заснул в

тени боевой машины, а потом солнце переместилось и обожгло мне лицо до того, как я успел проснуться. Зрелище было еще то, в особенности в сочетании с планкой за тяжелое ранение. Полморды было в ожогах, но ребята знали, что я просто заснул на солнце, а он не знал и решил, что я горел в боевой машине...

— Старик, зарекалась свинья в лужу не ложиться, — сказал я ему, потому что был самым старым из взводных, и у меня было уже восемь месяцев войны за плечами. — Не зарекайся!.. А он ответил убежденно: — И все равно я не погибну!

Он действительно был смелым парнем. Он действительно пару раз выживал там, где и выжить было трудно. Он многое сделал за те полгода, пока воевал в нашей роте. Но однажды он полез туда, куда не должен был лезть. И его убили. Он не заметил духа, который прятался за его спиной, а дух выскочил из укрытия и всадил очередь ему в спину. Одна из пуль попала в сердце. Он даже «мама» не успел выдохнуть напоследок. Просто упал и все...

Он говорил: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Меня не сбили в вертолете, значит, я буду живой!» А я говорил ему, отплевываясь: «Если тебя не сбили в воздухе, это не значит, что тебя не пристрелят на земле! Заткнись, дурак!!!» Но верил в его неуязвимость, потому что своей уверенностью он заражал даже меня. Я-то знал к тому времени, что я-то уязвим, ведь однажды уже был ранен. А это здорово вправляет мозги... А он так ни разу и не был ранен. Его сразу убили...

Как часто говорим мы, что «кому суждено быть повешенным, то тот не утонет». Может, это и так. Но значит ли это, что других смертей не бывает? Если ты не утонул, то это не значит, что тебя не могут расстрелять. А если суждено быть повешенным, то это не значит, что это случится обязательно на

веревке... Вариантов много... Больше, чем мы можем себе это представить...

Да и Судьба, наверное, считает не только до «трех»... Не повешенный единожды, не обязательно не будет не повешен во второй раз... Кто знает свой конец? Наверное, это хорошо, что мы его не знаем. Иначе было бы слишком страшно жить...

СКОЛЬКО НОГ...

Мне было двадцать четыре, и я был начальником разведки 177 отряда специального назначения. Мой позывной был «107», если не было отдельной программы связи на данный конкретный бой. Его позывной был «108», он был начальником связи того же самого отряда. Я был лейтенантом и из меня перла экспрессия молодости. Он был капитаном и невообразимо старым человеком в моем тогдашнем понимании. Ему было без нескольких месяцев тридцать три... Но мы дружили... Впрочем, и до сих пор дружим, потому что оба выжили на той войне.

Разведгруппа первой роты попала на наше собственное минное поле. Прямо рядом с местом расположения нашего отряда. Группа должна была выйти через позиции боевого охранения мотострелкового полка, совместно с которым мы и жили. Полк еженощно донимала ракетная установка, которую он никак не мог поймать. Тогда мы вязались в это дело. Не наша была обязанность ловить такую кочующую дрянь, но нам очень хотелось доказать «пехоте», что мы орлы, а они мокрые курицы. И разведгруппа вышла через позиции боевого охранения полка прямо через одно из минных полей, которые в бесчисленном количестве расставил вокруг себя этот пехотный полк.

Все было организовано как надо, но кто же мог подумать, что сапер полка, выделенный нам в качестве проводника, ошибется. Группа попала на мины и после первого же взрыва боевое охранение открыло беспорядочный огонь. Пехотинцы нервничали по ночам и открыли огонь, даже несмотря на то, что их трижды предупредили, что тут, у них под носом, будет выходить наша группа.

Я не слышал взрыва и вообще собирался ужинать, но я увидел, как небо на юге озарилось огнями, и его рассекли трассы очередей крупнокалиберных пулеметов. Я бросился на ЦБУ (центр боевого управления), чтобы в «мягкой форме» довести до сведения пехоты, что именно я думаю о них самих и их умственных способностях. Я думал, что огонь открыт случайно и по недоразумению. Но оказалось, что это не так, и пехота бьет на звук взрывов на собственном минном поле. Они подумали, что это пробирается к ним

такая же разведгруппа, но только не наша, а противника.

«Одиннадцатый» — командир этой группы и сам был по образованию сапером. Он не подорвался при первом подрыве. Он остался лежать метрах в десяти сзади первого подорвавшегося солдата. Солдату оторвало обе ноги, но сознания он не потерял, и это было страшно. Парень дико кричал, и его можно было понять. Следующий за ним солдат, оставшийся невредимым не выдержал и пополз на помощь. Он знал, что этого делать нельзя, но пополз. И его тут же разорвало в клочья. Он напозл на нажимную мину грудью. Уж лучше бы он поднялся на ноги... Но он не сделал этого. «Одиннадцатый» должен был дожидаться помощи, когда подойдут наши саперы и разминировать проход к раненым. На минном поле нельзя оказывать медицинской помощи. И раненого не спасешь и сам подорвешься...

Надо ждть... Это закон... Попробуйте выполнить его, когда рядом в десяти шагах кричит от боли человек... И истекает кровью, потому что помощь может придти только минут через тридцать-сорок... Попробуйте выполнить это правило... Я бы тоже не удержался, как и «одиннадцатый»...

Он полез за раненым. У него не было ничего для разминирования. У него даже элементарного «щупа» не было. И тогда он вытащил из автомата шомпол и начал использовать его как щуп. Шомпол предназначен совсем для другого. Шомпол имеет тупой конец, которым трудно проткнуть спекшуюся от жары землю, чтобы нащупать мину, и приходится нажимать на него с силой, посекундно рискуя нажать на нажимной датчик. Шомпол короток, а потому, если тебе не повезет и ты, протыкая грунт, все-таки нажмешь на взрыватель, то мина взорвется на расстоянии 30 сантиметров от тебя.

«Одиннадцатый» прекрасно знал это, но пошел. Он не мог слышать эти крики и спокойно оставаться на месте. Он сделал ошибку, и я понимаю его, как себя... Попробуйте выдержать этот кошмар, и я не подам Вам руки при встрече. Хотя я тоже знаю это правило.

«Одиннадцатый» передвигался по минному полю на коленях. Длина его импровизированного «щупа» не позволяла ему сделать иначе. «Одиннадцатый» тыкал шомпол в землю у самых своих ног — у него не было другого выхода. Он прошел 8 метров из 10. Мина рванула у него прямо под коленом. Он пропустил ее и коленом нажал на нажимной датчик. Ему не повезло...

Я и «108» были там через двадцать пять минут. Мне было положено «разруливать» такие ситуации. «Сто восьмому» там нечего

было делать, но «одиннадцатый» был нашим общим другом. Пехота не хотела нас пускать через позиции боевого охранения. Я приказал наводчику БТР развернуть ствол крупнокалиберного пулемета и «нежно» сказал какому-то пехотному майору: «Если ты прямо сейчас не отвяжешься, трусливая хрень, то я разнесу твой пост с тобой вместе, с твоими ублюдками, которых ты называешь солдатами, твоей мамой, твоей женой, твоими детьми, которых я никогда не видел, но поеду и пришибу, только потому, что от тебя, сволочь, нормального потомства не родится!» Нас пропустили...

Наверное, я очень нервничал. Наверное, я не совсем правильно пользовался радиостанцией, докладывая на ЦБУ комбату, что происходит на этом минном поле. Если я нажал тангенту на передачу, то никто другой в эфир выйти не может. Таковы особенности радиостанции Р-123. Когда я, наконец, заткнулся на секунду и отпустил тангенту, я вдруг услышал голос «108-го»: «107-й, «одиннадцатый» у тебя?» — «Да», — раздраженно ответил я. «А сколько у него ног?» — вежливо и спокойно спросила у меня радиостанция. — «Половина одной», — изумленно ответил я, не понимая, к чему такой вопрос в этой обстановке. «Да, понимаешь, тут нога до колена лежит передо мной. А я не знаю чья. Обута в белый кроссовок. Кажется, «одиннадцатый» вчера новые кроссовки покупал?» — «Да, хрен с ней, с этой ногой», — в запале ответил я. «Вот и я думаю, что хрен, — сказал «108», — но кроссовок жалко...»

Потом наутро, когда все закончилось, я спросил «108-го»: «Ты чего, сбрендил? Чего-то мне ночью про какой-то кроссовок втирал... С ума сошел что ли?» — «Почему с ума сошел, — ответил начальник связи. — Надо же было хоть как-то тебя заткнуть! А то ты в своем запале вообще никому не давал в эфир выйти...»

«Одиннадцатому» нужны новые протезы.

Ходить на том, что может предоставить ему наша промышленность, он просто не может. Он пользуется немецкими или итальянскими. Мы решили этот вопрос, и завтра утром он приезжает из Гродно, где и живет с тех пор, за новыми протезами фирмы «Отто Бок», имеющей представительство в Москве. Все схвачено и оплачено. Я вчера был в этой фирме, кое-что уже получил для «одиннадцатого», а что-то мы еще дополучим завтра, когда я встречу его на вокзале и отвезу в эту фирму... И я обязательно заготовлю для него новые кроссовки. Это уже стало традицией, которой уже двадцать лет. Он подорвался в ночь на 9 мая 1985 года. С тех пор я каждый раз покупаю ему в подарок кроссовки, и мы оба смеемся над этой нашей маленькой «тайной»...

Как же молодцы мы были когда-то!..

ТРЕТЬЯ РОТА

Третьей роте не везло с командирами. Черт его знает, почему так получалось, но не держались они там. Убивало их часто или просто ранило так, что больше уже ротный не возвращался. Вляпывалась третья рота часто. Вроде, ничем от других двух рот отряда не отличалась, и бойцы были подготовлены не хуже, и офицеры были не дураки, но не везло третьей роте, хоть тресни. А на войне везение — это, считай, полжизни. Умела третья рота «вляпываться»... И никто не мог объяснить, отчего так повелось.

Я как-то взял ШДК — штатно-должностную книгу. В этой книжке на странице три человека. И все о человеке написано. Фамилия, имя, отчество, занимаемая должность, откуда призвался, образование, адрес родителей, куда труп отправить, если чего... Словом, все там о человеке есть... По трое на странице, начиная с ротного... Последняя графа: «Дата исключения из списков части. Причина убийства» Взял и поразился. На каж-

дой странице против одной из фамилий значится: Исключен из списков части приказом №.. от такого-то числа в связи с гибелью в боях, в связи с тяжелым ранением, и прочее.... Блин! И на каждой странице, где только трое указаны! Ни в первых двух ротах, ни в роте минирования, ни в группе связи, ни в группе ЗСУ таких записей не было, а в третьей роте были... На каждой странице... Я тогда молодым начальником разведки был, до этого служил командиром разведгруппы в первой роте и особо не вникал в дела других рот. А тут жизнь заставила...

75 человек по штату, включая ротного. 75 человек, 25 страниц, и на каждой странице заполнена графа «Причина убийства». У меня глаза на лоб полезли.

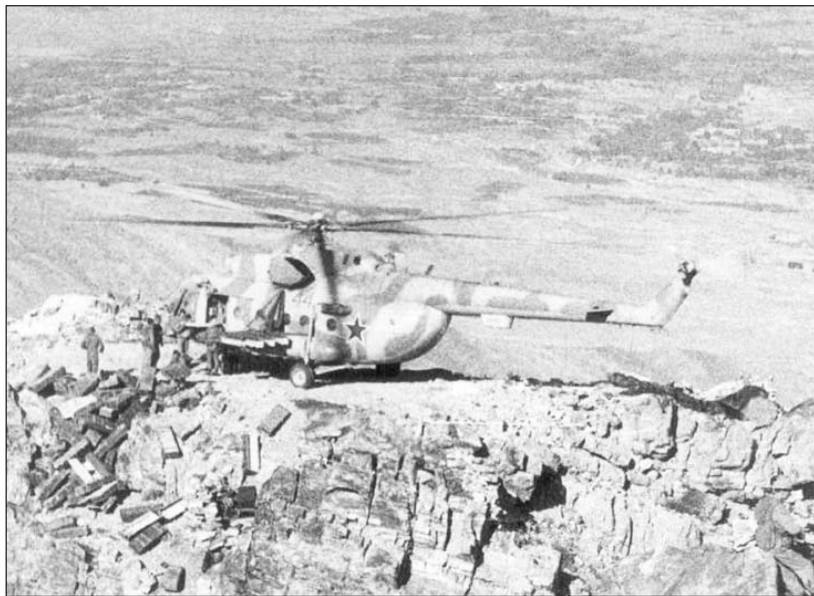
Ротой командовал капитан Бекаев (фамилия изменена). Его не любили в батальоне. Он говорил: «Воины без потерь не бывает». Он не считался ни с чем. Он служил в Афганистане второй срок – четвертый год, и точно знал, что он не жилец... Два срока можно выдюжить на продкладе, а командиром разведроты нельзя. Закон математического ожидания потерь против. Бекаев начал командиром группы, потом был заместителем командира роты в другом батальоне, а потом пришел к нам и принял третью роту. Я

Нас, старых вояк, потихоньку выживали из армии, не давая нам готовить бойцов. Мы не привыкли к такому к себе отношению и такому отношению к своим солдатам. Мы писали рапорта и уходили...

не любил его, и мы даже подрались как-то по пьяни. Я сказал: «Ты не ротный, ты убийца! Ты всех людей своих положишь» – «Воины без потерь не бывает», – ответил Бекаев. Я ударил его, он ответил. Нас растащили, естественно.

Но воевал Бекаев так, как другим и не снилось. Третья рота всегда добывала самый ценный «результат». Бойцы и любили его, и ненавидели одновременно. И Бекаев всегда был в бою первым, хотя положение ротного его обязывало не соваться... В нынешнем Владикавказе (бывшем Орджоникидзе) его бросила жена. И ушла вместе с сыном, которого Бекаев очень любил. У него не было любовницы на войне, которых мы называли ППЖ (походно-полевая жена). Бекаев не пил.. Он просто воевал, надеясь, что когда-нибудь его убьют. Его убили....

Он бежал по крыше крепости, и умные духи, которые тоже умели воевать, стреляли через саманную крышу на звук шагов. Пуля попала Бекаеву в бедро снизу вверх от колена и до тазовых костей. Он мог упасть наружу, и тогда мы подобрали бы его. Но он упал

вовнутрь крепостного двора, и его тут же добила очередь из окна. Уже раненого добили. Чтобы достать его труп, мы развалили эту крепостишку по кирпичику вместе со всеми, кто там был. Мы не считали убитых духов, нам было не до подсчетов.

В третьей роте был дембель по фамилии Волков. Он застрел в переулке около крепостной стены с тремя молодыми бойцами.

Волкова не раз хотели отдать под трибунал за «дедовщину». Он был хреновый дембель, он заставлял молодых подшивать себе подворотнички, стирать свое белье и бил их смертным боем, если кто-то осмеливался ему перечить...

Молодые подавали Волкову гранаты, и Волков перебрасывал их через стену. Одна из гранат скатилась обратно. У Волкова просто не было времени еще раз перебросить ее обратно. Молодые в испуге отпрянули кто куда. В этом переулке просто не было куда деться, а граната Ф-1 есть граната Ф-1. Волков схватил ее с земли, но времени уже не было, и тогда он просто накрыл ее своим телом. Его последними словами было: «Салабоны, мать вашу так!» Волкова разорвало в клочья. Никто из его «молодых» даже не был ранен. Потом я прочитал в ШДК третьей роты, что Волков был женат и пошел в армию не со своим призывом, а на два года позже...

– Не понимаю этих ваших «мужчинских игр», – сказала мне моя новая женщина, которая лет на двадцать моложе меня. – Не

понимаю, и понимать не хочу!

Её можно понять. Она не провожала своих мальчиков на войну и не встречала их потом совсем других, с резко очерченными скулами... Если бы она не связалась со мной, то, наверное, и вообще бы не поняла, что это такое, война. А вот моя мать понимала, хотя и никогда не была на фронте. Но в 41-м ей было шестнадцать. И он не женился на моей маме, потому что погиб в 43-м. Он был летчиком-истребителем, и, наверное, его просто не успели толком научить летать. Я не знаю, на каком вылете он погиб. Может, на первом, а может, и на десятом. Наши девочки тоже воюют. Воюют, провожая нас на войну. И встречая нас с резко очерченными скулами. Если доведется встречать...

У МЕНЯ В ЧУЛАНЕ ХРАНИТСЯ СТАРАЯ МОЯ ФОРМА

Еще та, которую носила армия Советского Союза. Теперь уже такой не встретишь на улицах. Российская армия одета иначе, более современно и более красиво. Но у меня сохранилась старая. Та, которую носил я когда-то пятнадцать лет назад.

Сегодня, по настоянию своей женщины, которой почему-то очень захотелось увидеть меня в форме, я достал ее из темного угла и надел дома. Я не собирался в ней никуда выходить. Я вообще никогда ее не надеваю. Даже не знаю, зачем храню. Но она попросила, и я ее надел. Не только китель, но и рубашку с галстуком, и форменные брюки с кантом, вот только фуражки найти не смог. Да, ладно, не важно, хотя фуражку было

жаль, где-то она валяется, но не помню где...Надел и посмотрел на себя в зеркало... Нахлынуло, даже сам не понимаю почему... Давно это было. ..

С левой стороны орденские планки и, глядя в зеркало, я вдруг вспомнил, когда и как я их получал. Но не так, как вручали перед строем, а за что... Вот Знамя – это пыль горной дороги, где я в нарушение боевого приказа, видя полную бесперспективность указанного места, которое мне приказали оседлать по карте, изменил место засады на три километра южнее и через два часа раздолбал караван с ракетной установкой, которая сейчас стоит в музее Советской Армии. Представляли на Героя Советского Союза, но не утвердили представление и решили, что Красным Знаменем обойдусь... Вот Красная Звезда – это я поднял в атаку семь солдат среди белого дня на хренову тучу духов, потому что они захватили наших раненых, а раненых было бросать нельзя. В той цепи я был восьмым. Духи обалдели от такой наглости и отошли... Раненых мы спасли, правда, один умер от потери крови на месте, а еще одного мы не сумели довести до госпиталя, потому что у него началась газовая гангрена. Ему попала разрывная пуля в бедро и разворотила его напрочь... Я видел, как на глазах пухнет и синеет его нога, но ничего не мог сделать. И никто ничего не мог сделать. Он умер через полчаса. В той атаке я сам был ранен, но ничего, обошлось малой кровью. Подумаешь, четыре месяца госпиталя. Людям и покруче приходилось... А вот еще одна Красная Звезда.

Это мы ходили в горный укрепленный район с задачей отвлечь на себя внимание. Нас было шестнадцать... Мы отвлекли внимание и приковали его к себе... На отходе мы подорвались на минном поле. Трое было ранено, один погиб. От трибунала меня спасло только то, что сам был снова ранен. Была безлунная ночь, и я тогда ошибся и взял метра на три правее прохода в минном поле. Я знал, что оно тут установлено и где-то есть проход. Но духи наседали, и я заторопился. А в итоге промахнулся на три метра... Через полгода вместо трибунала пришел орден, которого я совсем не ждал.... Две боевые медали, и я тоже помню, за что. Еще пяток юбилейных, которые за награды я не считаю. За «10 лет безупречной службы», «за 15...». Это так, побрякушки...

В 91-м нас начали зажимать. Вместо боевой подготовки с нас требовали уборки территории, работы в колхозах за картошку для части и прочее. Мои снайпера перестали ходить на полигон, а занялись подсобным хозяйством. И они смотрели на меня безумными глазами и спрашивали, «а что, това-

риш капитан, мы и завтра на стрельбу не пойдем?» Мои гранатометчики тоже занимались подсобным хозяйством. А мои радисты, элита наших войск, потому что без нормальной связи воевать нельзя, грузили кирпичи и «забивали себе руки». Ведь радист на ключе – это пианист. Ему нельзя грузить кирпичи, потому что руки теряют чуткость, и радиogramму в 20 групп он передает уже за 40 секунд, а не за 15. Чем дольше работает радиостанция, тем больше вероятность, что ее засекут пеленгаторщики противника. И все, погибла разведгруппа...

Нас, старых вояк, потихоньку выживали из армии, не давая нам готовить бойцов. Мы не привыкли к такому к себе отношению и такому отношению к своим солдатам. Мы писали рапорта и уходили... Таджикистан-92 мы еще вытащили на старой базе, еще не все наши солдаты были уволены. Дембеля еще умели воевать. Мы вытащили и эту войну, о которой мало, кто знает... А потом ушли последние советские дембеля, ушли и мы...

А потом была первая Чечня... И в Грозном не было ни меня, ни Эльдара Ахметшина, ни Сергея Веснина. Я уехал в Москву, устроился работать в коммерческую фирму, получал в десять раз больше, чем получал в армии и по утрам похмелялся пивом в ларьке на Третьей Парковой улице. А Ахметшин и Веснин остались жить в нашем городке. Им просто не было куда оттуда уезжать. У Ахметшина было три ордена, как и у меня, а у Веснина пять. Пять боевых орденов. Даже в Великую Отечественную не каждый мог столько заработать! 27 января 1995 года наш батальон с новыми солдатами и новыми офицерами в один день за пять минут потерял 45 человек убитыми. За восемь лет войны в Афганистане батальон потерял 147 человек. Это за восемь лет, а тут за пять минут 45. Только не надо мне говорить, что чеченские макаки умели воевать

лучше, чем афганские душманы. Видал я и тех, и других. И «черных аистов» тоже видал. Еще те вояки, каждому из них готов руку пожать, как профессионалу. Нет, это мы воевать разучились. Но 147 за восемь лет, а тут 45 за пять минут... Хреновая статистика...

Все мы были возмущены. Но как-то раз Ахметшин пошел провожать друга до шоссе, чтобы отправить его на попутке в Рязань. Откуда-то взялась «Волга» и сбила его насмерть... Через месяц решил Веснин рыбки половить. На тротил, естественно. Надо же такой беде случиться, что заряд запутался в его собственных снастях, подплыл под днище лодки, в которой Веснин и сидел, и рванул так, что ни от лодки, ни от Веснина и ошметков не нашли... И оба раза в этих историях присутствовал некий майор контрразведки, который и жил в нашем подъезде... Майор КГБ (потом ФСБ) Звездочкин. Без изменений фамилию его указываю. Не боюсь я.

А тогда я был в Москве и пил пиво на Третьей Парковой...

Надел сегодня старую свою форму, поглядел на планки собственных орденов, на золотистые полоски за тяжелые ранения, что носят на правой стороне кителя... Посмотрел и захотелось мне плюнуть себе в лицо прямо в зеркало. Мы сдрейфили... Все мы сдрейфили... Не захотели Гражданской войны, все чистенькими захотели остаться, и я среди прочих... Гнал от себя подобные мысли. Много лет гнал... а надел форму, и нахлынуло...

Поздно, слишком поздно. Завтра пойду и выброшу эту форму к чертовой матери на помойку... Но никогда не буду стрелять в своих... Не мое это... Я не омоновец без чести и совести... И этих я тоже не раз видал...

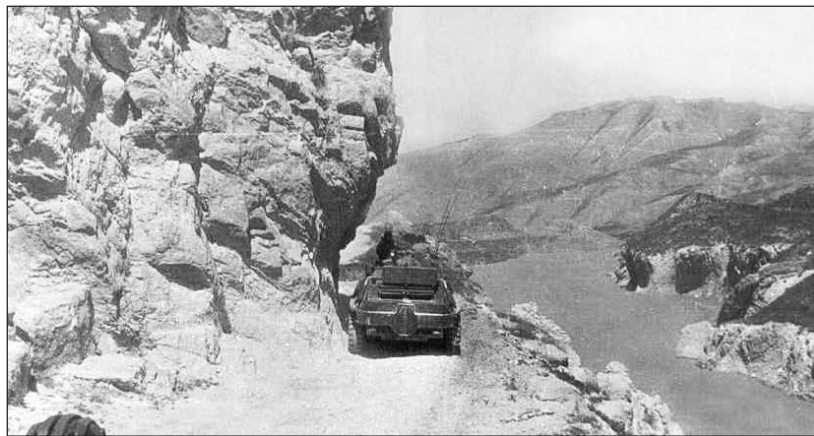
Старая форма... Господи! Что ты сделал с моей страной?! И почему же теперь так хреново?! <ИВ>

Алексей
ВАСИЛЬЕВhttp://artofwar.ru/w/wasilxew_a_a/ОБ УДАЧЕ, СЛУЧАЙНОСТЯХ
И ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТИ...*Случайность – есть неосознанная закономерность...*

11 августа 1988 года почти ровно в 11 утра БТР с бортовым номером 827 весело прогромычал по мосту через речку. С правой стороны огромная вывеска «Буфет», Кушка, мы дома. Митинг, цветы, виноград, арбузы, пионерские галстуки, настроение великолепное. Торжественная часть позади, колонна вытягивается в направлении города Мары, к месту реформирования. Непривычное ощущение отсутствия автомата на плече, столбы вдоль дороги без пулевых отметин, дорожные знаки! Невольно осматриваешь окрестности на предмет наличия духов... привычка, но мы дома... По радио начинаются ехидные комментарии – головная машина с развернутым знаменем бригады уверенно сворачивает по указателю «Винзавод – 1 км».

Иолотань. Приехали. Унылое ожидание дальнейших распоряжений скрашивается обилием фруктов, портвейна и полным отсутствием воды. Вечером жизнь в модуле течет вяло. Кто-то жует арбуз, в углу играют в нарды, за стеной слышны звонкие хлопки и ржание, похоже, играют в дурака. Хлопает дверь, из соседней комнаты вваливается тело. Цвет его ушей и носа проясняет ситуацию. «Не везет, – жалуется тело. – О, портвейн, это хорошо!» Наливает кружку, молчит... «А вот Андрюхе везет...», вот, блин, он что, карты насквозь видит (наливает еще кружку)? Ему и на войне везло всегда по черному...»

Группа маршировала на засаде четвертые сутки. Утром на базу. Опять сорбосовская наводка сбивает. Место удачное, внезапно выйти на группу трудно, да и домой утром, расслабились. Слышен плеск воды из ЦВшки, это замполит моется, воду уже можно не экономить. Замполит Андрюха, к слову сказать, мужик боевой, не многим замполитам командовать группами доверяли, ой, не многим... Однако война войной, а всем нам нужно иногда и... ну... все такое... сами понимаете.

Андрей, вооружившись автоматом и фонариком, полез на холмик в сторонку, чтобы ветер, стало быть, не в сторону расположения дул. Зачем фонарик ему нужен был, одному аллаху известно. Только стал он, угнездившись, фонариком в сторону зеленки помигивать. Позже и сам не мог объяснить, зачем это ему было нужно. Долго ли, коротко ли, внизу: трах-бах, очереди, разрывы, БМПшки заработали – война, одним словом. Пока Андрюха, держа одной рукой штаны, а другой автомат, до низу докатился, – тишина... Никто ничего понять не может, одно ясно: на нас вышли духи, и мы их как-то внезапно победили. Выяснилось следующее: банда сидела неподалеку в зеленке и ждала команды на выступление. Должны, стало быть, они были с кем-то там соединиться. Вот Андрюша им и насигналил. Те шли расслабленно, стволы не по-боевому, ну и набрели на растяжки, МОНки сами по себе штучки убийные, а тут еще с трех

машин почти в упор из пушек... каша... они в ответ почти и не стреляли, не успели. А с нашей стороны... ну, вон, Андрюха фонарик потерял, хороший был фонарик-то...

Случайность...

Тело еще хлебнуло портвейна, ткнув в бок узбека-переводчика: «Правда, Мурат, что аллах ночью спит?» – и удалилось к себе в комнату.

«Видать, отыгрываться пошел, – донеслось с соседней койки, – а я вот помню, как душаре повезло по крупному, мы как раз в районе Зармардана работали...»

С ущелья Зармардан начинались глухие духовские места, куда мы без особой нужды не совались. А вот в окрестностях шурудили регулярно. Местность там пересеченная, глубокие овраги – мандехи – обеспечивали скрытность обеим сторонам. Духи просто так ездили и днем, караваны были мощные, и мирняка, как правило, не попадалось. Вот и в этот раз группа удачно расположилась на краю мандеха, за спиной горочка, на горке фишка, ждем, когда клюнет. Уже светало, когда мимо протрещали два мотоциклиста. ГРД, стало быть. «Ловись рыбка, большая и маленькая, лучше большая, однако...» – пробормотал взводный и дал команду приготовиться. Фишка с горки доложила: три «Семурга» и мотоцикл. Идут без фар, компактно. Дальше – дело техники. Бой короткий, но продуктивный: «А куда ж ты денешься, с мандеха-то?» Слабые попытки к сопротивлению были пресечены в зародыше, и вскоре к догорающим машинам спустилась досмотровая группа. Несколько одиночных выстрелов «на всякий случай» и досмотр. Мотоцикл целенький – пригодится, стволов немеряно, ДШК спаренный на кузове, душара его и развернуть не успел. О! Полная машина «лифчиков»! Совсем замечательно. От осмотра богатств отвлекла очередь сверху и крик: «Уйдет, гад!» Мотоциклист, похоже, в суматохе с мотоцикла-то упал, отполз в сторону и притаился. А тут, видать, нервы сдали, ну и он, акки заяц, помелся вдоль мандеха. Сверху его уже не достать. Ну тут все, кому не лень, давай с улюлюканьем палить от бедра. Представляете? Стволов семь лупят вдоль тон-

нели шириной десять метров. Комара могли бы сбить. А душара, нелепо подпрыгивая, скрылся за поворотом метрах в ста. За угол пока еще стрелять никто не научился. «Хрен с ним, – сплюнул взводный сквозь зубы, – пусть живет. Его день, видимо». А и правда, не гоняться же за ним теперь...

«Вот вам и теория вероятности, вот вам и «плотность пуль на метр квадратный», – Мишка слез с койки. – Вам лишь бы трепаться, спать не даете... портвейн, говорите?» «Это ерунда, – подал голос из угла один из игроков в нарды. – Вот у нас в отряде боец...»

Группу долбили плотно и целеустремленно. Вроде, сидели на дневке, в стороне от караванных троп. Духи, похоже, тоже решили сменить тропу. Встретились... Выручала хорошая позиция и надежда на скорую подмогу. Духи, вопреки ожиданиям, не отвалили после короткой перестрелки, а вознамерились показать нашим «кузькину мать», или ее мусульманский аналог.

Сергея лежал, просунув ствол АКСа между двух валунов, и щелкал короткими очередями по духам, пытавшимся подняться на склон холма. За спиной командир матерился в «Ромашку». Кто-то из пацанов стонал, раненных было уже порядочно. «Мужики, держись, горбатые на подходе!» – крикнул командир. И точно, вот они, родимые... две 24-ки начали нарезать круги, поливая огнем зарвавшихся воинов аллаха. «Вот и славненько, – подумал Серега, – сейчас все кончится». Очередная граната из духовского подствольника рванула слишком близко. «Надо менять позицию, однако», – и тут понял, что ноги его почему-то не слушаются. Следом пришла боль. «Сергею ранило!» – кричит кто-то из пацанов, и вот его уже тащат к «восьмерке», отчаянно цепляющейся передним колесом за склон. Все «трехсотые» были уже на борту, Сергею захихнули последним, взлет... разрыв... вертушка клюнула носом, завалилась набок, выплюнув Сергею из открытой двери, пролетела еще метров сто и, ткнувшись носом в каменистый склон, взорвалась. Отлетались. Сергеев полет, однако, был замечен, и его уже тащили ко второй вертушке, он отбивался и орал: «Пацаны! Я лучше с вами, на броне!» – «Да когда та броня подойдет... а у тебя ноги... хочешь

на своих ходить? Лети!» – приказал взводный и добавил что-то по матери.

Вернулся в отряд Серега на удивление быстро. В госпитале его подлатали, ноги в порядке. Служи, солдат! Однако с тех пор вертушки старался он обходить стороной. Но на броне, в пешую, на боевые – пожалуйста. «Надо же им за подпорченную ходовку-то рассчитывать», – шутил бывший автослесарь, а нынче боец спецназа. В очередном бою погнался наш боец за духом. Тот шмыгнул в пещеру. Серега, как учили, метнул туда гранату, дал короткую очередь и повернулся к пещере спиной. Что-то шибануло его по спине и бросило лицом на камни. «Опять не повезло», – подумал боец и закрыл глаза...

«Ну, и что с ним?» – поинтересовался кто-то. «А что ему сделается? Вон, в палатке сидит, лапшу молодым на уши вешает, поди. Ему пуля попала в радиостанцию. Даже ребра не поломала. Синяк только на всю спину. В рубашке родился, наверное». «Да-а-а... – прокряхтел с соседней койки Петрович, – дуракам вот еще везет. Леха, помнишь нашего батальонного переводчика?» Я что-то невнятно промычал. «А помнишь, чего он учудил под Муса-Калой?»

Я помнил.

Петрович лежал на броне, лениво отгоняя мух и почесывая пятки. Где-то гремела артиллерия. Пехота «с-кем-то-там» воевала. А мы должны были перекрывать «пути вероятного отхода». Поскольку массового исхода духов не наблюдалось, все мирно грелись на солнышке. Не сиделось, однако, батальонному переводчику, младшему лейтенанту. «Слышь, Петрович, а давай я возьму тройку, и в кишлячке вон том пошукаю, а?» – «Оно тебе надо?»

«Ну-у... Петрович, чего зря сидеть-то?» – «Иди, аллах с тобой!».

Рома взял тройку бойцов и благополучно отбыл, получив строжайшее предписание держать связь постоянно. Через некоторое время послышались автоматные очереди и крик по радио: «Нас бьют!» Кто бьет?! Чего? Зачем. Визуальным осмотром местности неподалеку была обнаружена одиноко стоящая пехотная БМПшка, поливающая из пулемета непонятно кого. Поскольку направление совпадало, было

ясно, что бомбят наших. Пришлось заводить движки и ехать на подмогу. Покуда кувьркались по мандехам, стрельба стихла. Подъехали. Картина Репина «Приплыли». Из-за едва заметного бугорка поднимается Рома с двумя грустными солдатами. Цвет лица описанию не поддается. Стоп. А где третий боец-то? Третий весело машет с вершины холма рукой. В ходе короткого допроса выясняется диспозиция: дойдя до злополучного холма, Рома принимает гениальное тактическое решение – на холм не лезть, пойти в обход, а пулеметчика направить в обход с другой стороны. Чем думал? Но это бы все ничего, если бы с противоположной стороны не карабкалась в тот момент пехотная БМПшка, возглавляемая зеленым, как 10 афоек, лейтенантом. Встретились, стало быть, два одиночества. Лейтенант, заметив в низине трех подозрительных личностей в непонятной форме, вознамерился их уничтожить. Рома, успев укрыться за маленьким бугорком, зывал о помощи и в ответ, понятное дело, не стрелял. Тут на сцене появляется наш пулеметчик. Пытается пехоте объяснить, что там наши. Лейтенант воодушевился: «О! пулемет! Ложись, стреляй! Там духи!» Ему даже в голову не пришло спросить, откуда этот боец с пулеметом тут взялся. Нормально? Ну, разобрались, наконец. Петрович с грустью посмотрел на этих «полтора лейтенанта» и изрек: «Повезло, однако. Рома, еще за медалями пойдешь?» Рома в ответ икал и отрицательно качал головой. «Ну тогда лезьте на БТР, поехали назад. Повезло, мать вашу...»

Петрович залез под койку и начал рыться в РДшке. Достал ... впрочем, что он мог достать? «Леха, че ты там? Заснул? Слезай!» Я слез со второго яруса и подсел к табуретке, заваленной арбузно-дынными отрезками. Протянул Петровичу кружку. «Слышь, а что ты тогда лейтенанту пехотному-то сказал на прощание?» – «А... да сказал, что наводчик у них ни к черту: в упор долбили, и ни одной царапины. Да и с пушкой он долго возился, факт. Включили бы пушку – бугорок-то сравнили бы в момент...»

Мы пили, поднимали тосты «за госпожу удачу», и я думал, что нам повезло всем. Вопреки теории вероятности и настроению этой самой госпожи. Скоро будем дома, вести уютную гарнизонную жизнь. Как я ошибался...

Тот пионерский галстук из Кушки я хотел подарить дочке – но он остался невостребованным по причине отсутствия пионеров. Так и лежит где-то в шкафу. Вместо уютных гарнизонов нас ждали палатки на аэродромах Закавказья, вертушки, стрельба, ночные рейды.

Столько лет прошло с той войны, а наши парни до сих пор каждый день, вжимаясь в землю, под свистом пуль, вспоминают Бога, Черта, чью-то мать и верят в удачу.

Удачи Вам, мужики...

Эдуард
ПТУХИН

http://artofwar.ru/p/ptuhin_e/

Старший
прапорщик
участковал:
Афганистан

«Спецназ – не кучка пидарасов...»

Командир 177 ООСпН «Лесник».

Четыре восьмерки проглотили в свои чрева нашу и облетную группы и, сопровождаемые четверкой «крокодилов», понесли нас на пределе к месту выполнения очередной боевой задачи. Наша небольшая группа, состоящая из 24 человек, должна устроить засаду на дороге Мист-Диси, на одном из участков караванного пути, по которому духи доставляют оружие и боеприпасы из Пакистана вглубь Афганистана. А облетная группа должна отвлечь внимание духов на себя, чтобы со стороны все выглядело, как ежедневный облет. К слову сказать, во второй половине 80-х годов выполнение подобных задач на расстоянии 60 километров от ППД были сопряжены с определенными трудностями. К тому времени духи уже имели не только современные средства связи на постах наблюдения и непосредственно в группах, но и аппаратуру радиоперехвата, стационарные и переносные средства ПВО, мобильные высокотехнологичные отряды наемников по борьбе со спецназом и много чего другого. Поэтому нам приходилось часто менять тактику и идти на всевозможные хитрости. Вот и на этот раз нашему десантированию предшествовала подготовительная работа: несколько дней облетные группы барражировали над районом десантирования на пределе, залетая в мелкосопочник. Со стороны же это смотрелось естественно: вертушки на время пропадают из вида за сопками, а потом естественным образом снова выныривают несколько дальше.

Пока «крокодилы» кружили хоровод над местом, где облетная группа досматривала какую-то бурбухайку, наша пара восьмерок, залетев в мелкосопочник, с высоты 2-3 метров по-штурмовому избавилась от нас. Каких-то пара минут, и вот мы уже лежим, рассредоточившись согласно боевому расчету по дну сухого русла, накрывшись маскировочными сетями песочного цвета. Таким образом нам предстоит дожидаться темноты, а это чуть больше часа... Не слышно больше вертушек, которые улетели, выполнив свою задачу. Тишина... Ни одного лишнего звука: все радиостанции работают только на прием, никаких передвижений и перемещений, только посты наблюдения жёсткими докладывают командиру группы обстановку в поле зрения. В вечерних сумерках умолкают

невыносимый звон цикад, а ему на смену приходит трель то ли сверчков, то ли какой другой живности. Это значит, что первая часть нашего плана прошла успешно: наш маневр духами не был разгадан, и они нас не вычислили.

Стемнело. Выстроившись боевым порядком, начинаем движение к нашей цели, до которой около 7 километров. Командир нашей группы – Макс. С ним его неразлучные друзья-офицеры: Композитор и Крот. Эта троица знает свое дело, за их плечами уже по году службы в Афгане, десятки боевых выходов с победами и неудачами. Композитор – отрядный начальник разведки (Это прозвище-позывной он получил то ли из-за своего отца, известного на всю страну композитора; то ли за то, что сам неловко играл на гитаре, пел и даже сочинял песни, а скорее всего, и за то и за другое. Крот – командир группы спецминирования, сапер от Бога (придумавший и первый применивший «минирование на светодиодах»). При таком «трехголовом драконе» каждый чувствует себя уверенно. Я в группе – старший радист, всего месяц назад прибывший в отряд, и это мой первый выход на засаду. Со мной еще два связиста (в группе две Р-159 и одна Р-143)... А сейчас я шагаю за пулеметчиком, рассматривая его квадратную спину и кусок пулеметной ленты, беззвучно покачивающийся перед моим носом. «Отдыхаю», слушаю пустой эфир. За моими плечами около 40 килограммов «полезного груза»: да здравствуют советские микросхемы – самые крупные в мире! и советские аккумуляторы – самые тяжелые в мире! Пытаюсь отвлечь усталость, катая во рту заранее припасенный камешек соли (мне как уроженцу Азии хорошо известны маленькие хитрости по борьбе с жаждой и повышенным потоотделением, и думая на посторонние темы (копаюсь в задворках своей памяти, вытягивая в сознание те или иные приятные эпизоды моей еще не очень долгой жизни)...

По сигналу головного дозора вся группа замерла, превратившись в неподвижные и безмолвные тени. Послышался далекий гул едущего автомобиля. Надо сказать, что по неписанным правилам этой странной войны мирные жители передвигались только в светлое время суток, тогда как все, что двигалось и перемещалось в темноте, подвергалось захвату или уничтожению. Безлиш-

них слов было понятно, что это «наша бурбухайка». Как стая волков, почуяв свою добычу, бросается в погоню за ней, так и мы увеличили темп движения до «легкой» трусцы. Уже был виден свет фар бурбухайки и четко слышно, как надрыгается ее двигатель под непомерным грузом, но... мы не успевали. Сигнал рукой – и мы снова неподвижные тени, пытающиеся отдышаться после прошедшей скачки. Грустными взглядами мы провожаем удаляющуюся цель. Можно было бы ударить из пулемета вдогонку, но успеха подобная выходка не принесла бы, только неприятности. По самым грубым прикидкам мы не успели минут на пять, а духам это опоздание спасло жизни. Не беда – у нас еще есть в резерве почти трое суток, а этот путь, как важная кровеносная артерия, пустым не бывает.

Аккуратно перешли грунтовую дорогу – след в след. Замыкающий затер следы тут же сорванным кустом верблюжьей колючки. Бесшумно заняли позиции согласно ранее назначенного расчета, рассредоточившись в ложбине: группа захвата с ПБС непосредственно вдоль дороги; посты наблюдения (они же боковые и тыловое охранение) на сопки по обе стороны ложбины...

Потянулись долгие, утомительные минуты ожидания...

Чуть сдвинув наушники, переваливаю на спину... Ночное афганское небо... Нигде до и никогда после я не видел такого количества звезд. Они поражали своим свечением и бесконечным множеством... В голове кружил хоровод – поток воспоминаний. Школьные годы прошли среди гор. Те горы были родными, а эти? Где вы, мои беспечное детство и беззаботная юность?

Ночь подходит к концу... Все тихо... Пора сваливать на дневку... Быстро наводим за собой идеальный порядок, заметая места лежек верблюжьей колючкой... Выстроившись боевым порядком, скорым шагом уходим на 3-4 километра в сопки... Скоро рассвет... Спешно «зарываемся» в песок сухого русла, натягивая на себя маски-сети... С первыми отблесками рассвета прекращается всякое движение... Все моментально отрубается. Только в охранении будут спать поочередно, ибо от них теперь зависят жизни уставших и «расслабившихся» товарищей...

Во сне ухо улавливает тихие посторонние

шумы: это проснувшиеся бойцы заерзали под масксетями. Полдень... Припекает... Снизу прохлада песка, а сверху – беспощадное солнце... Кто-то кричит, углубляя свою изрядно потеплевшую «постель»; кто-то хрустит «самыми мягкими в мире галетами»; кто-то наслаждается сухпаевскими колбасным или печеночным фаршем, сгущенкой или же миниатюрными шоколадками – журуем на «пятом» эталоне сухпайка!

Макс и Композитор, проанализировав прошедшую ночь, пришли к выводу, что духи, изучив тактику наших облетных и засадных групп, внесли некоторые изменения в движение машин с оружием на этом участке дороги: бурбухайки начинают движение сразу же после того, как вертушки с последней облетной группой покидают этот район, а возможная засадная группа еще не успела добраться пешим ходом к месту засады. Получается, что машины с оружием здесь движутся не ночью, как предписывают «правила» этой войны, а сразу же после того, как облетная группа скрывается из виду, т.е. на закате и в сумерках, а не в темноте. Поэтому-то всю ночь дорога была пуста. Решили без согласования с вышестоящими штабами импровизировать: как только облетная группа покинет этот район, скорым порядком, не дожидаясь темноты, выдвигаемся к дороге. Подобное мероприятие пахнет авантюризмом и повышенным риском, но... Кто не рискует, тот... ну, в общем, это не про нас...

Вечереть... Отчетливо слышно, как вертолеты шумом своих винтов рассекают воздух, проносясь где-то рядом. Слушаю радиообмен вертушек с досмотровой группой, осматривающих какую-то никому не нужную бурбухайку с мирняком (сейчас все – и вертолетчики и облетная группа – работают на нас, убеждая духов в том, что все по плану, что все как всегда)... Гул вертушек затихает... Вечностью тянутся тридцать минут...

Условный сигнал Макса четкой границей разделил «дневной балдеж» и начало «настоящей работы». Группа быстро собирается, заравнивая за собой «песочные постели».

Крот что-то минирует, устанавливая на прощание хитрый сюрприз (никогда больше ни одна группа не ляжет здесь на дневку, а любопытным – смертельный сюрприз). В темпе «бешеной лошади» выдвигаемся к дороге... Темнеет... Почти доскакав до дороги, слышим, как тархтит «наша» бурбухайка, уползая от заслуженного наказания. Макс успокаивает: «Еще не ночь, еще

повеселимся!»... Прибавляем ходу... Стали различимы звуки еще одной бурбухайки, ползущей в нашу сторону... Успели!

Все разлетаемся по позициям, конкретно обговоренным ранее. Группа захвата с Максом, Композитором и Кротом вдоль дороги. Пулеметчик, я с радистом и один «курок» вползаем на вершину господствующей сопки, прилегающей к дороге... Вот она – красавица! Ползет, переваливаясь на неровностях дороги, гремя при этом множеством кузовных украшений и брызжущих. Пока «нашу красавицу» видим только мы (остальные ее только слышат)... Крытая бурбухайка равняется с нами... вжимаемся в еще теплую землю... что-то знакомое в ее очертаниях... так это же наш старенький ЗиС. Как угораздило тебя попасть сюда, дурашка? В кабине трое... больше никого не видно... А может, мирняк? От нас до машины метров 50... Поздно пить боржоми... По кабине посыпался горюх пухля. Работают пбэзэсники (только слышно, как в сплошной тишине щелкают затворы их автоматов). Бурбухайка, проехав несколько метров, пыхнула паром пробитого радиатора и остановилась. Судьба троих в кабине была скоротечно решена: они уже, наверное, сошли в долгом приветствии со своими предками на небесах... Секундная пауза... Наши не спешат досматривать машину, так как жизнь полна сюрпризов... И понеслось, как в лучшем голливудском боевике... Из кузова начали выпрыгивать духи – человек

пять – и прятаться за левым бортом машины... Два ствола из кузова кастрировали тишину... и как-то быстро замолчали, получив изрядную порцию свинца пбэзэсников... Не уласта сегодня взять машину в трофей... Прости, старушка... Свой предсмертный выдох тружата ЗиС сделал пробитыми колесами... У нас четверых пальцы лежат на спусковых крючках, но мы не стреляем, работают только пбэзэсники, а наша основная задача пасти фишку за дорогой, чтобы не прощляпить духовское подкрепление со стороны Миста (авось, еще не узнали про случившееся «недоразумение»)... Двое духов пытались убежать, но... не пробежав и нескольких метров, как-то театрально раскинув при падении руки, упали в нелепых позах. Один душара залег за задним колесом и поливал тишину длинными автоматными очередями... Наши снизу его достать не могли... Пулеметчик кидает попеременный взгляд то на духа, то на меня... А, чё там, все равно уже нашумели, давай, братан... Короткая пуле-

метная очередь – и лежащий за колесом как-то тупо уткнулся в свой автомат (еще одна душа война ислама понеслась догонять приятелей). Жизнь остальных была лишь секундами длиннее... И тут произошло то, чего ни Макс, ни Композитор, ни Бог войны Марс не могли предвидеть: один из последних духов подорвал гранатой себя и... топливный бак. Машина начала полыхать... Сначала – брезент кузова, а потом начали рваться в кузове боеприпасы... Такого красивого, насыщенного цветами, но опасного фейерверка я еще не видел. Светлым заревом осветила полыхающая машина все вокруг... Над головой начали посвистывать осколки разлетающихся боеприпасов... Пролетающим осколком срубает куликовку на радиостанции...

Запасной антенны нет... Воткнули шомпол (проверенный способ: до ППД не достанет, но в группе и с вертушками сработает, хоть и аккумуляторы сажает здорово)...

Поняв, что тихо отработать не получилось, и что через десяток минут здесь духов будет больше, чем мух в джелалабадском туалете, Макс командует отход... Проверив, не забыли ли чего на «месте происшествия», в диком темпе боевым порядком срываемся в сопки... Если бы на наш бег со стороны смотрел какой-нибудь ахалтекинец или даже владимирский тяжеловоз, то у них непременно навернулись бы слезы при виде этой «бешеной скачки двуногих навьюченных». Проскакав таким образом километра два, мы услышали хаотическую стрельбу и истошные крики со стороны пожарища (быстро же духи добрались к горящей бурбухайке)... Занимаем круговую оборону... Дальше двигаться нет ни смысла (движущиеся силуэты всегда легче заметить, чем неподвижные), ни сил (это только в кино Рембо с вертолетом за плечами может носиться сутками по Гималаям)... Коротко закодированными фразами докладываю по радиостанции обстановку в отряд... Ждем... Стрельба и жуткие крики то усиливаются, то ослабевают... Духи нас усиленно ищут (и визуальным, и в эфире), и если они нас найдут, то... лучше об этом не думать... Но темной ночью в безбрежном море мелкосопочника не так уж легко найти два десятка неподвижно лежащих бойцов, тем более, если сегодня Фортуна на нашей стороне... Еще долго мы наблюдали отблески пожарища на безлунном звездном небе...

Всю ночь никто не сомкнул глаз (сиднакарб в полном объеме заменили неистовые крики и бешеная пальба духов, и, конечно же, возможность предстоящего жаркого боя)... С первыми проблесками начинающегося дня, все стихло... Эту партию мы выиграли!

С первыми лучами солнца прилетели вертушки, чтобы забрать нас... Потом одна из восьмерок приземлилась на месте «ночного недоразумения», чтобы собрать образцы разлетевшихся боеприпасов и мин и сфотографировать наш бедный развороченный ЗиС, так грустно закончивший свой долгий трудолюбивый век... В машине и возле нее так и остались лежать пять обгоревших трупов... <#>

Владимир ЛЕБЕДЕНКО

http://artofwar.ru/1/lebedenko_w_n/

Старший
сержант
участвовал:
Афганистан

БОЙ НА СКЛОНЕ ГОРЫ НАСАВАСАР

Я видел этот бой – раз наяву и тысячу во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно, Тот ничего не знает о войне.

Война в Афганистане, о которой, в свое время, много говорили, постепенно отходит на второй, а порой, и на третий план. Ее, как и положено, заслоняют более актуальные события. И даже ветераны, в чью память она врезалась, так, что не сотрешь ничем, все реже о ней вспоминают. Но бывают в жизни моменты, которые заставляют ожить события, давно минувшие, с прежней яркостью. Это встречи. Встречи с боевыми друзьями. Так было и со мной. Встретившись в феврале этого года в Москве с ветеранами 334 отдельного отряда специального назначения, которых не видел более двадцати лет, я вдруг вспомнил о войне. Вспомнил, хотя ни на минуту не забывал о ней с тех пор, как вернулся оттуда. Вспомнил, как о наиболее ярком эпизоде моей жизни. Вспомнил с прежней остротой то, что перешло в разряд светлой памяти....

За всю историю пребывания частей

спецназа в Афганистане, к сожалению, не все операции отрядов и групп были успешными и результативными. Были и боль потеря, и горечь поражений. На то были разные причины. Но, несмотря на это, большинство солдат, сержантов и офицеров проявляли мужество и героизм. В связи с этим всплывает в памяти бой на склоне горы Насавасар 5 августа 1986 года.

В любой воинской части 1 рота, как правило, первая во всем – и на войне, и в солдатских буднях. Поэтому, когда командованием батальона было принято решение избавляться от палаток и устраиваться более капитально, то первой строительство казармы начала именно наша рота. Мы месили глину, клали камни, тянули лямку караульной службы, ходили в наряды, когда 2 и 3 роты всю шерстили «духов» в районе Асмара. Нам, молодым, прибывшим в апреле, не терпелось в бой, показать бородатым кузкинцу мать. Старослужащие, уже нюхавшие пороху, говорили, что, мол, пользуйтесь передышкой, еще навоюетесь. Это сейчас, по прошествии многих лет, умудренный жизненным опытом, я понимаю, что в нас тогда кипел юношеский романтизм, розовые сопли до колен еще висели и нормально шагать мешали. Добавило масла в огонь и празднование 2 августа дня ВДВ – торжественные слова комбата на утреннем построении, ощущение причастности к элитным войскам, воодушевление от осоз-

нания того, что ты в спецназе. Поэтому когда поступило известие, что 1 рота, вечером 4-го августа, уходит на задание, радости нашей не было предела, хотя предполагался обычный боевой выход по поисково-засадным действиям без каких-либо специфических задач, чтоб поднатаскать молодежь. День прошел в подготовке. Проверили «песочки» и снаряжение, старшина роты старший прапорщик Зенин выдал сухпай, получили оружие и БК. В ружьепарке, в ящике с боеприпасами рука инстинктивно потянулась к магазинам от РПК. Подумалось: «Они хоть и тяжелее, зато патронов больше». Еще один боекомплект положил в десантный рюкзак. Рассовал по кармашкам гранаты. Ощущение тяжести смертоносного металла, добавило какой-то уверенности. В этой своей ненасытности к боеприпасам я ничем не отличался от других новичков. Собираясь в бой, они мыслят верно: чем больше прихватил патронов, тем выше вероятность вернуться живым. Хотя в Афганской войне, без передовой и тыла, действовали свои законы, и можно было запросто погибнуть, не выходя за территорию части, от разрыва РСа или пущенной с гор душманской пули. С наступлением сумерек начинаем выдвижение. Встаем вдоль канала. Поступает команда: «Зарядить оружие!» Передергиваем затворы, досылая патрон в патронник. Кто-то по привычке нажимает на спусковой крючок и тут же получает «колабаху» от

взводного. «Броня», урча моторами, уже поджидает нас на площадке у КПП. Садимся. Поехали. Колонна двинулась в сторону Джелалабада. У Наубадского моста разведчики спешили, а БМП продолжили движение, чтобы не светить группу. Хотя особого смысла в этом не было – с поста «зеленых», охранявших мост, информация о том, что «шурави» отправились на задание, могла запросто уйти к моджахедам. По всей видимости, так оно и случилось, что показали трагические события следующего дня. Бойцы, теперь уже в пешем порядке, как обычно цепочкой, друг за другом, след в след, тронулись в путь. Перешли по мосту через Кунар, обошли справа, у подножия, гору Газгар (отметка 1394), миновали мандэх – сухое русло – и начали подъем на Насавасар (отметка 2387). Сначала пришлось идти по террасам – крохотным участкам плодородной земли, с неимоверным трудом отвоеванным у гор афганскими дехканами. Кому приходилось ходить по террасам, знает, какое это изнуряющее и утомительное занятие: преодолеешь одну подпорную стенку, сложенную из камней, пройдешь несколько метров, а впереди уже следующая. И чем круче склон, тем выше препятствие. Иной раз даже самостоятельно нельзя было взобраться, приходилось подсаживать впередиидущего, а он уже потом помогал подняться остальным. Хорошо еще если участки были засеяны пшеницей или ячменем – шли по сухому, ну, а если попадались рисовые чеки, то топали по колену в чавкающей грязи. Когда террасы закончились, идти стало немного легче. Справа внизу оставался кишлак Ганджгал. А над нами иссиня-черное чужое небо было усыпано миллионами низких нерусских звезд. Первое чувство восторга при виде этой чарующей красоты слишком быстро сменялось отвращением, а подчас и ненавистью. Иногда это звездное великолепие перечеркивалось крест-накрест далекими строчка-

ми трассирующих очередей. Это пехота на постах, одурев от темноты и тишины, от которых больно ломило в висках, а душу заполняла болезненная сосущая пустота, вколачивала в ненавистные звезды очередь за очередью, разгоняя дергающимся в руках пулеметом отчаянную тоску по далекому русскому снегу и потаенный свой страх перед неведомым завтра на войне. Когда над горной грядой стала светлеть закраина неба, предвещая скорый рассвет, обнаружили на склоне небольшой нежилой кишлачок. Да и кишлачком-то его было трудно назвать – так, несколько строений, огороженных каменным дувалом. Командир принял решение остановиться на дневку в нем: скоро утро, и надо было где-то залечь, днем в горах шибко-то не погуляешь. Позиция, правда, была не совсем удачная – склон уходил дальше вверх, а в горах, кто выше, тот и сильнее. Но другого выбора не было. Четвертая группа расположилась в каком-то сарае, без окон, с одним дверным проемом. Третья – рядом с стенкой, на улице. Первая и вторая – где-то поблизости. Достали сухпай, перекусили, чем бог послал, и стали ждать, что день грядущий нам приготовит. А уж он нам приготовил. Через пару часов слышим по радиации: «Москва! Я – Москва-3! Выше по склону наблюдаю движение «духов»!» Сейчас сложно сказать, случайно ли моджахеда нас обнаружили или, действуя по наводке, следили, где мы остановимся на день, потому как знали, что спецназ воюет в основном ночью. И началось.... Противник попытался применить свою излюбленную тактику: одна группа занимает выгодную позицию и прижимает огнем к земле, а вторая – по ложбинкам подбирается поближе и забрасывает гранатами. В этот раз у них не получилось. Тогда мятежники, заняв более выгодную позицию выше по склону, тупо принялись обстреливать нас из гранатометов и стрелкового оружия. Нелетная в этот день погода не дала возмож-

ности «вертушкам» прилететь нам на подмогу. Да и маленькое расстояние между противоборствующими сторонами все равно не позволило бы им отработать НУРСами по «душманам», как пить дать зацепили бы своих. Ротный попробовал вызвать поддержку артиллерии: «Сталинград! Я – Москва! Один дымовой по квадрату!». Но первый же выстрел показал, что, если гаубицы начнут работать боевыми, мало не покажется никому – ни нашим, ни вашим. Так что приходилось рассчитывать только на свои силы. Больше всего не повезло 3 группе. Каменный дувал надежно защищал их от выстрелов, в то же время давая возможность вести ответный огонь. Но вот от осколков гранат, которыми «духи» из РПГ долбили в стенку нашей сараюшки, укрыться было негде. Досталось всем, кому в меньшей степени, кому в большей. И не было возможности сменить позицию – открытое пространство усиленно простреливалось. Тяжелейшее ранение получил командир группы старший лейтенант Виктор Курнос. «Душманская» пуля, попав ему в голову, снесла полчерепа. Это был его один из первых боевых выходов – он только недавно прибыл из Союза по замене. Не повезло. Нашу группу от выстрелов защищали толстые глинобитные стены, хотя позиция была очень неудобная в плане ведения ответной стрельбы – один единственный дверной проем выходил в сторону от линии огня. Тогда сержант Саня Сарапкин и рядовой Коля Выдриг, единственные в группе на полгода старше нас по призыву и имеющие уже кое-какой боевой опыт, применили следующую тактику. Выждав удобный момент, один перебежал через простреливаемый двор (метров 10-15), залегал за дувалом и открывал стрельбу. Через какое-то время, пока «духи» не успели пристреляться, возвращался обратно отдышаться и поменять магазин. И так по очереди. Нас, молодых, не пускали. Мы же принимались пробивать отверстие в стене, чтобы вытащить через него к нам 3 группу. Долбили ножами и шомполами от АКСов. Старались изо всех сил, не обращая внимания на сбитые в кровь руки и содранные ногти, так как понимали, что там за стенкой ребятам приходится несладко. Но, несмотря на все наши усилия, работа продвигалась медленно – глина, слежавшаяся и прожаренная афганским солнцем за много лет, была как камень. И все-таки мы это сделали. Кто-то из офицеров в радиопереговорах с ротным сказал, что нужно уходить. Ответ был: «Днем нельзя. Начнем отходить в светлое время – положим половину ребят. Нужно продержаться до ночи!» Мы продержались. Уходили по темноте, неся на плащ-

палатках раненых. Своих мы не оставляли: ни живых, ни раненых, ни мертвых. Закон спецназа был прост: сколько нас ушло, столько должно и вернуться, а там уже разберемся — кто живой, кто раненый, а кто мертвый. Другого закона у нас не было. Когда начали спуск по склону, старший лейтенант Виктор Курнос был без сознания, но еще жив. Хотя мы и понимали, что такое ранение несовместимо с жизнью, но все-таки по своей молодости, а может, по наивности, надеялись на чудо. Чудо не произошло. «Вертушки», прибывшие утром из Джелалабада, забрали раненых и завернутое в брезент тело взводного 3 группы. Уже возвращаясь в лагерь, сидя на горячей броне, вдыхая солярный выхлоп и пытаясь не слезть с несущейся по ухабам БМП, я думал, может, это сон, может, это все не наяву, сейчас открою глаза, и ничего этого нет, а если что, так просто проснусь — и дома. Я надеюсь, что Виктор Курнос и другие тоже просто проснулись в другом, прекрасном мире. И «духи» проснулись, может, с нашими вместе, а может, отдельно, не важно. Нам с ними и в этом мире, в принципе, нечего было делить.

ВЫЛАЗКА В КАРЕРУ

Много сказано и написано про укрепрайон «Карера». Многих боевых друзей потеряли мы, наведываясь туда, в гости к «духам». А по прошествии столько лет хочется восстановить в памяти и на бумаге боевые операции, в которых довелось принять участие. Ведь некоторые эпизоды забылись, а некоторые до сих пор с тобой, как будто, это

было только вчера. И, наверное, уже будут с нами до конца, и никуда от этого не деться, как бы мы порой ни старались. В связи с этим вспоминается небольшая вылазка в печально известный укрепрайон. Осенью 1986 года командованием было принято решение немножко потревожить «осиное гнездо». Точную дату сейчас не вспомнить, знаю только, что это было после нашего с Саней Пикуриным возвращения из Джелалабадского госпиталя после ранения. Нас тогда еще взводный не хотел брать на боевой выход, так как предстоял длительный пеший марш, но мы его все-таки уломали. Разведотряду 334 ооСПН в составе 1 роты (командир старший лейтенант А. Кистень) была поставлена следующая задача: ночью переправиться через р. Кунар по Наубадскому мосту, совершить марш мимо кишлаков Саркани-Сангар-Дунай, подняться в горы, занять скрытные позиции с видом на укрепрайон и с рассветом начать корректировку огня батареи 122-мм гаубиц Д-30, которые должны были отработать по «Карере». Приказ был себя не обнаруживать и в огневой контакт с моджахедами без необходимости не вступать. Чтобы скрыть выход разведотряда из лагеря от любопытных глаз, был предпринят отвлекающий маневр. Дело в том, что разведроты 334 ооСПН в это время строили себе казармы, и с окрестностей Асадабада возили на машинах камни и глину для кладки стен. Это и было решено использовать для того, чтобы «духовские» осведомители ничего не пронюхали. Ближе к вечеру разведчики скрытно загрузились в крытые «Уралы» и колонна направилась в сторону кишлака Наубад. Прибыв на место, несколько бойцов начали

имитировать сбор и погрузку камня. С наступлением темноты разведгруппы покинули машины, и колонна ушла назад в лагерь. Перейдя через р. Кунар по Наубадскому мосту, мы вышли на дорогу, ведущую мимо кишлаков Саркани-Сангар-Дунай. Мимо спящих кишлаков прошли тихо и незаметно, так что даже ни одна собака не залаяла. Поднявшись в горы, командиром было принято решение сделать привал в нежилом кишлаке. Разведотряд расположился в одном из строений, которое саперы предварительно проверили на наличие растяжек и других «сюрпризов». Выставили боевое охранение, и бойцам даже удалось пару часиков подремать. Ближе к утру, проделав остаток пути, вышли к намеченной цели. Заняв позиции, используя в качестве маскировки камни, плащ-палатки и ветки кустарника, стали ждать рассвета. Пасмурная погода, начавшийся небольшой дождь и туман, окутавший горы с восходом солнца, были в этот раз нашими союзниками. Когда туман немножко рассеялся, «Карера» предстала пред нами во всей красоте, которую вскоре нарушил шелест летящих снарядов. Это была уже другая красота — вздымающихся взрывов, рушащихся скал, летящих осколков камней. Чтобы случайно не обнаружить себя, основной состав разведотряда находился на склоне невидимом со стороны укрепрайона. Лишь небольшая группа — командир, связист и еще несколько бойцов расположились так, чтобы была возможность видеть происходящее и корректировать огонь артиллерии. Обработка позиций «духов» продолжалась почти весь день с небольшими перерывами. Моджахеда, конечно же, понимали, что не просто так «работают» гаубицы, что кто-то ведет корректировку, но им было не до этого. С наступлением темноты разведотряд покинул свои позиции и отправился в обратный путь, который на удивление преодолели легко и быстро. Может, это в какой-то степени и послужило поводом к разговорам, что 1 рота не ходила в «Кареру», а отсиживалась в каком-нибудь кишлаке. Масла в огонь добавило еще и то, что перед выходом на задание командир роты поручил Замяткину Виталию вести фотосъемку укрепрайона во время обстрела, но по возвращению в лагерь, при проявке фотопленки оказалась испорченной. Так что, мы не смогли представить документального подтверждения выполнения поставленной задачи. При подходе к Наубадскому мосту мы обозначили себя ракетами, чтобы поджидавшая там «броня» знала, что идут свои. А артиллеристы, дабы облегчить нам дорогу, «повесили» несколько осветительных снарядов. <И>

Сергей СКРИПНИК

http://www.artofwar.net.ru/profiles/skripnik_sergei_v

О том, что было

(фотографии предоставлены автором)

Знаете, я никогда не мечтал и даже не знал об СПН. Собираясь отдать долг Родине в спортроде, но жизнь и действительность оказались другими. После прохождения «курса молодого бойца» в течение месяца в 98 ВДД (г. Болград) я был распределен в учебное подразделение (н.п. Ожогина), где готовили младших специалистов оперативно-тактической разведки.

Только потом, лет через десять, я узнал своего куратора, который меня «вёл» после получения приписного свидетельства. На новом месте службы меня сразу сразило то, что я увидел в дремучем лесу: аккуратные постройки жилых домов и казарм.

Подготовка в течение периода обучения в корне была другой — это было двадцать недель пота, слёз и преодоления себя, «милого». Физическая подготовка, топография, изучение средств радиосвязи, видов стрелкового оружия и обучение стрельбе, овладение навыками ближнего боя, а также отработка высадки из вертолёта различными способами. Парашютные прыжки. Количество часов отработки программы младшего командира СН — 100 часов, командира войсковой разведки — 50 часов! Было очень тяжело физически.

Вот только отрывок из расписания дня: утром подъём, кросс (сразу) 5 км до определенной точки в лесу, дойдя до которой, справили нужду и в обратную «дорогу» к казарме. И так все 20 недель!

После окончания курсов мне было присвоено звание младший сержант. Второй период обучения начался в сентябре в другом учебном подразделении (Балашиха). Здесь основное внимание уделялось тактико-специальной и огневой подготовкам, работе со средствами радиосвязи и минно-взрывному делу. Кроме того, по итогам аттестации, в течение 14 недель я занимался по индивидуальной программе. Особое внимание на этом этапе обучения уделялось действиям на территории вероятного противника. Изучение иностранного языка. Я даже подумал: «Буду как Штирлиц!»

Всего же за этот период я провёл на различных полевых выходах, практических занятиях и учениях 90 суток. Мне было присвоено воинское звание сержант.

В начале 1979 года принимал участие в тактико-специальном двухнедельном учении, в ходе которого проверялись и закреплялись полученные навыки. Был отмечен и получил благодарность от начальника управления (направления). Это и сыграло роль в моей дальнейшей судьбе. После направления в 9 Отдельную Бригаду СПН (г. Кировоград) был откомандирован на Высшие Офицерские курсы «Выстрел» имени маршала СССР Шапошникова.

Вот выдержка из документа:

1970г. Приказ ГУБП СВ, ВОК перешло на новый штат:

... курсы : тактической-специальной разведки и общевоинской подготовки. Введён 4-й отдел «военной подготовки студентов, сержантов и младших специалистов войсковой разведки для подготовки офицеров запаса 1-го разряда» (вместо упразднённого отдела тыла)

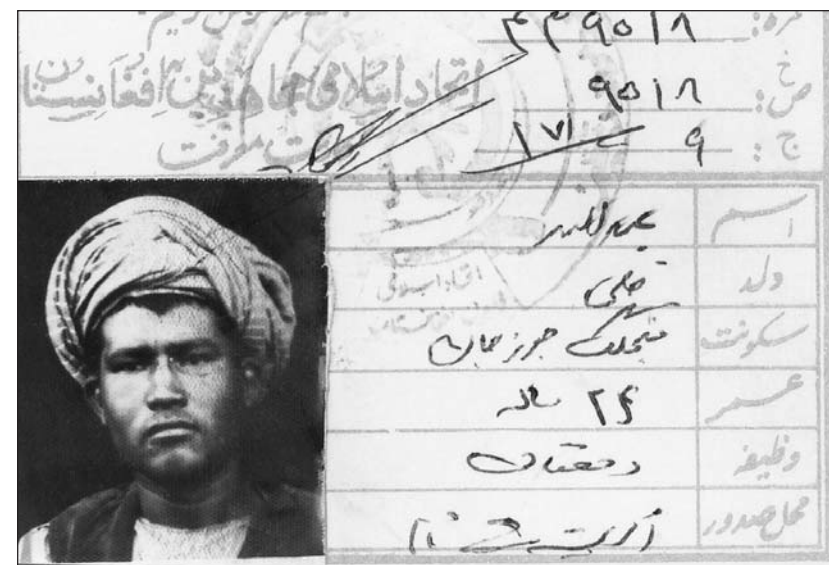
На сегодня очень много написано и издано книг о системе подготовки диверсантов и оспаривать их правдивость я не буду. Единственное правило подготовки диверсан-

тов и разведчиков — это секретность! Далее домысливайте сами.

Нас не готовили непосредственно для Афганистана. Но специальную подготовку мы проходили в условиях похожих на Афганистан. Теорию, но не практику. На войну никто не собирался, но выполнить поставленную задачу для достижения определённых целей, были готовы постоянно. Это главное в подготовке бойцов и офицеров СН. Что и упущено в современных условиях. Рассуждения солдат и офицеров о правомочности тех или иных действий командования ведет к невыполнению поставленной задачи. Хотя... и действия командования, руководителей высшего ранга, не отличаются честностью и знаниями, необходимыми для проведения спецопераций. В первую очередь руководствуются политической, но не военной целесообразностью. Увы... Пример — дело Ульмана.

Но не мне рассуждать, на тему политики, тем более, что офицер СН должен быть готов ко всему. В том числе и к предательству. Но это сугубо моё мнение.

А потом был Афганистан... Первые ощущения — это: «Вот оно, настоящее дело!» И, конечно, граница...

Первая боевая операция не запомнилась ничем выдающимся. Охрана и сопровождение ответственных партийных деятелей НДПА до мест назначения в Кабуле, 25-27 декабря 1979 года. Хотя при первом огневом контакте в жизни сработала та система обучения, которую приобрёл в Союзе. Укрылся от стрельбы противника за валуном, укрыл охраняемых лиц и принял все меры для ведения ответной стрельбы по противнику. После боя осмотрел место своего укрытия. Это оказался не «валун», а маленький взгорок высотой сантиметров в двадцать. Вот такие ощущения...

Если говорить об ошибках, то привлечение частей и подразделений СпН для действий в ДРА в штатном составе мирного времени при их низкой обученности не позволяло решать задачи разведки в полном объеме. Следовало ожидать, что в стадии партизанской войны возникнет необходимость применения традиционных методов выполнения разведывательных и специальных задач и централизации управления отдельными отрядами СпН. Органы разведки СпН своей деятельностью не обеспечивали командование частей необходимыми данными о противнике на маршрутах движения мятежников. Пассивность в организации разведки непосредственно самими соединениями, частями и подразделениями приводила зачастую к неоправданным потерям личного состава. Со временем (1983-1989 г.г.) активность разведки СпН значительно возросла, так как части и подразделения, как правило, действовали на отдельных, разобщенных направлениях и должны были добывать данные о противнике в своей полосе, на своем участке самостоятельно.

В условиях и с учетом специфических сфер разведывательного обеспечения 40-й Армии были задействованы все виды разведки: стратегическая, агентурная, радио и радиотехническая (стратегическая и оперативная), оперативная агентурная, специальная, воздушная. Был создан Разведцентр, объединивший несколько разведпунктов, оперативно-агентурных групп на самых опасных и стратегически важных направлениях.

В мае 1980 года была создана отдельная разведывательно-поисковая группа, которая была направлена в провинцию Нангархар, город Желалабад. В эту группу попал и я.

Наша группа осуществляла тесное взаимодействие со всеми органами военной разведки. В результате предпринятых мер, а также на основании анализа ранее имевшихся материалов удалось вскрыть боевой и численный состав бандформирований оппозиции в провинции Нангархар, их дислокацию, характер возможных действий бандгрупп,

в том числе были представлены данные по опорным пунктам, узлам сопротивления, численности и вооружению размещенных в них группировок, маршрутам переброски подкреплений, инженерном оборудовании местности.

Фактически это было подтверждением полученных разведанных другими источниками. Специфика группы была полностью разведывательно-поисковой, также осуществлялся контроль результатов воздушных ударов, вскрытие опорных пунктов и узлов сопротивления. Были и операции по устранению лидеров вооруженной оппозиции с целью прекращения или остановки ведения боевых действий против ОКСВА. Так и появлялись «договорные» кишлаки и целые провинции.

Лучше сказать, что осталось после этой Войны. Осталась память, знания и сумасшедшая ностальгия по человеческим отношениям. Представьте! Человеческие отношения в условиях Войны.

Была у нас такая операция. Некоторые представители руководства ДРА и НДПА (руководящая партия) начали вести двойную игру. Видимо, сыграли клановые и племенные интересы. В число таких руководителей входил некто Х. Вот тут и сыграла свою роль созданная в начале мая 1980 года наша ОРПГр. Товарищ Х передавал информацию о проходе автоколонн с гуманитарной и военной помощью. Информация появлялась у него по роду его прямой деятельности. Эти автоколонны подвергались нападениям, уничтожению и грабежу. При этом гибли наши военнослужащие! Было принято решение командования об уничтожении этого предателя и прекращения нападений на автоколонны.

В сентябре 1980 года «некто Х» с тремя сопровождающими находился в Лаке-Тига, где участвовал в переговорах с вождями пуштунского племени джадран, в том числе, с Джелалудином Хаккани, активным лидером вооруженной оппозиции. Командованием была разработана операция по психологическому воздействию на оппозиционеров и междоусобной клановой разборке. Так как некто Х — пуштун из клана махсуд, племени вазилов, а Хаккани — пуштун из племени джадран.

Под видом одной из Гуманитарных организаций, бойцы из моей группы проникли на территорию населенного пункта Лаке-Тига на автомобилях «Датсун» нашего Разведцентра, при этом был уничтожен и спрятан среди пакетов с «гуманитаркой» один из бойцов племени джадран. Затем в «причинном месте» был уничтожен и некто Х — зарезан ножами, которые характерны для племени джадран. На место был подброшен труп бойца этого племени. Племена «вазилов» и «джадран» вели свои разборки в течение 8 месяцев, пока не договорились об уплате определенной вместе с вождями племён «пайсы» за смерть своего представителя.

Все эти месяцы ни одного нападения на наши заставы и автоколонны НЕ БЫЛО! Предатель был уничтожен.

Надо сказать, что духи были достойным противником, который быстро научился с нами воевать. Первые караваны транспортировки вооружений, боеприпасов и продовольствия были большими по количеству. Легко вычислялись нашими войсковыми подразделениями и, соответственно, быстро

уничтожались. Изучив нашу тактику, моджахеды перешли на малые разрозненные группы доставки. И боевые действия против ОКСВА возобновились с новой силой. Подготовка инструкторами из ведущих стран мира моджахедов на территории Пакистана тоже сказалась на военном понимании ведения партизанских действий бывших пастухов и религиозных лидеров.

Самая тяжёлая моя операция называлась «Ширгар» и была связана с взаимодействием с войсковыми подразделениями. Кому-то в Штабе Армии пришла в голову отличная идея. В ряде случаев разведывательные подразделения дробились и придавались мотострелковым подразделениям, действующим на самостоятельных направлениях, однако,

свои задачи в таком составе они выполнить были не в состоянии.

Подразделения войсковой разведки, прибывавшие в район боевых действий из других провинций, не всегда были готовы к выполнению предстоящих задач по причине небоеготовности боевой техники, неисправности вооружения, средств связи и разведки. Кроме этого, оснащение органов войсковой разведки не соответствовало условиям обстановки. Отсутствие специального вооружения (АКМС с приборами бесшумной и беспламенной стрельбы, ножей разведчика и приборов разведки) в значительной степени осложняло выполнение разведывательных задач.

Управление силами и средствами разведки при подготовке и в ходе операции в целом было устойчивым и своевременным. Однако, в связи с низкой укомплектованностью органов управления, подразделений связи частей разведки принимались экстренные меры для доукомплектования их личным составом и

рами, специально назначенными наблюдателями и наблюдательными постами. Наблюдение организовывалось с перекрытием зон невидимости, что привело к необходимости выносить НП на отдельные высоты и размещать их эшелонированно. В ночное время часть наблюдательных постов перемещалась с высот в низины, так как ночью наблюдение снизу вверх давало лучшие результаты. С наступлением темноты наблюдение дополнялось подслушиванием, которое велось всеми наблюдателями. По возможности в состав поста подслушивания включали военнослужащих, знающих местный язык.

Вот тут и постарались применить меня с моими разведчиками для проведения осмотра н.п. Ширгар. Как раз по назначению!

Осмотр населенного пункта при действии в пешем порядке осуществлялся разведорганом в составе взвода. Взвод действовал в колонне по одному, имея впереди на удале-

средствами связи, в том числе, и общегородского назначения.

По линии Разведцентра в район проведения операции «Шингар» было направлено около 18 комплектов различных радиостанций и другой специальной техники с центральных складов, а также за счет других военных частей. Вопросы оснащённости частей и подразделений разведки средствами связи требовали кардинального пересмотра отношения к ним, так как они на всех уровнях, начиная со стратегического и кончая тактическим, должны быть полностью укомплектованы как оборудованием, так и подготовленным личным составом.

Основным способом ведения разведки при проведении операции «Ширгар» являлось наблюдение. Оно организовывалось при всех условиях боевой деятельности, в любое время суток, велось лично команди-

нии 100 м (зрительной связи) дозорное отделение. Все военнослужащие взвода разделялись по «двойкам» или «тройкам», чтобы исключить отставание военнослужащими и захват их в плен противником. Дистанция между группами была до 30 м днем и 10-12 м ночью. Осмотр дома осуществлялся девятидвенадцатью военнослужащими. У меня в группе было всего 9 разведчиков... Но населённый пункт Ширгар большой и вытянут вдоль долины.

Осмотр населенных пунктов начинали с предварительного наблюдения с удобного места дозором, особое внимание уделялось наблюдению за кязризами и отдельными дворами (строениями), где могли располагаться засады. К отдельным домам разведорган приближался со стороны построек, не имеющих окон (бойниц). После осмотра и доклада командиру дозор выдвигался на противопо-

ложную сторону населенного пункта и из-за укрытия осматривал передилежащую местность. По населенному пункту разведорган следовал в полном составе, обращая особое внимание на дувалы (ограды). При встрече с противником разведорган кратчайшим путем выходил на окраину населенного пункта и подавал установленный сигнал. Особенности населенных пунктов, влияющими на ведение разведки, являлись:

— высокие дувалы (заборы) вокруг домов, резко снижающие возможности наземного наблюдения;

— наличие подземных сооружений, позволяющих противнику укрываться в них, а после прохождения органов разведки выходить из них и наносить огневое поражение нашим подразделениям;

— узкие проходы (переулки).

В одном из переулков мы были обстреляны противником, и я дал команду «Отход». На мои запросы мотострелковое подразделение не отвечало и, видимо, молча наблюдало картину боя. Не получив поддержки, приказал минировать пути нашего отхода из-за вероятности преследования. Были применены МОН-50, растяжки различных видов, в основном, с Ф-1. Выходили с боем из Ширгара около 40 минут! Ранено было 8 разведчиков из 9!!! Вся жизнь пронеслась перед глазами. Вот цена «знаний» наших вышестоящих начальников. А ведь на дворе был 1982 год и «духи» ещё не научились хорошо воевать! Не называю ни имён, ни фамилий. Ни к чему это.

Какими люди становятся на войне и на службе в Спн? В основном, отличными профессионалами, настоящими друзьями и бесстрашными бойцами. Всё хорошее формируется и выходит наружу при «экстремальных» обстоятельствах, где предел человеческих сил и энергии. Хотя в мирное время при условии невостреманности их опыта, знаний, ухода на пенсию они сгорают как спички! СпН получило уникальный боевой опыт. Нигде, никому не нужный! Чеченские войны это доказали.

Лучше сказать, что осталось после этой Войны. Осталась память, знания и сумасшедшая ностальгия по человеческим отношениям. Представьте! Человеческие отношения в условиях Войны. Нонсенс? Нет! Правда! И это подтвердит любой прошедший любую войну. Сейчас превалируют власть, денежно-экономические отношения между людьми. Любовь и верность, дружба, братство заменены количеством денег на счете. Теперь я ценю жизнь ещё сильнее! Сам Афганистан люблю за красоту его гор, долин, рек. Первозданный Богом край! Войну ненавижу! <ИВ>

Владислав
ИСМАГИЛОВ

http://artofwar.ru/i/ismagilov_w_g/

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ

Родился в 1968 году в г. Казань. Срочную службу проходил в 86-88 г. на территории ДРА, с 87 в составе ООСпН 22 бригады спецназначения (3-й батальон). Кандагар. После вывода дослуживал в Азербайджане. В дальнейшем, продолжал службу в составе спецподразделений. Принимал участие в спецоперациях на территориях Таджикистана, Дагестана, во время обеих Чеченских кампаний.

Служили два товарища. Со школьной скамьи они шагали рядом по жизни. Вместе ушли в армию, вместе поступили и закончили военное училище и стали офицерами, вместе служили в одном батальоне. Еще со школы как-то так складывалось, что Первый был во всем вторым, а Второй был всегда третьим. Эта закономерность носила какой-то мистический характер, несмотря на то, что оба они были очень похожи за исключением, пожалуй, одного. Первый всегда хотел перестать быть вторым и стать первым. Он корпел над учебными пособиями, донимал преподавателей будучи курсантом, он ежедневно тренировался и бегал 5-ти километровку, он непрестанно занимался усовершенствованием учебного процесса боевой подготовки своих солдат, собирая и обобщая боевой опыт. И самое главное, что делал он это не из банального самолюбия, а потому, что не считал себя вправе быть вторым. Он расценивал существующее положение вещей как свой недостаток, промах, недоработку. Он как командир очень остро ощущал ответственность за выполнение возложенных учебных и боевых задач, за жизнь вверенных ему подчиненных.

Второй — не так. Его вполне устраивало быть третьим, он особо не напрягался, считая для себя главным лишь не упасть за эту планку — планку третьего. Так они и жили-служили...

У Первого была жена, он был счастлив — но у жены был любовник, и даже при формальном праве на то, чтоб быть первым и единственным, Первый фактически оказывался вторым.

«Ничего, не повезло», — думал он и еще активной углубился в службу.

У Второго жены не было, но была любимая женщина, которая была замужем, и в этом треугольнике он так и оставался третьим.

«Ну, и нормально, — думал он, — всех все устраивает, никаких обязательств. Нормально». И продолжал жить не напрягаясь.

Однажды их батальон отправили на войну. Но и там Первый оставался вторым, а Второй — третьим. Результаты, которых добивался Первый все уходили кому-то другому, и он вновь оставался вторым. Вроде как поговаривали, что командиру одного из элитных подмосковных полков нужна была Звезда Героя, вот результаты всех десантных подразделений, работавших в том же районе, скидывались на этот полк. Второй служил себе потихоньку, для него как будто ничего не поменялось, словно он и не на войне был.

Так бы, наверное, все и продолжалось, но закончилось.

Первый накрыл собой гранату со случайно выдернутой чекой, выпавшую из руки солдата. Он быстрее других, стоявших рядом, сообразил и принял решение. Оттолкнув горе-бойца, он прижал к себе смертоносную болванку и отпрыгнул в сторону, свернувшись калачиком. Подумал он напоследок, что все-таки успел первым к ней, что он все-таки стал первым.

А Второй... Вскоре после окончания командировки уволился в запас по состоянию здоровья, или помогли ему уволиться по ОШМ (оргштатным мероприятиям), и... спился. Самый частый вопрос, который ему задавали: «Третьим будешь?» В ответ он вино вато кивал головой, а потом пил молча, словно каждый тост у него был третьим.

Он так и остался третьим... <ИВ>

ЧУЖОЙ

*Он по улице шел, не по моде одет.
Изучающий взгляд из-под темных бровей.
Он как будто бы здесь и как будто и нет.
Средь своих он казался чужим для людей.*

*Он был прям и, быть может, немного горяч.
Молчаливым, с печалью тоски.
Будто в сердце его поселился палач
И снутри разрывал на куски.*

*Он смотрел на огни разноцветных реклам
И в себя уходил на часы.
Он больной? Не пугайтесь, отвечу я вам.
Просто он не вернулся с войны.*

*Он какой-то чудной и, наверное, псих —
Со спины его шепотом режут.
Он вернулся как будто чужим для своих.
Ни к друзьям, ни к вратам, где-то между.*

*Он не может понять, как здесь люди живут.
Без войны тут шагают по трупам.
Из-за денег и юбок воруют и лгут.
Лучший друг вдруг становится Брутом.*

*Сколько тех, кто не смог возвратиться домой.
Хоть вернулись, оставшись в живых.
И, сошедши с тропы в незавершенный бой.
Превратились в своих для чужих.*

*Он, как все, ежедневно с работы домой.
Виноватый за все без вины.
Коли встретишь его, не суди за спиной.
Он еще не вернулся с войны...*

Эдуард
УЛЬМАН

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ИЗ ВЫХОДОВ

Вылет планировался на семь часов. Рано утром в нашей полутемной палатке началась суета доподготовки: получение оружия, боеприпасов, увязывание снаряжения и тому подобное. Поскольку опыт у народа только нарабатывался, то определенная нервозность имела место. Началось притормаживание отдельных элементов из числа «наиболее подготовленных». Вышли на плац. Я выполняю одним из последних. Уточнил у «замка» наличие людей, снаряжения, вооружения. Кого-то отругал, кого-то отправил за забытым. В строй встал перед выходом командира. В том, что дело будет серьезным, были уверены все

поголовно. Практически каждый поработал в прилегающих к Самашкинскому лесу районах. Делились информацией друг с другом — знали, куда шли, поэтому настраивались работать как следует.

Пробежали вдоль строя начальники служб. Провели сверку. Вышел комбат, стихли разговоры. Доложились. Покивали головами в ответ на привычные вопросы, насторожились, переваривая еще раз информацию. На плечи стал давить вес разгрузки и рюкзака. В этот момент было не до погоды, хотя с утра все отметили: погода «класс!» в общепринятом смысле. Я успел порадоваться хорошей видимости — все равно работать в зеленке, где видимость 30-50 метров, а растяжки и мины прочие видно будет лучше, если что. Поправил рюкзак, прикинул, как ходить с ним трое суток. Порадовался — вытерплю.

Посмотрел на парней (мы все еще стоим перед комбатом): Мелкий серьезен, Сокол напряжен в ожидании действия. У Хаммера лицо, как всегда, каменное. На остальных глянул мельком.

Отзвучали наставления, и обломки бамутского кирпича, которыми был вымошен плац, поплыли назад. В голове крутятся не образы и мысли, а, скорее, набор фраз, вариантов действия. Главная забота — взаимодействие между группами.

Притопали на вертолетную площадку. Разместились, ждем борта, пехота бродит в отдалении, изредка поглядывая в нашу сторону. Закурили. Поверяю еще раз состояние группы, беседую на тему предстоящих действий. Ребята прониклись, но изображают спокойствие наполеоновской гвардии: «Не волнуйся, командир, зайдем и выйдем, не подведем». Отлично. Оставляю группу на Качка, сам отхожу к офицерам почесать язык о враге насущном и хитростях ему присущих. В метрах 500 начинает работать «Град», красиво и нервы успокаивает. Хотя и немного, но лес прочешет. И все. На этом время замерло до 13.00. Единственный плюс состоял в том, что мы с Соколом смотались в лагерь попить чая со сгущенкой и послушать музыку в военном уюте.

Понятно, что как только обозначилась задержка с вылетом, так поползли злые речи по рядам суровым войска: «Видно, знают супостаты о намереньях наших хитрых, видно, продали злодеи информацию коварно».

Приблизительно в 13.00 сообщили о выходе борта. По развалившейся людской массе пробежало множественное движение. Группа раскрасила лица «Туманом». Проверились еще раз. Ждем очереди. Построились в колонну по одному у вертолетной площадки, выложенной обломками кирпича. Вот и наш борт. Несмотря на дополнительную массу от снаряжения, ветер сдувает. Рванули. Пропускаю вперед группу, засакиваю сам. Внутри сидят надменные мужики, явно не армейской принадлежности, смотрят на нас с недоумением. Высокомерно так: «Что, мол, за

соколики ободренные?» В ответ равнодушие полное, только мысль промелькнула: «Чего вылупились, не видите — пехота!»

Пролетаем над лесом. Идем низко, иногда проваливаясь. Внимание на лес. Взгляд спешит зацепиться за что-нибудь: полянку, прогал в лесу. Пытаюсь оценить увиденное, но не успеваю, слишком быстро все мелькает. Ожидание обстрела. Мечусь взглядом по лесному ковру, пытаюсь определить, откуда могут выстрелить. На заднем плане мысли о местонахождении базы противника. Подлетаем. Взглядом опрашиваю группу: все помнят порядок выхода? Все. Короткий по времени разворот, снижение — мы на земле.

Вперед, разлетаемся в круг. На некотором отдалении от нас стоят военные, вылупились как на цирк. Вижу оперативного.

Докладываю о прибытии, уясняя, где размещаться.

За редкой цепочкой деревьев — обрыв. На краю уже разместились Сокол и Мелкий с Ладогой, рассматривают реку.

одтянулись к ним, осматриваемся. Хороший вид. Обрыв метров 20, река, за рекой лес. На краю обрыва — парочка окопов. В один из них сажаю пулеметчика, прочие разворачиваются по краю. Миша пытается лучше осмотреться, беспечно стоит на самом краю. Интересуюсь: «Как насчет загнать вниз?»

Беззаботно отмахивается, хочет доказать, что земное притяжение над ним не властно. Мол, дома, вместо зарядки на обрывах стоял, и вообще — дома горы круче, а мухи злее.

Ладно. Отгоняю. Мишка отходит, уже забыв, что хотел посмотреть, и тут же начинает распределять отделению сектора наблюдения. Всматриваемся в противоположный берег. Кроны деревьев находятся ниже нас и

служат превосходным укрытием от наблюдения. Можно стрелять и спокойно уходить. Жду, что духи так и сделают. В порядке бреда пытаюсь определить пути подхода, места размещения стрелков противника.

Иногда мысли перескакивают на природу и погоду. Тогда расслабляюсь, наслаждаюсь жизнью. В очередной раз понимаю, что удовольствие от того, что ты просто живешь, очевиднее именно тогда, когда ты имеешь варианты это удовольствие потерять. Отвлечся от вредных мыслей помог подошедший Хаммер. Сел в окоп, покурили, поговорили.

После небольшой задержки группа Сокола пошла вниз. Идут аккуратно, опасаясь мин. Остальные занимаются своим делом: прикрывают и наблюдают. Степ-снайпер прикипел к прицелу, Малыш за пулеметом, изредка оглядывается. Ждем. Сокол, не обнаружив брода, вернулся. После короткого совещания решаем подорвать дерево на противоположном берегу, чтобы переправиться. Наш берег обилием деревьев не радует. Сокол, раздевшись, обвязывается «колбасой» (сосредоточенный заряд: 4 кг пластида). Переплыл реку и шныряет между деревьев, оценивая обстановку. Белизна тела ярко выделяется на фоне зелени, подчеркивая его беззащитность. Оценка закончена. Облюбованное дерево хорошо выделяется среди остальных. Это высокий бук примерно 60 сантиметров в диаметре. На противоположный берег перекидывают еще ВВ. Народ наперебой предлагает свои заряды, чтобы избавиться от лишнего веса. Еще одна «колбаса», не долетев, шлепается на середину реки. Четыре килограмма пластида терять так просто не резон, поэтому Сокол снова лезет в ледяную воду. Нырять и находить заряд. Все это время за Сокола просто страшно. Один,

не прикрыт, виден хорошо, от нас его отделяет река, которая может очень сильно помешать в случае чего. Тихонько матерюсь, желаю Соколу удачи, рычу на своих, чтобы получше смотрели. Все. Сокол исчезает. Спустя положенное время раздается взрыв. Некоторые комья земли долетают до нас. Дерево валится идеально, образуя нависающий над водой мост. Группа обламывает мешающие ветки и спешно переходит на другой берег. С плеч падает тяжелый груз — Сокол прикрыт и в безопасности. Настает и наша очередь.

Группа за группой переходят реку. На гребне обрыва нас провожает Хаммер, раздвигая подзатыльники на счастье — это, чтобы вернулись дать сдачи. Спускаюсь вниз, заняв обычное место в боевом порядке. Начался прибрежный кустарник. Ну, вот и началась война. Взгляд под ноги, взгляд по окрестностям, взгляд на группу. Дерево преодолеваем легко, не замочив ног. Река позади. Отряд — вкруговую. С командирами перекидываемся парой фраз, еще раз уточняя детали. Начинаем движение. Сразу же возникает неудобство. «Одноразовый» («почетное» прозвище приданных саперов) мин боится еще, видимо, больше нас, а ходить в лесу, удерживая направление, не умеет. Приходится поправлять его через каждые 30-50 метров. А это составляет известное неудобство, когда связь внутри группы зрительная, на условных сигналах.

Попетляв полчаса, сажусь осмотреться. Дозоры растекаются в стороны, сам уточняю координаты. Вокруг спокойно, лес напоминает старый заброшенный городской парк. Сняв координаты и переговорив с Качком, решаю убрать Одноразового в ядро группы: толку от него нет в головном дозоре, он только мешает, так как по уровню обученности — никакой. Движение приобретает знакомые ритмы. Во время одной из остановок Малыш ловит детеныша ласки. Бархатная шкурка приятно ласкает кожу, детеныш попискивает, и это действует умиротворяюще.

В 16.33 выходим к речке. По своему виду она больше напоминает ручей. Правда достаточно глубокий, чтобы попытаться найти брод, а не переться напролом. Рассылаю дозоры. Уточняю координаты. Остальные ведут наблюдение за противоположным берегом. Дозорные возвращаются, нашли место, где можно попытаться перейти. Есть возможность пройти по дереву, что нависает над водой. Угол наклона дерева 30-40 градусов. Высота над противоположным берегом 3 метра. Ищем еще варианты. В 16.50 — выстрел! Началось! На другом берегу. Кругнувшись волчком, залегая в ямке за деревом. Спустя секунду на другом берегу

ответный шквал огня. Кто встрял, Сокол или Мелкий? Оказалось, Сокол, слышу доклад: «У меня один 300-й, в голову». В эфире гам, найдя паузу, вклиниваюсь с запросом: нужна ли помощь. Достаточно вежливо посылают. Ухожу со связи. Там решают вопрос об эвакуации раненого. И я мешаю. Вижу тревожные взгляды своих разведчиков. Коротко довожу, что им необходимо знать, успокаиваю: 300-го эвакуируют, спасут, наше дело — выполнить задачу. Стрельба стихла. Из переговоров по станции ясно, что для эвакуации подойдет Хаммер. Выдвигаюсь к наклонному дереву для переправы. Миша пытается перейти, доходит до середины ствола, дальше не получается. Отправляю головной дозор дальше по берегу, сам решаю перейти по дереву.

Глупо, конечно же, но раз получилось так, что самые подготовленные разведчики — командиры групп, то надо действовать. Пройти по дереву оказалось достаточно просто, имея лучшее по сравнению с остальными снаряжение — ничего не мешало. Проблемой стал спуск. Имея снаряжение на плечах и крутой береговой откос, можно поломать ноги при прыжке. Рюкзак долой, немного поколебавшись, сбрасываю автомат, сам лечу следом. Вес «разгрузки» сделал приземление ощутимо неудобным. Хватаю автомат и несколько изысканных выражений в адрес окружающей действительности — ствол забит землей. Граната в подствольнике. Два прыжка — я на гребне. Вокруг плотный подлесок. Видимость 20 метров максимум. Никого вокруг. Автомат

«душки» придут обязательно. База немаленькая, один может не удержать. Дает координаты. Сокол с Ладогой уже двигаются к нему. Пока обговаривали сигналы взаимного опознавания, прочие условия встречи, вмешался комбат. Приказал двигаться к месту проведения засады, согласно решению. Понял, принял, выполняю. Желаю удачи Мелкому, конец связи.

К месту проведения засады подошли уже в сумерках. Расставили МОНки, сигналки. Подгруппы заняли свои места, началось ожидание. Перехватываю доклад Мелкого о взятых трофеях. Духи смотались с базы, побросав даже разгрузки с боеприпасами, поэтому улов получился приличным. Вызвало удивление присутствие мины (в комплекте), стоящей на

раз в мои теплые объятия. Не выходит. Сокол с Мелким решают вызвать артиллерию. Чтоб не накрыло меня, еще раз уточняют мои координаты. Вместе решаем, что дать артиллеристам. Дают пристрелочный. Понял, принял, жду. Мина ложится просто идеально. Даю подтверждение и загоняю группу по ямкам, благо, что здесь они присутствуют и присмотрены заранее. Береженого БОГ бережет. По связи передают: «Даю два огурца».

Принял. Жду. Кто-то из группы комментирует: «Сейчас нас накроют». Только успеваю сказать, что молитву уже прочитал (по установившейся традиции), как слышу полет «огурцов». По звуку понимаю, что «огурцы» валяются прямо на голову, сейчас накроют. Удар. Звон. Комья земли. Шум в голове. По связи кто-то интересуется, с надежной в голове, как попали. Хорошо попали, считаю людей. Иваныч держится за ногу, шепчет «ранен, ранен».

— Кровь есть?

— Нет — землей ударило.

Все целы. Расползаемся по местам. Артиллеристы, получив поправки, перенесли огонь западнее. До утра лежим спокойно, слушая, как долбят наши. Радист периодически шипит на санинструктора: при звуке пролетающей мины, тот вливается руками в сапог радиста, рефлекторно. Подошва гнется.

Утром выходим к базе, ожидаем Хаммера. Хаммер уже второй раз, нагло забирается на броне в самую середину Самашкинского леса. На этот раз за трофеями. Собрались все вместе. Стали делиться переживаниями. Не обошлось без смеха: меня снова приласкала артиллерия, у одного из бойцов пулей погнуло подствольник — у каждого нашлось что-то свое. Пока готовили к подрыву блиндаж, пехота, прибывшая с Хаммером, стащила половину трофеев. Вернули после небольшого внушения.

Посмотреть на результат решил один из генералов. Вместе с Хаммером и Ладогой

Ожидание обстрела. Метаюсь взглядом полесному ковру, пытаюсь определить, откуда могут выстрелить. На заднем плане мысли о местонахождении базы противника.

буквально рассыпается в руках. Чистый ствол. Автомат собран. Чувствую гигантское облегчение. Сзади появляется головной дозор, растекаются по гребню рядом со мной. Группа переходит реку по обнаруженному броду. Слышен всплеск: один из пулеметчиков не удержался и свалился в воду. Переодеваем его в сухое. Все нормально. Головной дозор — азимут, расстояние, группа — вперед. Идем нормально. Парни работают хорошо.

Вокруг тишина. Противник может быть рядом, но пока что пусто. Слышен отдаленный рев БМП — Хаммер эвакуирует 300-го. Во время одной из остановок отдаю ласку Малышу. Тот кормит ее тушенкой из пайка, кажется, ей понравилось.

18.14 — Мелкий вышел на связь. Он уже занял духовскую базу — нашел много интересного. Зовет в гости на базу, так как ночью

вооружении только у определенного рода войск.

В пехоте такую не возьмешь. Остальное — боеприпасы различных типов и прочие разности, представляющие интерес.

орадовался за друзей: окопы есть, боеприпасов столько, что можно каждый лист в округе прострелить два раза, продержаться ночь — не проблема.

Спустя некоторое время началась стрельба. Со стороны базы. Можно четко различить, кто бьет. Серия одиночных или разрозненные очереди — это духи. Шквал огня — наши. В перерывах между стрельбой духи что-то орут, воют. Мы с радистом и санинструктором развлекаемся, угадывая, когда воют духи, а когда — шакалы. Духи бродят между моей группой и базой, не приближаясь на дистанцию поражения. Жду. Если в очередной раз противник откатится от базы подальше, то попадет как

отправляюсь готовить площадку. Группа, усиленная пехотинцами рассыпается по лесу. Двое самых здоровых бойцов назначены прикрывать генерала телом. БМП крутится на полянке, уничтожая растительность. Наконец, все готово. Ладога готовится к разговору с высоким гостем, прикидывая, что может его интересовать. Вертолет прилетел, покружил, передал, что с запада могут прийти духи, и улетел обратно. Матерились по этому поводу минут десять. Собрал группу. Бойцы испытывают разочарование — хотели посмотреть на начальство, вместо этого лишний раз лес прочесали. Возвращаемся к остальным. Сокол и Мелкий, получив «добро», готовятся к эвакуации. Остальным приказано продолжить выполнение задачи.

Надеясь на то, что «бородатые мирные жители», увидев эвакуацию разведгрупп, придут посмотреть на останки их базы, решаю остаться здесь. Все уходит. Мы не торопясь, готовим засаду. День, вечер, ночь проходят спокойно. С утра сообщают время и район эвакуации, велят дожидаться Мелкого и найти подранка. Ждем. Мелкий прибегает налегке — на ПКМ по сотне патронов, у остальных — что осталось после первой ночи. Следов подранка в округе нет, двигаемся в район эвакуации. По пути находим отлично замаскированный схрон. Пулеметчики Мелкого в экстазе: появились боеприпасы! Лом в упоении обкручивается готовой лентой патронов на 400, радуясь как ребенок. Мои тоже довольны — наконец-то с выхода придем с результатом. В результате спора с Мелким насчет сравнительных достоинств заместителей командиров групп, решаем проэкзменовать Качка. Качок не подвел. Вывел к пункту эвакуации в 70-ти метрах от машин.

Для нас выход завершался до возвращения в ПВД (пункт временной дислокации). Вернувшись, узнали, что сержант Петров скончался от ранения, несовместимого с жизнью.

январь 2001 г.

ЛЮБОВЬ И АРТИЛЛЕРИЯ

В палатке командира роты, служащей своеобразным офицерским клубом, царит тишина. Периодически ее нарушает перебор гитарных струн. Это — Хаммер. Одетый в выгоревшую прыжковку, он сидит в углу палатки, задумчиво глядя в угол. Опершись спиной на спинку кровати, Хаммер держит в руках гитару. Следуя течению своей мысли, он то начинает, то прекращает мелодию. Жарко. Остальные четыре офицера, включая

меня, разместились кто где и плавают в собственных мыслях. Мелкий застыл с блокнотом, отрешившись от намерения рассчитать снаряжение группы для предстоящего через пару дней выхода на задачу. Недавно ставший отцом Клюв задумчиво уперся взглядом в стол. Кантик, шевеля усами, что-то чертит в тетради. Работает. Он командир, ему без дела нельзя. Я, лениво поглаживая начинающий отрастать ус, сижу напротив Клюва, рассматривая разноцветье карты «пятидесятки», застыв на мысли о выборе места будущих засад.

Вероятно такие же взгляды были у адептов всех религий, шедших навстречу насмешкам и смерти с непоколебимой верой в собственную правоту. Мы все скупающе смотрим на влюбленного.

Внезапно валявшийся на кровати командира роты Сокол мечтательно произносит: — А вот у меня Леночка...

Ба-бах! Стоящая за территорией нашего отряда батарея самоходных артиллерийских орудий открывает огонь. Акустический удар так силен, что, кажется, стенки палатки раздуваются от выстрела гнездящихся неподалеку орудий.

Сокол недавно женился. Влюблен в свою жену до беспамятства. Леночка, умница и красавица, завладела всем его существом. Все присутствующие в курсе этого обстоятельства. В свое время, в период, когда их знакомство только начиналось, и Сокол мучился оттого, что его, такого умного, всего из себя элитно-армейского игнорируют и не воспри-

нимают всерьез. Так вот, в то время все присутствующие принимали живейшее участие в судьбе очарованного скромницей товарища.

Звук выстрела инициирует вялотекущее обсуждение вероятных целей артиллеристов. Хаммер с ехидцей интересуется, с какой целью я разместил под носом трамплин для блох. Мелкий живо скидывает голову, ухмыляясь и готовясь развить тему. Началось утро в деревне! Сохраняя кирпичное выражение лица, голосом лектора сообщаю, что мой «трамплин для блох» служит для десантирования вышеуказанных шестилапых в район

забазирования под носом у Хаммера и, как вариант, у Кантика. Кантик возмущенно округляет глаза и начинает доказывать, что его усы и блохи — вещи несовместимые, а вот мой «трамплин» — это позорище, а не усы. Его поддерживает не менее усатый Хаммер. Мелкий, заливаясь хохотом, с прыгающими в глазах бесенятами кричит, что усы отращивают только те, кому содержимым штанов похвастать перед девушкой нельзя. Это уже слишком. Вчетвером, включая Клюва, чей «трамплин для блох» еще в стадии зарождения осаживаем Мелкого. Не торопясь. Каждый по аргументу.

— Во-первых, у Мелкого до сих пор нет постоянной подружки, потому что сам мелкий, и хватать перед подружками нечем. — Кантик.

— Во-вторых, больше одного вечера с ним ни одна не остается, потому что для того, чтобы убедиться в том, что все плохо, достаточно и одного вечера. — Я.

— В-третьих, проверенное качество в рекламе не нуждается. — Хаммер. У него уже две дочери. Старшей скоро в школу.

— В-четвертых, для нормальной девушки таких как Мелкий нужно пучок, а то и не заметит, что что-то произошло. — Клюв. Мелкий с независимым видом, продвигаясь поближе к выходу, заявляет:

— Вам, женатикам, лучше вообще помолчать, поскольку — бракоделы. Немец вообще молчать должен, поскольку он девушек в пиве предварительно вымачивает. А проспиртованная девушка на хороший секс не способна. А ты, Кантик, пока сообразишь, как девушке секс предложить — она на пенсию уходит.

Ясно, пора прибегать к аргументам превосходства больших весовых категорий. Мы возмущенно приподнимаемся, обмениваясь понимающими взглядами.

В этот момент наш молодежен мечтательно произносит в пространство:

— Дуплозавры вы все. Ни хрена не понимаете в семейной жизни. Вот у меня Леночка...

Ба-бах!

В этот раз звук кажется еще сильнее. Вполголоса материмся на беспокоящую нас артиллерию. Кантик неосторожным движением смахивает на пол набор ручек и, возмущенно обвиняя во всех бедах артиллеристов, лезет под стол.

— Сокил! Деточка! Скока ты женат? Ась? — насмешливо глядя на мечтателя, интересуется Хаммер.

— Я женат! — Сокол выпрямляется на кровати, его взгляд затуманен фанатизмом любви.

Вероятно, такие же взгляды были у адептов всех религий, шедших навстречу насмешкам и смерти с непоколебимой верой в собственную правоту. Мы все скупающе смотрим на влюбленного.

увствуется, что вдохновение крепко ударило моего сухощавого друга по голове. Сейчас проповедь читать начнет. Точно! Я угадал. Его разрывает желание донести истину до дремучих дикарей в камуфлированных шкурах.

— Я женат! — Повторяет Сокол с пафосом. — Сынки! Вы не понимаете, каково это — Любить! Вам бы только секс!

— И выстрел в голову, — Мелкий бормочет в сторону, и поспешно зажимает себе рот обеими ладонями, глядя на нас выпученными от сдерживаемого хохота глазами. На языке Мелкого «выстрел в голову» служит обозначе-

нием минета. И всем это известно. Мы пересмеиваемся.

— Мелкий, ты вообще моральный урод! Ты же даже не понимаешь, каково это — подойти к любимой...

— Желательно с тыла, — я добавляю свою долю комментариев.

Затуманенный взгляд Сокола переходит на меня, оббегает присутствующих. Сокол наливается священным гневом.

— Да вы же все здесь — просто жалкие люди. А я — женатый человек, я знаю, как чудесно, когда у тебя есть твое единственное солнышко, ради которого нужно жить. В отличие от Вас, недоумков, я знаю, что такое семья! Я никогда не буду изменять жене, поскольку у меня Леночка...

Ба-бах!

Очередной выстрел орудия накрывает нашу палатку акустическим ударом. Стены дрожат. Нет, сегодня определенно что-то неладно. Раньше стрельба батареи не беспокоила так сильно. Как вариант — мы находимся на одной оси с целью артиллеристов. Какое-то неясное беспокойство заставляет меня оглядеть товарищей. В глазах Клюва застыла настороженность, он, как и я, уловил что-то, но еще не в силах понять, что именно его насторожило. Кантик задумчиво смотрит куда-то в потолок, размышляет. Между тем проповедь продолжается. Сокол повышает накал эмоций. Он уже вытянулся в струнку, сжав кулаки, пытается донести до нас свои откровения. Если бы мы это слышали впервые, впечатление было бы сильным. Пока же мы привычно пропускаем мимо ушей гимн любви и верности, горячечные клятвы и

нелестные эпитеты в свой адрес. Отслеживается только общий шумовой фон. Вот оно — уровень умиления в голосе Сокола нарастает, сейчас он вспомнит о...

— .. И поэтому я был котом помойным, когда был холостяком. А сейчас я женат! И моя Леночка...

Ба-бах!

Палатка дрожит, ее стенки раздуваются. — Сокол, заткнись! — Кантик командует негромко, прислушиваясь к происходящему.

— Ты не понимаешь! Кантик, ты же не женат! Вот у меня Леночка...

Ба-бах!

Переглянувшись уже все вместе почти одновременно:

— Сокол, заткнись!

— Да вы, идиоты! Я ж вам говорю, что у меня Леночка...

Ба-бах!

— Леночка...

Ба-бах!

— ЗАТКНИСЬ, СОКОЛ!!!

Оскорбленный нашей черствостью Сокол резко садится на кровать, катая желваки по скулам, затем ложится и отворачивается к стене, уткнувшись лбом в разгрузочный жилет Кантика, висающий над кроватью. Тихо. С минуту мы настороженно прислушиваемся. Потом Кантик бурчит себе в усы:

— Шаман, блин!

Снова тишина. И перебор гитарных струн.

09.02.07 г.

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Сегодня парни с соседней роты отправляются на свой первый выход. Вторая партия. Приехали позже нас на две недели. Мы успели сбегать пару раз в ближайшие окрестности, освоились и делились опытом. Пусть небольшим, но первая война, как первая любовь. Сколь угодно много можешь знать в теории, а первый раз робеешь, готов ли? Не опозоришься?

Сережка Бутт, светлый парень, сосредоточенно собирает снаряжение. В его руках рюкзак быстро заполняется, приобретая твердость очертаний. Затем меняет прямоугольный контур на расплывчатый, обрастая деталями снаряжения. Я, не торопясь, делюсь подробностями первых своих выходов. Тактическая часть изложена быстро.

Заострил внимание на поведении саперов, выводивших группу в ночь. Их страх и неуверенность. Рассказал о том, почему убрал их в ядро группы и пустил вперед своего «замка».

Мне кажется это важным. Реалии несколько отличаются от нашей экстраполя-

ции, выведенной беседами на лоджии гостиничной комнаты. Там, дома. В гарнизоне. Перед командировкой.

Серёжка слушает. Между делом задаёт вопросы. Я понимаю, что его волнует не столько технические детали «БээРа» (выход разведгруппы на задачу), сколько мои ощущения и переживания. Понял я, Серега, не дурак ведь. Сейчас расскажу. Только сформулирую поточнее.

Что волновало? Да ты понимаешь, злило то, что бойцы растерялись. Потеряли уверенность. Как будто вновь «молодыми» стали. Головной дозор, вон, потерял в ночи. Стаметров не прошли. Собирали их час. Они вперёд ушли. Поняли, что группу не видят и сели. Стволы ошетинились и молчок. В ступор впали. Пока руками не нащупал, на сигнал взаимного опознавания не отвечали. У Мелкого такая же история. После «выхода» ржали как кони — все один в один. Все неурядицы. Опять я не про то?

Да ты не волнуйся, Сергей! Все нормально. Работай головой. Будь внимателен. Бойцам примером твоя уверенность должна быть. Тогда сработает на «отлично». Вот увидишь, как на броню сядете, всю мнительность как рукой снимет. В тебя же вколочено столько рефлексов, что на автомате все делать будешь, а эмоции пропадут, уверяю. С минными полями осторожней будь. На блоке, от которого выходить будете, еще раз уточни их расположение. Я вон, когда возвращался, решил немного срезать путь к блоку. Хорошо Николаич куда-то на крышу забрался, нас засек и давай руками махать. Я на связь выхожу, а он: «Стой! Там мины!» Интересно, что саперы приданные молчали. То ли не знали, то ли вымотались до полного безразличия. Опять не о том? Серёг, волнуются все! И я волновался. Ты не закидывайся, соберись. Завтра вместе хохотать будем.

Потрепав по плечу своего сосредоточенного друга, выхожу из палатки. Заходящее солнце, тепло. Бойцы снуют по своим делам. Эх, хорошо! Сегодня отдых — завтра в лес. Группа освоилась. Бойцы повеселели. Первый шок от осознания, что ты на войне, прошел. А значит, работать можно в полную силу. Толковые у меня ребята. Надобно их еще погонять, потренировать. Пусть знают, что нет предела совершенству.

От нашей бани, стоящей за командирской палаткой, мне сигналил руками старшина. Показывает, все собралось, мол. В палатке ждут, время начинать. Принял. Иду.

Сегодня отмечаем день рождения дочки Ивана. Папа на войну уехал, и дочка на свет появилась. Пора идти поздравлять счастливого отца. Он уже в ожидании. Тяжело ему сегодня придется, отшучиваться устанет.

Размышляя о вывертах судьбы офицерской, дохожу до нашей «канцелярии». Изнутри несется хохот. Опять Мелкий с Соколом языками сцепились, а все остальные веселятся над спорщиками. Ныряю в палатку, с ходу огорчаю Сокола тем, что он не прав, и вообще по жизни тормоз, раз не понимает таких простых вещей. Провоцирую. Сокол искрится эмоциями. Мелкий, заливаясь хохотом, парирует его гневные вопли какими-то измышлениями. Кантик, Хаммер, Валера-замполит и Клюв — виновники торжества, наслаждаются зрелищем. Обычная обстановка. Все ходят довольные. У каждого «рот до ушей — хоть завязочки пришей». Отдых.

Постепенно выясняется, что праздновать рано, старшина колбасу не пожарил еще. На закуску. Пара поллитровок водки на столе сиротливо дожидается своей участи. Дневальный вносит военные салаты. Спор замолкает. Короткое обсуждение предстоящего праздника приводит к выводу о необходимости накрыть стол. Дружно принимаемся за дело.

Кто хлеб режет, кто банки ножом пластаёт, кто стол сервирует. Все вместе, все спорится. Минуты не прошло — стол накрыт. В центре почетное место для сковороды с жареной колбасой пустует. Заглянувший в палатку старшина изгоняется с наказом без колбасы не возвращаться. Скоро уж должен подойти наш штатный комбат, неожиданно для всех оказавшийся в командировке заместителем «варяга». Мы еще не привыкли к такому положению вещей и не знаем, что спустя годы не раз будем вспоминать добрым словом этого «варяга», оставшегося в командировке сверх срока. А сейчас есть возможность убить время, обсуждая положение, в котором оказался наш командир.

Взгляд на часы. Сейчас Серега должен выезжать, инструктаж к этому времени должен закончиться. Взяв на всякий случай фотоаппарат, не особо торопясь, выхожу из палатки и шагаю к парку. Миновав баню, поднимаю взгляд и вижу БМП. На броне сидит Серёжкина группа. Улыбаюсь. Подхожу поближе, указывая на фотоаппарат, лицом изображая вопрос. Серега улыбается своей светлой улыбкой, качает головой — «не надо». Принял. БМП кашляет клубом черного дыма, заводится. Друг вскакивает на броню и вскидывает вверх руку, прощаясь. На фоне закатного неба его силуэт вырезан четко, и также четко врезается в память картинка. Красиво. Нежные переливы цвета закатного неба. Рубленные контуры боевой машины, и человек на фоне неба. С вызовом поднята рука, как крик, как клятва — я вернулся!

Подивившись внезапным мыслям о кра-

соте мгновения, я провожаю взглядом тронувшуюся с места БМП. Вскидываю к плечу кулак — удачи, Серега! Не затягивая расставания, иду обратно. У бани сажусь покурить. В голове крутятся мысли о том, все ли я успел рассказать другу. Кажется, об эмоциях не поговорили, а так, вроде все особенности и неожиданности своего первого боевого выхода успел рассказать. А ведь все равно волнуясь! Пытаюсь успокоить себя тем, что грамотен Сергей как офицер, далеко не дурак, уравновешен, деятелен, рассудителен... Да все должно быть нормально в конце-то концов! Курю. Думаю. Снова курю. Из-за палатки выскакивает Малыш, мой пулеметчик. Вертит головой. Вот, заметил. Бежит, приблизившись, докладывает, что вызывают на совещание.

— Принял, Малыш, спасибо! Качку скажи, чтобы группа ждала в расположении, после совещания задачи нарезать буду. Да, Малыш, иди, конечно!

Пока я ходил смотреть на отъезд Сергея, Кантик успел побывать на совещании у командира. Увидев меня, недовольно шевелит усами, задерживаешь, мол. Молча показываю в направлении парка — провожал. Молчаливый обмен мнениями завершен, и Олежка быстро ставит задачи на ближайшие сутки. Вместе с остальными командирами групп перебираюсь в большую палатку. Группа ждет. Поставить задачи минутное дело. Проверяю, как парни уяснили последовательность действий на завтра. Вроде все. Зову Мелкого, пора в «канцелярию». Вдвоем, веселясь и болтая всякую ерунду, вваливаемся в палатку, предвкушая веселые посиделки.

Оп-ля! А на столе сковорода шкворчит и жиром брызгает. Румяные ломти колбасы источают аппетитный аромат. Старшина! Зачет! Неделю можешь меня не бояться! Старшина посмеивается и бурчит под нос что-то о своем бесстрашии.

Все за стол! Рассаживаемся вольготно, шевелим носами, впитывая в себя запахи накрытого стола. Кантик отвлекает, говорит, командира подождем. Он сейчас подойдет. Течет разговор, обычный в кругу фанатов своего дела. Обсуждается все: от оружия до влияния войны чеченской на геополитику. Заметив остывание главного блюда, Олежка хватается за радиостанцию. Запрос — ответ. Командир будет позже, сказал не ждать. Начинаем. Пока разливается водка, Мелкий, смеясь, озвучивает идею:

— Не надо Ване в отпуск отсюда ехать. Домой приедет, а там ему теща ноги сломает. Битой бейсбольной. Чтоб не вернулся на войну.

Идея пришлась по душе народу. Забыли про водку и давай творчески идею развивать. Клюв, покрасневший от смеха, огрызается, отшучивается, но не дано ему сегодня всех перекричать. Однако Кантик — адепт порядка. Он помнит о цели мероприятия. Он кричит, надрывая голос, смиряя шаловливую вольницу. Вольница не сдается. Ей просто пофигу. Она хохочет, рыдает от смеха, заводит сама себя острым словом, пока кто-то в порыве веселья чуть не расплескивает рюмку. Стихают шутки. Народ про водку вспомнил и про то, что тост пора говорить. С трудом делаю серьезное лицо, слушая торжественные речи. Сам встаю, не менее напыщенно говорю. Иван сияет. Сегодня его праздник — он стал отцом! Опрокидываю

теплое, неприятное водочное пойло в глотку. Передергиваюсь — что за гадость. Для того, чтобы закусить, приходится шутиливо побороться с Соколом за кусок колбасы, зацепленный двумя вилками.

От двери палатки доносится приветствие. Кто пришел? Шахид! Заходи! Садись за стол! У Вани...

Что ты говоришь?! Я слышу информацию. Я смотрю на Шахида, его шевелящиеся губы и отказываюсь понимать, что он говорит. Сколько «двухсотых»? Не может быть, они же только что ушли!!! Ты шутишь, Игорь? Такие шутки дурно пахнут.

НЕ ШУТКА?!

Запинаясь о скамейку, выскакиваю из-за стола. В дверном проеме уже исчезает спина Ивана. В спину толкает несущийся галопом

Вот увидишь, как на броню сядете, всю мнительность как рукой снимет. В тебя же вколочено столько рефлексов, что на автомате всё делать будешь, а эмоции пропадут, уверяю. С минными полями осторожней будь.

Мелкий. Молча бежим в центр боевого управления отряда, вкоачивая ступни в вымощенный бамутским кирпичом плац. Палатка, стоящая рядом с нашей, выплевывает бегущие фигуры офицеров и прапорщиков соседней роты.

Толпимся у палатки ЦБУ. Слухи, пересуды, недоумение. Вроде потери. Кто именно — не ясно. Сколько человек? Да, вроде, четверо. И, будто бы, кто-то из командиров групп. Ждем. Подхватываем каждое слово дежурного, укладываем его в мозаику информации о произошедшем, стараясь убедить себя, что все не так безнадежно.

Кто-то сообщает, что раненых эвакуировали. Раненых? Надежда взмывает, трепеща крыльями. Переглядываемся. В парк? Давай.

Я страстно желаю, чтобы черные вести оказались преувеличением. Не привыкший молиться, мысленно умоляю кого-то там, в небе, чтобы парни были живы. Пусть ранены, пусть даже тяжело. Живы, они должны быть живы! Во взглядах друзей-товарищей читаю мысли в унисон. Висит над отрядом мысль, свинцовая тяжестью пригибая плечи, пусть ранены, только бы живы были парни. Наши медики с носилками торопятся к парку.

Вдали слышен рев БМП. Он приближается, нарастает вместе с моим нетерпением. Давай же быстрее, быстрее мать твою!

Есть в военной медицине понятие «золотого часа». Успеют раненым оказать помощь в течение первого часа после ранения — и девяносто процентов раненых выживают. Я схватываю взглядом часы. Время. Есть время! Еще не кончился у ребят «золотой час»!

Быстрее же ползи, черепаха железная! Неси ребят сюда, где медики нетерпеливо ждут! Давай же! Давай!

Подлетевшая «броня» качнулась, останавливаясь. Спеша, отодвинув бойцов назад, с брони и из десанта выгружаем парней. В моих руках Сергей. Все. Чистое лицо безмятежно, спокойно, мертво. Я продолжаю механически делать то, что сейчас необходимо. Кто-то помогает. Все это проходит мимо сознания. Внутри пусто, и время остановлено. Как же ты так, а? Как не уберется, братец?

Сергея уносят, как и других ребят. Один еще жив. Как сквозь вату я слышу фамилии других ребят. Дзгоев. Никонов. Алипин. Слух вычленивает из гула голосов главное — ОЗМ. Клятая мина! Вспоминаю, что перед командировкой обсуждали как раз то, что

мины меня и Сергея больше всего беспокоят. Кулаки сжимаются сами собой. Кто-то из друзей мягко толкает меня в сторону, отводит. Говорит что-то. С трудом понимаю, что советуют побыть одному, не напрягать солдат бешеным лицом. Ухожу к ротной бане. Долго сижу там в одиночестве, плавая в безвременье. Курю. С долей удивленья обнаруживаю на скулах слезы. Это приводит в чувство. Сосредотачиваюсь, собираю силы и глуша эмоции. Дышу. Плавно и медленно. Готов. Иду к «канцелярии». Позади, в направлении «на пять часов» слышу звук вертолета. К площадке несут ребят — в Ханкалу. Борт садится так резко, что, кажется, он прыгает на землю. Короткая погрузка. Взлет. Уходит борт.

Молчаливая компания вновь за столом. Уже известно, что не выжил никто из четверых. Четвертый скончался в вертолете. Всем неловко. Пока мы тут веселились, парни на мину нарвались. Мысли у всех на лице написаны. О жизни ребята думают, о смерти. Внезапно меня пронзает мысль. О том, что в жизни все взаимосвязано. Рождение и смерть. Сегодня день кому-то дал жизнь. Кому-то принес смерть. Не успевая додумать, не оценивая, как воспримут, упираясь взглядом в глаза Ивана, говорю:

— Ваня, у твоей дочки сегодня появилось четыре ангела-хранителя. В жизни ей будет легко!

Согласные кивки друзей и молча выпитые рюмки говорят мне, что я понял верно.

День закончен.

01.02.2007

Андрей
ЗАГОРЦЕВ

http://artofwar.ru/z/zagorcew_a_w/

БАЗА

(Применение опыта партизанских действий подразделениями специального назначения в Контртеррористической Операции на Северном Кавказе)

Шел пятый год проведения Контртеррористической операции на Северном Кавказе, обстановка была обычной. Объединенную Группировку как всегда лихорадило: у боевиков все шло по плану, как обычно несогласованному ни с кем, а уж тем более с нашим высоким начальством. Иногда приходила в голову крамольная мысль, а что было бы, если бы боевики тоже подчинялись нашему штабу? Представляете картину? Какой-нибудь полевой командир из гордого горного тукхама, выходец из знаменитого тейпа, прославивший себя в боях с неверными, решил отмыть деньги, пришедшие из-за бугра от мировой террористической общественности. Известил об этом Командующего группировкой, Начальника Штаба и прочих.

Оперативное Управление Группировки в полном составе, почесав в затылке, достало из секретной части огромную карту масштаба 1:50 000, гордо именуемую «План применения Сил и Средств Незаконных Вооруженных Формирований на такой-то год». Достали, рассмотрели в подробностях,

почесали головы и выяснили, что полевой командир не прав, ибо согласно плана:

А. место проведения диверсионно-террористического акта не входит в его зону ответственности;

Б. на данный период у незаконного вооруженного формирования запланирован строевой смотр на предмет проверки готовности к ведению боевых действий против Федеральных Сил в условиях горно-лесистой местности, а никак не диверсионный акт;

В. у командира НВФ до сих пор не утверждено решение на перевод автомобильной техники на зимний период эксплуатации...

и так пунктов сорок...

Полевому командиру дадут пару суток на устранение недостатков и написание недостающих документов. И даже если дипломированный боевик все это исполнит, ему понадобится неделя, чтобы все согласовать, утвердить и получить разрешения. Начальники служб отряда боевиков будут сходить с ума, отчитываясь перед инженерами за неписанные с прошлого подрыва

мины, детонаторы, взрывчатые вещества. Оружейники будут, потрясая накладными и нарядами, материть во все корки начальников складов артиллерийского вооружения, которым на все наплевать и у них обед...

И даже если, в конце концов, все удастся, и подрыв или нападение на какое-нибудь подразделение Федеральных Сил осуществится, то боевики потом замучаются предоставлять отчеты, рапорта на списание, фотоматериалы по установленной, но недавно сменившейся форме.

Вот тогда, я думаю, им все надоеет и они разорвут все контракты по несоблюдению условий со своей стороны. Уволятся из Незаконных (а теперь, согласно последних требований, Иррегулярных) Вооруженных Сил, сложат оружие, поедут в славный город Беслан закупят дешевой водки и начнут ею торговать из-под полы на Ханкалинском рынке, вспоминая славное боевое прошлое и украдкой смахивая скупую мужскую слезу, сбегающую по давно небритой щеке....

На четвертый год операции создалась, помимо Объединенной, еще и Группировка Войск в Горной Части Чеченской Республики (в простонародье — Горная), а для чего создалась, знают только вышестоящие штабы. Налаженное управление начало раздваиваться, путаться, стало громоздким. Обе группировки требовали от отрядов спецназ «результата».

Если результат был более или менее нормальным, тут уже честь и хвала тому командованию, которое первым доложит о потрясающих успехах на ниве борьбы с бандитизмом.

Результат требовали все. Найденные скроны с боеприпасами и продовольствием, вещь, конечно, хорошая, но началству требуется «мясо» и как можно в большем количестве, да еще и с фотографиями, а если есть возможность, так необходимо трупы «моджахедов» приволочь на своем горбу, дабы «боссы» удостоверились, что сие есть именно

хладный труп, соответствующий фотографии, а не фотомонтаж или еще хуже — разведчик специального назначения, позирующий фотографу с лицом перемазанным кетчупом и изображающий из себя «результат».

Начали мы анализировать, что, как да где мы делаем неправильно. Порылись в старых сводках. Интересовала статистика, где и когда в какое-время удалось «оприходовать» кого-либо из боевиков. В каком количестве? Местность? Как шли? В каком состоянии были. Чем занимались наши подразделения до огневых контактов. Была ли это заранее организованная и спланированная засада, или же столкновение произошло при переходе на марше. Были ли огневые контакты при совершении налетов на обнаруженные базы и дневки.

Статистика вещь хорошая, и если подойти к разбору и изучению всех боевых столкновений с участием частей и подразделений специального назначения с какой-то своей системой, то можно достигнуть весьма неплохих результатов.

Я, копаясь в компьютерах и сводках для создания какой-либо системы, набросал таблицу с графами время, место, обстоятельства и потихоньку ее заполнял, надеясь вычленив, хоть что-нибудь полезное для себя.

В конце концов, посчитав все результаты, пришел к неутешительному выводу: встреча с боевиками на семьдесят процентов — это дело случая. При проведении засадных мероприятий, если и были результаты, то в основном в районах, где проходили какие-либо дороги или тропы, пригодные для продвижения автомобильного транспорта и в пешем порядке. В ходе поисковых действий огневые контакты происходили в основном при внезапной встрече с боевиками. Обычно после боестолкновения при дальнейшем благоприятном исходе для нас досматривалась мест-

ность. Отметил для себя несколько случаев, когда при досмотре где-нибудь неподалеку обнаруживалась база боевиков. Вспомнился собственный опыт 2002 года, когда, будучи заместителем командира отряда, находился на боевой задаче в качестве оперативного офицера с разведотрядом от нашего батальона. Тогда разведотряд, действуя в Шелковском лесу, наткнулся на превосходящую по численности группу боевиков. Когда я, услышав от связиста об идущем бое, сорвался с командного пункта, который организовали в отдельном батальоне особого назначения в станице Шелковская, и на одном БТРе с четырьмя приданными саперами и двумя пулеметчиками, пролетев село Парабоч, въехал в лес, отовсюду громыхало выстрелами и пулеметными очередями. Спешившись, мы добрались за броней до наших разведчиков, проломившихся сквозь боевиков благодаря грамотно организованному огню пулеметов на участке прорыва и засевавших за дорожным рвом. Потихоньку отстреливаясь, мы вышли из леса, потеряв всего трех человек: командира группы, умершего в десанте БТРа, старшину-контрактника, заместителя командира группы, и рядового радиста. Хотя в той обстановке, без прикрытия и артиллерийской поддержки могли потерять больше половины.

Тогда была организована масштабная специальная операция, привлечены другие отряды спецназа, у них тоже были потери. Мой разведотряд на следующий день, досматривая место боестолкновения, обнаружил капитальную базу боевиков.

Значит, для получения нужного нам результата, нужна хорошая база. Обычно при обнаружении мест дневок, скронов, тайников и временных пристанищ найденное имущество при возможности изымалось, съедалось, надевалось на себя, а все непригодное для носки и употребления в пищу и хозяйст-

венные нужды уничтожалось методом подрыва с обязательным фотографированием. И что же это нам давало?

Да ничего, кроме очередной цифры в графе доклада: «обнаружено-уничтожено баз, боеприпасов, продовольствия», ну, плюс еще, конечно, моральное и некоторое материальное удовлетворение. Пытались, конечно, посидеть сутки-двое на базе, организовать засаду, но, как обычно, сроки боевого распоряжения поджимают, аккумуляторы садятся, да и каким-то образом боевики вычисляют, что база «уже не та и нечего туда соваться».

При нелегких размышлениях в голову закралась коварная мысль попытаться воплотить в реальность ту задумку, которую еще году в 96-ом хотел осуществить, да как-то не срослось в связи с августовскими боями в Грозном, потом с последующими замирениями и выводом войск.

Планами я поделился с командиром отряда и заместителем. Командир во время поездки в штаб Группировки осторожно высказал задумку начальнику разведки. Тот поосторожничал но дал добро, обставив все дело так, что в случае чего, он останется не при делах, объявив все личной инициативой командира отряда...

Задумка была проста: при обнаружении базы боевиков не уничтожать ее, не минировать и вообще с ней ничего не делать, а самим обжиться и работать с ней, ведя разведку на себя и совершая вылазки по окрестностям в составе подгрупп, имея резерв. Если все продумать и согласовать с поддерживающими и взаимодействующими подразделениями, то пребывание разведчиков на базе можно будет максимально обезопасить.

Для поиска подходящих баз в зоне ответственности отряда через несколько дней в пешем порядке выдвинулось несколько групп с задачей при обнаружении ничего не трогать, максимально осторожно провести досмотр, снять координаты. Если ничего подходящего обнаружить не удастся, одной из групп предстояло приступить к оборудованию места под базу, рытью ям под землянки, сооружению скрытых наблюдательных пунктов. Базу обнаружить так и не удалось, но зато обнаружили неплохое место в распадке между двумя высотками, возле ручья. Неподалеку имелась неплохая площадка, на которую в случае необходимости можно было посадить вертолет для внезапной эвакуации или высадки дополнительных групп. С места оборудования базы связь с центром боевого управления отряда была прекрасная, хотя на специализированных картах, привезенных из штаба группировки, эти места были обозначены как «зоны радионевидимо-

сти». В километрах трех на север проходила неплохая грунтовая дорога, по которой спокойно могла проехать как бронетехника, так и легковые и грузовые гражданские машины. Для наблюдательных постов вполне подходили близлежащие высоты, с которых в оптику прекрасно просматривалось небольшое село и соседние высоты. В конце концов, после долгих пересудов и решений с местом организации базы определились.

Группу готовящуюся засечь на месяц в «лесях» решили максимально изолировать от внешнего мира. Весь личный состав во главе с заместителем командира группы улетел в Ханкалу в один из наших отрядов и готовился для выполнения задачи в чужом пункте временной дислокации, ежедневно выходя для проведения стрельб и инженерной подготовки. Всем бойцам запретили бриться, стричься разрешили только налысо, чему те несказанно обрадовались и принялись отращивать кучные бороденки и усы.

Был еще один плюс в том, что группу услали из отряда. Возле рядом стоящей военной комендатуры района располагалась торговая точка местной чеченки Розы, где постоянно крутились таксисты и другие местные чеченцы. Не знаю, была ли утечка информации или нет, но то, что передвижение наших колонн и выход групп были постоянно под контролем, было ясно и так, даже без предупреждений сотрудников «бдительных органов». Тем более неподалеку от наших ПВД, буквально в трех километрах по дороге, находилось весьма «нелояльно настроенное» село. Сельские пастухи, выводя на выпас своих баранов и коров, нередко были свидетелями прохождения наших разведгрупп, частенько забывающих о скрытности передвижения. Буквально в километре от села на лысой вершухе горы вертолетчики облюбовали неплохую посадочную площадку и частенько десантировали на нее разведчиков, наплевав на просьбы командиров и мотивируя свои действия всяческими отговорками. Заявку на авиацию мы подали заранее, решив вывести группу прямо из Ханкалы, ибо посадка вертолетов на нашей отрядной площадке и прием разведчиков на борт не останутся не замеченными. При высадке группы решили договориться с экипажем о паре ложных посадок и об отвлекающих маневрах. После десантирования группы в районе за несколько километров от базы вертолет должен был покружить, потом зайти на площадку возле села. Группа, оборудовавшая базу и оставившая закладки, заведет вертолет на себя, обозначив место забора разведчиков дымами. Если кто-то и будет наблюдать со стороны, то он увидит только то, что вертолет принял спецназовцев на борт

и ушел в сторону расположения комендатуры и отряда, группа, соответственно, высадится на нашей оборудованной площадке и вертолет уйдет к себе на аэродром.

Высидевшие разведчики пешим маршем должны будут дойти до базы, дооборудовать ее и с неделю вообще не показывать носа, проводя только обязательные двухсторонние сеансы связи. Продовольствие и боеприпасы решили доставлять до оборудованных тайников группами, проходящими через район для выполнения других разведывательных задач, и выбрасывать с вертолетов в заранее оговоренном месте, как можно дальше от базы.

Необходимо было решить еще несколько насущных проблем. Одна из них — это аккумуляторные батареи к радиостанциям и их зарядка. Помимо батарей на станции нужно было заряжать батареи для ночных биноклей, ночную оптику, фотоаппарат и прочее.

Переносные зарядные устройства, работающие от ручного привода, в отряде имелись, но они не решали возникающей проблемы. На рынке в районном центре закупили, естественно за свой счет, маленький, весом всего в пять килограммов, бензиновый агрегат японского производства, работающий почти бесшумно, потребляющий мало бензина и позволяющий не только заряжать батареи, но и использовать его по другим хозяйственным нуждам. Агрегат после покупки немедленно опробовали связисты-аккумуляторщики и выдали положительное заключение о пригодности к работе.

В течение месяца оборудовалась база, доставлялись боеприпасы, мины, продовольствие, медикаменты и прочие необходимые, причем все старались делать как можно скрытнее.

Командиры групп роптали, возмущались, но дело постепенно двигалось.

Командир «партизанской» группы остался в отряде, участвуя в дальнейшем планировании и согласовании. Несмотря на все его возмущения, я каждый день «кормил» его разведывательными сводками, донесениями о перехватах «вражеских корреспондентов», аэрофотоснимками района и другой весьма невкусной продукцией.

Проблем с боевым распоряжением не ожидалось, ибо делал я его сам, отправлял по военной электронной документированной связи файлом в штаб группировки, обозвав его «Замыслом командира отряда». В нашем отделе его существенно правили, то есть ничего с ним не делали только ставили подписи соответствующих начальников, ну кое-где еще парочку запятых (с этим у меня всегда проблемы) и присылали обратно, обозвав боевым распоряжением. Заявки на артиллерию и авиацию подавались точно так же.

Неожиданное противодействие в реализации задумки оказали отрядные тыловики. Как все полученное имущество будет списываться? На ком зависнет? Как будет вестись отчетность? Ерепенились они недолго, командир отряда задал всем головокружильную трепку, и они на время успокоились.

Также одна из главнейших задач — это огневая поддержка разведчиков, действующих в отрыве от основных сил в течение длительного времени. Так как батарея из самоходного артиллерийского полка находилась буквально в десяти метрах от расположения отряда, согласование велось на уровне личного общения. Артиллеристы запланировали и пристреляли цели, группы, находившиеся в районе, корректировали огонь.

Необходимые поправки были внесены, и район базы на карте заперстрел треугольниками с номерами. В случае непредвиденной ситуации по запросу командира группы артиллеристы могли обеспечить и огневой

заслон по периметру базового района, и организовать коридор для спешного покидания района.

Больше всего времени заняло согласование с другими силовыми структурами, которые тоже иногда работали в нашей зоне ответственности. Бывало, что наши разведчики нос к носу сталкивались с разведчиками внутренних войск, решившими организовать проведение поиска и не согласовать это с кем-либо. Горная Группировка она в Ведено, а Объединенная — в Ханкале, там свои начальники, у них свои. По счастливой случайности не произошло боестолкновения, пару раз даже лениво пострелялись издалека. Пришлось порядком повисеть на телефонах и поездить, да еще и вести дипломатичные разговоры, дабы ни словом, ни взглядом не обмолвиться о своих намерениях. Самая проблематичная структура — это, конечно же, местная милиция, состоящая в основном из

Другие разведывательные органы, выделяемые отрядом, работали по плану, и даже приносили небольшие результаты. Обнаружили пару тайников с продовольствием. На лесной дороге обстреляли легковой автомобиль с боевиками. Огневой контакт длился минуты три от силы, потом водитель и два пассажира выскочили и, отстреливаясь, скрылись в лесу. Боевики ушли, но старенькая белая «шестерка» осталась стоять на месте.

Машину досмотрели, в багажнике обнаружили несколько самодельных замыкателей и несколько килограммов тротила. Сперва хотели притащить «Жигули» в отряд, но командир батальона, опасаясь взбучки от «надзорных органов», приказал подорвать автомобиль на месте.

Проблемы возникли на ровном месте и из ничего. Ровно через неделю прилетел один из «высоких начальников» и начал проверять

Не знаю, была ли утечка информации или нет, но то, что передвижения наших колонн и выход групп были постоянно под контролем, было ясно и так даже без предупреждений сотрудников «бдительных органов».

«бывших» — тем вообще на все наплевать, лезут, куда их не просят, и творят, что хотят. Могут наших обстрелять и с чувством собственного достоинства удалиться, могут по своим кровникам «отдулиться», припоминая украденную еще при Горбачеве корову, пристрелят, прикопают хладный труп, а потом еще в прокуратуру стуканут на бесчинствующих «федералов». Но будем надеяться, так далеко, в горно-лесистую местность, они не полезут.

Самыми беспроблемными оказались парни «чекисты» из отделов по борьбе с террором: обговорили все в несколько минут, они меня поняли, я их понял, попили чаю с водкой и разошлись вполне довольные друг другом. За три дня до высадки отправили командира группы в Ханкалу к своим подчиненным. Подготовка к мероприятию заняла около месяца. Вроде все согласовано во всех инстанциях. Все бумажки изучены и подписаны.

База ждет своих «партизан»

МИ-«восьмой» кружился довольно долго, потом подсел на площадку, обозначенную дымами, и забрал группу, «партизан» уже давно не было на борту. К вечеру поступил доклад по связи: все на месте. РГ СпН залегла на базе на «сохранение».

Теперь они неделю будут сидеть и не высовываться, обустривать свой быт и вести наблюдение, потихоньку изучая местность.

организацию и ведение боевой и разведывательной деятельности. Узнав о том, что в зоне ответственности отряда нами организована база, он раскричался и начал винить всех малых и больших отрядных начальников в очковтирательстве. По его словам выходило, что базу организовали специально для того, чтобы ее выдавать за обнаруженную базу боевиков и прятать на ней трупы «невинно убитых мирных жителей», а также награбленное и уворованное. Начали шуршать бумажки. Проверялось боевое распоряжение, приказы, выписки, решения. И тут в самый апогей негодования и брызганья слонами, когда палатка Центра Боевого Управления сотрясалась от начальственных криков, неловко, бочком, сквозь брезентовые занавески к месту комбата протиснулся оперативный

дежурный и попросил у «начальника» разрешения обратиться к командиру отряда. «Босс» валяжно кивнул, но тут же подскокил как ужаленный, услышав скороговорку доклада дежурного. Одна из подгрупп «партизан» вела бой в пятистах метрах от базы с группой боевиков.

Присутствие большого начальника вносило нервность и, честно говоря, конкретно мешало работать дежурной смене, оперативному дежурному и оперативному офицеру.

Однако недаром готовились почти что целый месяц. Когда командир группы запросил отсекающий огонь артиллерии «правее двести такой-то цели», «большой начальник» открыл рот и выразил сомнение в том, что артиллеристы смогут вообще сориентироваться по местности и организовать правильное накрытие, да и вообще успеют ли они внести какие-либо поправки и вообще выстрелить. Но он даже не успел договорить, когда грохнул первый залп. Командир группы начал работать напрямую с батареей, корректируя огонь. Накрытие отходящей группы боевиков получилось со второго залпа. «Начальник» стал торопить всех с докладами о результате боя. В такие моменты я, к при-

меру, вообще стараюсь не встречать в действиях командира группы и не лезть к нему с командами и советами. Я не знаю в полном объеме обстановки, я не вижу своими глазами местность и боевой порядок своего подразделения, ну, и, в конце концов, я не вижу противника, поэтому лучше не мешать командиру.

Обстановка накаливалась благодаря присутствию «вышестоящего руководства», и я от греха подальше вышел с ЦБУ и ушел на узел связи, слушать доклады командира группы непосредственно с центральной радиостанции. Минут через двадцать бой закончился, боевикам все-таки удалось отойти. Преследование организовали, но, как я и ожидал, результата оно не принесло никакого. Зато при досмотре места бое-

столкновения обнаружили два свежих трупа с оружием в полном снаряжении и с огромными рюкзаками.

«Начальник», услышав это, облегченно вздохнул и успокоился, а потом снова развил кипучую деятельность. Ему потребовалось немедленно и собственными глазами осмотреть «убиенных». Тела сфотографировали в различных ракурсах, нашли при них какие-то документы, начали передавать данные, номера оружия, описание содержимого рюкзаков. Начальству этого было мало, необходимы были сами «фигуранты», и он начал вызывать Ханкалу и запрашивать вертолетно-поисковую группу из местного отряда для транспортировки трупов и трофеев. Это означало одно: если вертолет подсядет на площадку возле базы, то существует реальная возможность «засветиться». Слава богу, КП авиации на конец дня полеты отбило, и вертолет обещали только утром после разведки погоды. Времени до следующего утра было достаточно. Половина «партизанской» группы выдвинулась к дальней посадочной площадке, таща на себе «результат».

К пяти утра они еле доползли, на лысой вершущке горки, с краю в кустах, замаскировали трупы и другие трофеи, выложили из камней опознавательный знак, так, чтобы было видно сверху из вертолета, заместитель командира группы снял координаты по спутниковому топопривязчику, перепроверил их еще раз и передал на ЦБУ отряда. Оставалось только замаскироваться, и ждать вертолета с поисковой группой. Решили подгруппу вообще не светить. Описание тайника в подробностях оперативный дежурный передал в штаб отряда в Ханкале в надежде на то, что командир поисковой группы в точности выйдет на место захоронения и будет держать

постоянную связь с подгруппой тащившей «результат».

Видно «большой начальник», заночевавший в отряде, все-таки поднял неплохую суматоху в обоих штабах, и все желали «материального подтверждения».

Вертолет с ВПШГ (воздушно-поисковая штурмовая группа) и прикрывающая пара «двадцать четверок» прошуршали лопастями над отрядом ровно в половине десятого. Экипаж «зеленого» (Ми-8) перекинулся парой словечек с нашим авианаводчиком и ушел дальше. Командир ВПШГ из Ханкалинского отряда был достаточно «матерый» и на «воздухе» висел уже порядком, при заходе в район он сразу же связался с подгруппой и был постоянно на связи. На площадку зашли и приземлились быстро, благодаря знаку из камней хорошо видимому с воздуха. Подгруппа, залегшая в кустах, старалась себя ничем не выдать, поэтому лежала и не отвечивала. НСП (наземный сигнальный патрон) для определения силы и направления ветра пришлось кидать из вертолета.

Разведчики высадились, заняли круговую оборону вокруг вертолета, молотившего лопастями, и начали обшаривать кусты. Все, схрон с трупами найден, быстрая погрузка, и вертолет снова в воздухе. Наша подгруппа так и не засветилась, наблюдая действия ВПШГ издалека. Как оказалось, меры по обеспечению скрытности были приняты не зря. При облете района, перед тем, как лечь на курс, с борта вертолета обнаружили несколько местных пастухов, пасущих многочисленное стадо овец. Пастухи скорее всего внимательно наблюдали за высадкой группы и, может быть, даже сообщили кому следует.

«Начальник» лично обозрев трупы, восхитился и приказал командиру отряда прико-

пать их где-нибудь поблизости, а оружие слать на склады РАВ в группировке. Затея с базой была оправдана, правда потом пришлось чуть ли не ежедневно слать различные фотографии, схемы и замыслы, но это дело привычное. База продолжала функционировать. Буквально, как только колеса шасси вертолета оторвались от нашей площадки, увозя в Ханкалу начальство и вертолетно-поисковую группу, «партизаны» снова вышли на связь. Один из наблюдательных пунктов обнаружил на близлежащей высоте парочку гражданских машин. Явно не лесорубы, те ездят на тракторах, а не на «Нивах», а собиратели черемши в основном пользуются ногами. Пост продолжал вести наблюдение, командир группы постоянно находился на связи. Минут через пятнадцать на опушку леса на вершущке поднялась группа вооруженных людей. Скорее всего, остатки банды, отошедшей после вчерашнего вечернего боя. Неподдалеку в районе находилась в поиске еще одна группа из отряда. Решили ее перенацелить по целеуказанию «партизан». Однако как ни бился дежурный, по связи вызвать группу не удалось, обязательный двухсторонний сеанс должен был быть только вечером. Снова грохнула батарея, накрытие получилось только после третьего выстрела, одна из машин успела скрыться в лесу, группу разбегающихся людей и вторую машину накрыло взрывом. «Партизаны» продолжали наблюдать. Больше никто не появился, на горке сиротливо торчала перевернутая взрывом «Нива». Вечером другая группа, объявившаяся на связи, досмотрела места разрывов. Нашли большое количество фрагментов тел, досмотрели разбитый автомобиль, устроили на ночь засаду. С утра все тщательно сфотографировали. «Босс», бывший у нас с проверкой, бегал по штабу группировки и ликовал.

Несколько дней было тихо. «Партизаны» вели разведку вокруг базы, не отходя далеко, выставляли наблюдательные посты. Обнаружили еще несколько хороших тропинок, на одной из которых установили комплект разведывательно-сигнализационной аппаратуры, совместив их управляемым по радиолнии подрыва зарядов минным полем. Аппаратура сработала как надо. Результаты были вполне съедобными. В отличие от невкусных и грязных боевиков, минами посеколо целый выводок кабанов, которых пришлось пустить в пищу.

Как-то ночью одним из наблюдательных постов на соседней с близлежащим селом высоте были обнаружены подаваемые визуальные световые сигналы. Один из контрактников на НП таскал с собой мобильный телефон с камерой. Разведчик, недолго думая,

снял все световые сигналы на видео и после смены показал отснятый ролик командиру группы, о чем тот немедленно доложил на ЦБУ. Направление сигналов засекли точно и с утра организовали поиск. Место тайника обнаружили случайно, боец, узревший торчащий из-под земли целлофан, вознамерился забрать его себе на подстилку, а когда потащил, слой дерна и веток свалился, и обнаружилась весьма симпатичная ямка с вмурованным в нее большим, литров на сто, пластиковым бидоном. Бидон, к сожалению, уже был пуст. Местность досмотрели тщательнее, и удалось обнаружить следы. Командир запросил ЦБУ и попросил разрешения на проведение засады на ночь. Я попросил его снять координаты на GPS и пока ничего не предпринимать, а уйти с места закладки тайника, не оставляя своих следов. Пришлось запросить через Ханкалу и Ведено радиоразведчиков. Интересовали перехваты из этого района. Как мне объяснили, перехват в этом районе давно не было, и активных проявлений корреспондентов боевиков на данный момент не наблюдается. Может, оно и так, а может, просто не хватает средств для ведения радиоразведки и определения местоположения «вражских» радиостанций в этом районе, и меня об этом извещать вовсе не обязательно.

Как жаль, что в составе отряда нет каких-нибудь групп радиоразведки, оснащенных малогабаритными техническими средствами. У нас имеются, конечно, малые переносные приемные устройства, но по ним можно только определить приблизительное направление, да и то не всегда. А так, посадили бы оператора (а еще лучше оператора-переводчика) на базу, раскинули-развернули бы вс-

кие там антенно-фидерные системы, замаскировали и получали бы наши подгруппы, ведущие поиск в районе, свежую, крайне нужную информацию и целеуказания. Плохо у нас дело обстоит с такими крайне нужными техническими средствами. Или, к примеру, скажем, нужно передать графическую информацию (фотографии объекта или убиенного моджахеда) на ЦБУ, и что делать?

Фотографировать и фотографии потом в электронном виде в пешем порядке доставлять до отряда? У наших новых корреспондентских радиостанций есть функция пере-

Подгруппа, залегшая в кустах, старалась себя ничем не выдать, поэтому лежала и не отвечивала. НСП (наземный сигнальный патрон) для определения силы и направления ветра пришлось кидать из вертолета.

дачи цифровой информации, и она сопрягается с ПЭВМ и может работать как радиомодем. Вроде бы неплохо и программное обеспечение есть. Но, однако, нет у нас компьютеров, приспособленных и сертифицированных под это дело. Казалось бы, чего проще – сопрягай через USB-порт фотоаппарат и радиостанцию и передавай прямо на компьютер оперативно-го дежурного. Да скорость передачи до того маленькая, что можно сутки потратить на передачу одной фотографии, и «весит» она в мегабайтах немало. Можно, конечно, фотографию «сжать» в каком-нибудь формате, но, опять же, командиру группы нужен хотя бы ноутбук или КПК, а это деньги, деньги... Списание и незаконное использование военного имущества в личных целях различным вышестоящим командованием.

Поговорили по связи с командиром «партизан» и, немного поразмыслив, пришли к решению пока наблюдать за тайником и попытаться отследить передвижения незаконных формирований в районе. Через несколько дней опять сигнал фонариком, опять же, командиру группы нужен хотя бы ноутбук или КПК, а это деньги, деньги... На этот раз тайник под завязку оказался забит продовольствием, которое тут же, незамедлительно изъяли и продолжили наблюдать. К утру к тайнику подтянулось трое бородачей с автоматами и вместительными рюкзаками. Засада получилась «классическая»: бесшумная, из двух бесшумных автоматов, в упор. Боевики даже и понять ничего не успели. Трупы пришлось с проклятиями тащить чуть ли не до самой базы, ибо щелкать ночью фотоаппаратом со вспышкой как-то не хотелось.

Прикопали их под развесистыми буками, обобрав до нитки. А тайником пользовались еще две недели, находясь на базе.

Неизвестный доброжелатель ровно раз в неделю делал закладку и уходил. «Партизаны», скрепя сердце и наплевав на угрызения совести, пользовались безвозмездной помощью, предназначенной вовсе не им. Брать пособника пока не имело смысла. Ну, взяли бы его «тепленьким», а на утро вся близлежащая деревня вышла бы на поиски, сея вокруг панику, и какой-нибудь из местных охотников обязательно бы наткнулся на тщательно оберегаемую базу. Для работы с таким контингентом нужны специалисты, которые смогли бы при «беседе» с пленным

потянуть и распутать всю ниточку и выйти на куда более серьезных людей. Ну, а наши разведчики таким делам обучены слабо.

«Партизаны» на базе в течение месяца принесли вполне неплохой результат, и по итогам подведения разведывательно-боевой деятельности отряд в группировке занял первое место. На обжитом месте отработала еще одна группа, расширившая районы поиска дальше к югу и к окончанию срока действия боевого распоряжения вскрыла очень солидную «капитальную» базу боевиков, набитую продовольствием и боеприпасами. Решили ее тоже использовать, но из-за указаний «сверху» пришлось все имущество вывезти, подорвать и сжечь. Из-за обилия вертолетов и бронетехники в районе группе не имело смысла оставаться дальше работать, и она вернулась в ПВД. Оборудованную нами базу решили «законсервировать» и использовать для выполнения других задач в районе и для отдыха проходящих групп. Бензиновый агрегат, аккумуляторы и остальное имущество вывезли и вынесли. Тыловики и начальники служб уж очень переживали за несписанное с книг учета имущество. На мои просьбы сделать несколько закладок с боеприпасами и продовольствием для выполнения последующих задач уже никто не отреагировал. После замены отряда и передачи зоны ответственности информация о базе новым командным составом отряда была пропущена мимо ушей. Сменилось руководство в группировках. Горную группировку расформировали, понастроив в Ведено общежитий, штабов и казарм и затратив на это кучу денег. Про базу все позабыли. Одна из групп сменившего нас отряда обнаружила нашу базу и подала ее как свой «результат». Информация о неизвестном пособнике так же прошла мимо ушей и осталась нереализованной... <#>

Игорь КОЛЬЦОВ

http://artofwar.ru/k/kolxcow_i/

Моздок

Сводный отряд от 2-й Псковской бригады специального назначения 17 января 1995 года расставил свои палатки возле аэродрома в Моздоке по соседству с саперной бригадой, которую на следующий день погрузили на «Уралы» и «ЗИЛы» и увезли в Грозный. На место бригады прибыл ардивизион, они даже не распаковывались, а, дождавшись приказа, также погрузились в машины и умчались.

Моздок гудел как улей-переросток с сумасшедшими пчелами. Круглые сутки через него проходили войска. По улицам запруженным бесконечными, застревающими в грязи и слякоти колоннами, изредка пытались пройти мирные граждане. Асфальт городских трасс превратился в крошево и месиво. Солдаты шли неровным строем или передвигались на машинах.

На аэродром без перерыва садились и взлетали самолеты и вертолеты, то выгружая войска и грузы, то загружая их обратно. К концу третьего дня пребывания отряда в Моздоке по периметру летного поля зачем-то установили зенитки.

Казалось, про отряд все забыли. Солдаты, чтобы отапливать палатки в лагере, ломали старые, расположенные поблизости заборы и раскиданные по округе, ни кому не нужные ящики из под грузов и боеприпасов. Рубили деревья, воровали дрова у соседей по расположению.

Бойцы и офицеры от скуки в ожидании при-

каза прелись у костров, травили байки, анекдоты, подтрунивали друг над другом.

— Товарищ прапорщик, — обратился к Коротичу солдат с яркими, хитрыми глазами. — Скажите, пожалуйста, почему прапорщика прапорщиком называют, а не унтером каким-нибудь, например.

— Эх, Рябов! Вроде русский человек, а языка родного не знаешь. Прапорщик от старого русского слова «прапор», что означает знамя, флаг. Прапорщик изначально был младшим офицером в полку, отвечающим за сохранность знамени. А это большой почет и уважение, раз доверили самое святое. Если знамя в бою или без боя, что более позорно, теряли, то и полк списывали. Нет знамени — нет полка. Вот так-то.

— А куском почему называют? — не унимался Рябов.

— Да потому, что прапорщик — это неотъемлемая часть вооруженных сил. Так сказать, кусок его, — отшутился Иосиф.

— Скажете тоже, кусочек. А мичмана тогда почему «сундуком» называют?

— Ты, Рябов, говори, да не заговаривайся, — вмешался в разговор прапорщик Осокин. — Прапорщик — это не просто профессия и воинское звание, это состояние души. А мичман — это уже диагноз. Понял?

По кругу пронесся смех.

— Кстати, Рябов, могу просветить, откуда появились прапорщики, — сказал старшина Мазин. — Когда-то давным-давно, в доисторические, так сказать, времена, когда земля была

теплой и по ней бегали саблезубые тигры, решили первобытные люди объединиться в одно большое племя, чтобы не по одиночке за добычей бегать, а всем скопом (так появились Вооруженные Силы). Избрали совет старейшин (появился Генеральный Штаб). Вырыли огромную яму (возникли Инженерно-саперные войска). Послали вперед дозорных искать дичь, да покрупнее, чтоб на всех хватило (вот вам и разведка). После того как скауты доложили о находке путем отправки в племя самого из них быстрого, да шустрого (кстати, так произвели на свет фельдпочту), все построились цепью и стали загонять бедную зверюгу в западню (так появилась пехота).

Когда пещерные люди уронили мамонта, настал черед артиллерии: забрасывать его бревнами и камнями. Да насмерть. Ура! Забили. Собрались было делить, как вдруг, откуда ни возьмись, появился шаман. Мелкий, прыщавый, с бубном и колотушкой, как положено, с застарелым перегаром и обожравшийся грибов. Стукнул парень о землю посохом, брякнул в бубен и заорал: «Сегодня полнолуние, а значит мамонтина жрать нельзя» (собственно говоря, это был первый замполит).

Ну, нельзя, так нельзя. Никто и не спорит. Оставили охрану — прообраз Внутренних войск. Разошлись по пещерам спокойно спать. А на утро приходят — от мамонта остались шкура да кости. Вот так и появились прапорщики.

Темноту разорвал дружный хохот.

— Чего ржете, необразованные. — Наиграно обиделся старшина. — Между прочим, прапорщики — это алмазный фонд армии.

— Почему алмазный, а не золотой? — удивился Рябов.

— Да потому, что трудно поддаются обработке.

И снова смех.

— А у чеченцев звания какие-нибудь придуманы? — спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Будько. — Или у них звания распределяются как-нибудь по-другому: абрек, старший абрек, главный абрек, самый главный абрек и, скажем, Верховный абрек всех времен и народов?

— Да, уж, — добавил Мазин, — Крутые горцы решили низменным русакам носы поутирать. Не получится — тряпочек не хватит.

— Техники-то понагнали, — возмутился военврач отряда старший лейтенант Зароков, в простонародье называемый без затей Док. — Как на Курскую дугу. Да и людей, пожалуй, слишком много.

Сержант срочной службы Гришин сладко потянулся, разомлев у костерка, лениво зевнул и сказал:

— Да мы их по-нашему, по-простому, шапками закидаем, и все.

— Не горячись, — обрезал его Будько. — Еще не известно кто кого закидает.

— Это точно, — поддержал его Мазин. — Видели, сколько «двухсотых» ночью грузили на «борты»? Специально, чтобы не видели, какое количество. Так что, браток, может и у нас шапок не хватить.

БАМУТ

Дорога из Моздока в Грозный отличалась от других, виденных ранее, даже военных, трасс, по которым спецназовцам приходилось ездить. Пока ехали по надтеречным землям, еще было ничего, а с момента пересечения реки перед десанниками предстала картина полного разрушения.

По обочинам трассы валялись, как трупы доисторических животных, обгорелые остовы бронетехники и грузовиков, какие-то ящики, коробки, свертки, тряпки. Вдоль дороги тянулись ряды больших и малых зданий, превращенных артиллерией, авиацией и пожарами в руины. Долгими вереницами тянулись на встречу колонны мирных беженцев с преимущественным преобладанием в их рядах славян. Местное население смотрело на машины с солдатами сурово и недоверчиво, без надежды и радости.

В селе Побединском отряд завернули на юг, и колонна двинулась в сторону Бамута.

Как-то очень давно один ученый-философ сказал, что война и смертельные болезни нужны и не зря придуманы Богом, чтобы контролировать количество земного народонаселения и сокращать его по мере возможности. Интересно, что бы сказал этот ученый, взглянув на концентрационные лагеря, огромные братские могилы, где тысячами лежат друг на друге старики, женщины и дети? Что бы он сказал, увидев густые клубы дыма над крематориями, поля, посыпанные человеческим пеплом в качестве удобрений, барабаны, плащи и абажуры из человеческой кожи, коллекции татуировок, срезанные с живых людей, ковры из волос? Что бы он сказал или сделал, окажись он на месте этих жертв, удушенных газом, зарытых в землю заживо, сожженных в огромных, специ-

ально созданных для этого печая, умерших от горя, боли и истощения?

Вы спросите, какая параллель между Второй мировой войной и Чеченским конфликтом? Какая связь времен между сороковыми и девяностыми? А вы там были? Некий депутат, приехав в Ичкерия, мгновенно встал на защиту интересов и охраны прав человека чеченской национальности, упорно не желая видеть, что происходит с русскоязычным населением даже после того, как его носом тыкали в могильники и на него, может быть случайно, а может быть, и нет, было совершено неудавшееся покушение. Некие генералы, оттягивавшие ударные подразделения почти в самый момент победы и направлявшие свои же войска на столкновение друг с другом, делают удивленно-возмущенное лицо и сетуют всему миру на коварство врага. Обиженные и оскорбленные в лучших чувствах сепаратисты, коих в пору называть бандитами и фашистами, демонстрируют всему миру преступления российских военных, забывая сообщить при этом, что в могильниках лежат их жертвы. Все они, защищая «свободу и независимость» Чечни, почему-то молчат об обратной стороне медали. А где же правда о русских жертвах геноцида? Почему молчат о сотнях расстрелянных и обезглавленных? О рабах, что десятилетиями гнили в ямах? Почему умалчивают о том, кто дал Дудаеву оружие? Кто дал им право на убийство детей, стариков, женщин? Кто дал им право на насилие? Между прочим, чеченцы вышли встречать с хлебом и солью фашистские войска, когда весь мир вел с ними войну. Почему об этом никто не вспоминает? Почему?

Бамут горел по склону горы, покрывая небо густым черным дымом, как пологом над паланкином султана. Зарево можно было наблюдать за десятки верст. Канонаду бойцы отряда слышали даже в двигающихся по петляющему серпантину дороги грузовиках.

Не доехав километра три до Бамута, колонна остановилась. Бойцы посыпались с бортов, как горох с дырявого мешка, и начали разминать затекшие от долгой и изнурительной дороги мышцы. К машинам подскочил молодой

пехотный лейтенант с красными воспаленными глазами и спросил старшего. Ему показали, и он метнулся к штабному «Уралу».

— Кто старший? — бесцеремонно спросил лейтенант у только-что прыгнувшего на землю Будько.

— А, чего хотел? — в таком же духе вопросом на вопрос ответил Виталий.

— Надо значит.

— Ну, если надо так ищи.

— Ладно тебе цену-то набивать, — вспылил пехотинец. — Мы здесь уже неделю и не в бирюльки играем. Нам не до церемоний. Извините, конечно, если вы старше званием. Я доложу своему начальству о своем нехорошем поступке и потребую меня примерно наказать, а сейчас некогда — там пацаны дохнут.

— Да ладно, не кипятись. Тебе кто нужен, командир или замы?

— Командир. Его в штаб вызывают к полковнику Непряхину.

— Сейчас сделаем, — кивнул Виталий и полез в «Урал». — Товарищ подполковник, тут посыльный из местного штаба. Вас просит.

Командир сводного отряда специального назначения подполковник Вячеслав Петрович Нагирный — офицер бывалый, один Афган оставил в его сердце столько воспоминаний, что хватило бы не на один том мемуаров. Кровашки он повидал на своем веку озерами. Пару раз он чуть не попал в плен к духам. Но то, что он увидел в лагере, заставило его вздрогнуть.

Возле госпитальных палаток лежали штабеля из мертвых тел. С одной стороны штабелей трупы загружали в грузовики бойцы с осунувшимися безразличными лицами и увозили, а с другой такие же бойцы подносили «двухсотых» и складывали в новые кучи, как брак на какой-то фабрике. Неподалеку между палаток возвышалась гора из перевозочных материалов, пустых ампул, склянок, коробок вперемешку с ампутированными конечностями. Везде снова-ли суровые санитары в залитых кровью и испражнениями когда-то белых халатах.

Даже бывалый Нагирный ощутил, как к горлу подкатывает кислый противный комок.

Штабная палатка располагалась на небольшом холмике в центре лагеря. У входа стояли

бойцы с опухшими от недосыпания глазами в грязных бушлатах. На Нагирного они посмотрели абсолютно равнодушно, как-будто им было наплевать, кто идет, куда идет. Равнодушные, безразличные взгляды здесь были у всех. От бойца до командира любого ранга.

— Ты мне букварь-то не перечитывай, — гремел в штабной палатке голос полковника Непряхина, — я без тебя знаю, что боеприпасы не подвезли. Ты, Кострыкин, точнее стрелять научись. Притащил с собой неумех каких-то — лепят мимо цели, как слепые. Ты что, сюда приехал в снежки играть?

— Товарищ полковник, во-первых, у меня все бойцы первогодки, дембелей, видите ли пожалели на войну отпускать, во-вторых, чеченцы в бункеры попрятались, как улитка в ракушку. Там у них такие укрепления, что и атомной бомбой не взять. Мы же и строили их как всегда по-советски — надолго и всерьез.

— Мне твои объяснения, что блохе ботфорты. Мне результат нужен. У меня пол тысячи «двуухотых», а ты мне сказки про белого бычка рассказываешь. А ты еще кто такой? — наконец-то обратил внимание Непряхин на вошедшего Нагирного.

— Командир Отдельного сводного отряда спецназа подполковник Нагирный, — отпартовал Вячеслав Петрович. — Прибыл в ваше распоряжение.

— Ну, наконец-то. А то мы тут зашиваемся без вас. Надеюсь, твои орлы не из слабого десятка и имя спецназовское не зря носят. Кстати, почему «сводный»?

— Отбирали со всей второй псковской бригады.

— Таких же зеленых и не опытных, как и у них? — Непряхин ткнул пальцем в артиллериста Кострыкина.

Нагирный поморщился, но дерзить не стал, понимая, что полковник на взводе.

— Товарищ полковник, не мне судить, как воевать будем. Скажу одно: я за своих спокоен — не подведу.

— Ладно. Слушай, — он хлопнул ладонью по разложенной на столе карте. — Здесь аул, а здесь построенный когда-то при Совдепии стратегический ракетный комплекс, состоящий из подземных коммуникаций, бункеров и ракетных шахт. Ракеты давно вывезли, а подземелья остались, и для нас они уже, как сапог в заднице. Полтысячи личного состава полегло, а воз и ныне там. Чехи там засели — никак не выкурить.

— А есть схема коммуникаций?

— Есть, слава Богу. На, посмотри.

Полковник протянул Нагирному талмуд с чертежами и схемами. Тот бегло просмотрел их и улыбнулся.

— Товарищ полковник, я и мои люди знакомы с подобным объектом. Когда наш отряд

вывели из Афгана, нас направили на Кольский полуостров и поселили в части, где раньше располагалась стратегическая ракетная часть, сокращенная после того, как полковник Пеньковский сдал американцам наши секреты. И мы, ради забавы, проводили там учения по захвату или, наоборот, по обороне. Хорошо, что у нас раньше подобные объекты строили по стандарту. В общем, схема знакомая. Нам бы еще знать диспозицию чеченцев.

— Родной, да я тебя на руках носить буду, если ты туда проникнешь. Хотя нет. Ты, пожалуй, потяжелее меня будешь. А у меня остеохондроз. Диспозиция же такая...

Схема действительно была стандартна. Стартовые шахты количеством три располагались под углом в девяносто градусов и соединялись между собой тремя коридорами, сходящимися в центре. В центре же находился двухэтажный бункер с учебными классами, столовой, комнатами отдыха для персонала и центральным пультом. В подземелье вели два входа: один в центре, ведущий прямо в подземелье, другой через пристроенное караульное помещение. Пусковые шахты были накрыты многотонными железобетонными, да к тому же просвинцованными куполами. По периметру были врыты дзоты и блиндажи, рассчитанные на несколько слоев обороны. На расстояние пятидесяти-восьмидесяти метров к шахтам вели вентиляционные каналы. Не как в американских боевиках из жести, а по-советски из того же железобетона. По ним свободно на четвереньках мог передвигаться взрослый человек.

Вот по этим-то вентиляционным каналам и было решено попасть внутрь коммуникаций.

Провели артподготовку, напугали отвлекающей атакой и под покровом темноты три группы под командованием подполковника Федорчука, капитана Садовского и старшего лейтенанта Будько прошли сквозь ряды обороны чеченцев, пустив впереди саперов и снимая на ходу часовых, благо их было мало — основные силы чеченцев оставались в центральном бункере. Пехота и артиллерия сосредоточили свой удар по кажущемуся легкодоступным, участку, отвлекающая, таким образом, внимание на себя.

Дошли до вентиляционных каналов. Все, как обычно. Отверстие зарешечено. Работа для саперов. Три минуты — и все готово.

В группе Будько первым внутрь полез сапер, за ним Коротич. Впереди вентилятор. Старый, ржавый, давно не работающий. Можно выломать руками. Сделали. Дальше.

Как на учениях дома. Один в один.

Канал восемьдесят метров. Без загибов. Ровненький. На выходе опять решетка. Сапер достал маленькое зеркало с телескопической ручкой, просунул сквозь прутья.

Шахта. По окружности стакана шахты проходит балкон. У входа в коридор сидят, прислонившись к стене двое с автоматами.

Коротич после доклада сапера достал «Стечкина» с глушителем, вполз на спину сапера и прицелился. В грохоте канонады над головами не было слышно даже клацанья затвора, чеченцы молча повалились на пол.

Теперь нужно быстрее внутрь.

Бойцы, как крупа, посыпались из вентиляционного канала на пол, мгновенно занимая позиции.

Будько посмотрел на часы.

— Укладываемся, — прошептал он сам себе.

— Что в проходе, Иосиф?

— Всего помаленьку. По серёдке сидят человек шесть и по всему проходу то ли раненые, то ли спящие. Ну, что? С Богом?

— Да. Вздрыгнули.

Семь беззвучных вспышек из «Стечиных» — пять трупов, один дергается в агонии. Побежали по проходу, на ходу стреляя в лежащих. Авангард занял позицию, остальные «зачищают» помещения, расположенные по обеим сторонам прохода.

Бывшая электрощитовая. Бывшая электробойлерная. Бывший туалет. Бывший душ. Когда-то это было создано для того, чтобы дежурная смена могла спокойно и с удобствами выполнять свою миссию по охране и обороне рубежей нашей необъятной Родины. Теперь же в них, давно освобожденных от оборудования, чеченцы держали боезапас, медикаменты, продукты, но в большинстве помещений лежали трупы боевиков или просто мусор, окровавленные тряпки, пустые консервные и стеклянные банки.

В одной комнате лежали на полу спящие

боевики. Спецназовцы молчаливой тенью, стараясь не наступить, прошли внутрь. Сверкнули ножи и молнии выстрелов.

Все. Следующая дверь.

Следующая.

И тут раздался крики и грохот стрельбы, многократно усиленный замкнутостью пространства. Из других проходов, как тараканы во время травли, побежали люди. Загremели взрывы. По ушам ударила волна. Всё закрутилось, замелькало, понеслось. Дудаевцы заматались в бешеном танце. В глазах ужас и непонимание происходящего. Рты искажены криками и стонами. Кто-то полз, кто-то стрелял, сам не зная куда, в кого, зачем, кто-то бросал оружие и молился. Свистели неугомонные, нещадные пули, веером летели осколки гранат, сыпалась штукатурка. Дым, огонь, кровь. Сумасшествие. Страх. Смерть.

Когда всё закончилось и пришло время выходить из подземелья, спецназовцы посчитались. Потерь нет. Нет даже раненых. Есть лишь тяжелый кислый осадок. Свежий воздух принес опьянение и прохладу, так необходимую разгоряченным боем воинам. Бойцы закашлялись, отхаркивая скопившиеся в легких пороховую гарь, духоту и пыль, выдавливая из себя, исторгая оставшиеся после боя горечь страха, отвращения и еще чего-то непонятного, непостижимого, давящего на сердце. У кого-то заслезились глаза, у кого-то из новичков подкашивались ноги, и он падал на землю как подрубленный.

Осокин сел на бетонный выступ рядом с Коротичем. Его колотил озноб.

— Что с тобой? — спросил подбежавший доктор Зароков. — Ты в порядке?

— Т-так всегда! — воскликнул Сергей, хлопая себя по ляжкам непослушными руками. — Когда работаем — все в порядке, д-даже не замечаю, иду, как чумовой на полном автомате, а к-когда за-аканчиваем, колотит словно эпилептика. Черт! Не м-могу с собой ничего поделать.

— Это нормально, Серега, — спокойно ответил Иосиф. — Значит, не все еще отстреляно. Значит совесть и честь пока при тебе. А что касается дрожи, так это адреналин в крови булькает. Ты на меня посмотри.

Иосиф протянул к Осокину трясущиеся руки, и оба рассмеялись нервным смехом, от которого на глаза выползла предательская влага.

ДЕТСКИЙ АД

Уже месяц сводный отряд меняет дислокацию. Месяц мотается по дорогам и бездорожьям Чечни. Под дождем, снегом и ветром. Под пулями, снарядами, под прикрытием авиации и снайперским прицелом, поймавшим-таки одного бойца (Слава Богу, лишь ранило).

Непросьяхающие ботинки, сбитые о камни, десятикратно тяжелеют от липкой, вездесущей, надоевшей больше, чем сама война, грязи. Давно нестиранная форма приобрела цвет глинозема, порванная о колючки и гвозди, неоднократно штопанная, казалось, она приросла к коже и стала неотъемлемой частью тела.

Чесались все. Месяц без бани. Даже воду подогреть негде. Обзавелись бородами. Постригать и ровнять эти новообзаведения некому, да и некогда, потому и выглядели бойцы не лучше, чем сами дудаевцы.

Спецназовцы без отдыха мотались по горам и по равнинам, понимая, что по «зеленке» так не погуляешь. Отыскивали базы боевиков, схроны с оружием и медикаментами, вырубали попавшие в переделки подразделения.

И тут раздался крики и грохот стрельбы, многократно усиленный замкнутостью пространства. Из других проходов, как тараканы во время травли, побежали люди. Загremели взрывы. По ушам ударила волна.

Техникой обеспечивали не всегда, а если и снабжали, то к ней страшно было подходить — того и гляди рассыплется. Так что, хочешь не хочешь, а ноги в зубы и вперед. Всего повидали: санатории и дома отдыха, превращенные в укрепленные базы, тщательно замаскированные землянки и бункеры, ямы-зندان для рабов, богатые и бедные дома, брошенные хозяевами на произвол со всем содержимым скарбом и одичавшей, исхудавшей от страха и голода скотиной. Да что там дома! Целые аулы пустые. Насмотрелись на руины, беженцев, изувеченную технику. И везде смерть.

Но самое главное — в отряде не было ни одной потери.

После долгих скитаний по Чечне отряд расположился в Грозном. В Заводском районе города оборудовали под лагерь какой-то склад, укрепили его, уложили мешки с песком. Поставили часовых по периметру и на крыше. Все. Можно немного отдохнуть.

Кто спать, кто писать письма родным, кто на импровизированную кухню готовить ужин.

Будько переделал в сухое белье и развесил мокрое для просушки поближе к полевой кухне, неизвестно где раздобытой неугомонным, мужественным старшиной Мазиным.

Трофейные сигареты, «приобретенные по случаю» тем же старшиной, не смотря на свое звучное название «Мальборо», тянулись плохо. Явно подделка. Да и курить-то особо не хотелось. Так. Просто, пока появилось время подумать, разобрать по полочкам накопившееся, наболевшее, — лучше посидеть в сторонке, а еще лучше с сигаретой.

Кто-то тронул за плечо. Федорчук. Виталик протянул подполковнику початую пачку.

— Спасибо, — сказал старый подполковник, одобрительно улыбаясь и протягивая руку к табаку. — Свои есть, но чужие слаще. Ты чего приуныл?

— Да, так, — отмахнулся Виталик. — Думы нахлынули.

— Так поделись. Может я и не замполит, не психолог какой-нибудь, но кое в чем разбираюсь.

Это точно, подумал Будько. Опыта у Степаньча хоть отбавляй — уже какую войну проходит. Дворец Амина брал в Афгане. Уже в годах, седой как лунь, весь в шрамах.

— Когда мы вернемся домой, — начал старлей. — Мои дети меня спросят, что такое война. Они спросят меня, что я здесь делал, как я здесь жил. И что я им отвечу? Что война — это плохо,

что тут люди убивают друг друга? Да бред это все! Детям нужен отец. Живой, здоровый, невредимый, а не без рук, без ног, без головы. И, между прочим, жене тоже. Им нужен я, а не громкие слова о долге и патриотизме.

— Ты не прав. Это только слепой юнец, который не нюхал портянок, может так говорить. Ты же офицер спецназа. Не первый раз кувыркаешься. А ведешь себя, как боец-первогодок. Ты взгляни на это с другой стороны. Сегодня они здесь затеяли бардак, а завтра придут к тебе домой. И что ты будешь делать тогда?

Да, война это грязнейшая из страстей человеческих. Да, это стихия, которая выпалкивает наружу все людские пороки, как пахотная земля по весне камни. Да, здесь грабят, убивают, насилюют. Но ведь должен же кто-то остановить руку грабителя и убийцы. Должен же кто-то отвести беду и смерть от невинных. Для этого мы и служим государству. Для этого мы и выбираем себе эту профессию и учимся каждый день, оттачиваем, шлифуем себя, готовимся. А если не мы? Кто пойдет заступаться за слабых? Какой-нибудь неумеха-пацан? Так он по неразумию своему и недомыслию и сам поляжет, и других угробит.

А если уж так случится, что кто-то из нас не вернется домой или вернется калекой, значит так уж суждено. По большому счету, рано или поздно мы все там будем. Вопрос в том, как мы там окажемся: в лавровом венке или с позорным клеймом на лбу, как герои или как трусы, которые не смогли найти в себе силы и мужество. И дети твои потом на тебя будут смотреть и говорить, что их отец герой, или наоборот, что их отец трус.

А ты говоришь, что ты им скажешь.

Будько задумался. Федорчук, конечно много красивых слов наговорил, но ведь все правильные. И залезли ведь эти слова Виталию в душу. В самую, что ни на есть, болезненную точку укололи. Прав Федорчук. Только просветления эти слова не принесли, а лишь смуту да беспокойство одно.

— Хорошо, Степаныч, — заговорил старлей, — объясни ты мне, что это за война такая? Кто ее придумал? Кому она нужна и кому при случае счет предъявить?

— Эх, Виталик! — Федорчук снял с головы шапку и пригладил седой взъерошенный ежик волос. — Эх, Виталик! Да если бы я знал, кто в ней повинен, я бы уже с него семь шкур содрал. Знаю одно. Как вспомню ту картинку в детском саду, — так до сих пор волосы шевелятся. Я эту гниль буду напалмом выжигать до последнего вздоха. Пока сам не загнусь.

Это был аул-призрак. Домов тридцать. И все пустые.

Ни людей, ни собак, ни какой-нибудь скотины. Ни единого звука, который бы нарушил бархат январского утра. В слепых окнах домов не горел свет. Над крышами не вился дым. Шевелились лишь редкие, не успевшие опасть на зиму мертвые листья.

В аул входили с двух сторон. Группа Будько с юга и группа под командой подполковника Федорчука с гор, с востока. Дозорные перебежали от забора к забору. Следовавшие за ними основные группы прочесывали все дворы и дома. Снайперы обшаривали в прицел каждый камень, каждый угол в надежде обнаружить хоть что-нибудь напоминающее о жизни.

В центре аула располагался, видимо когда-то, колхозный гараж или механический цех, где за поваленным забором замерли в вечном ожидании уборочный КИР, остов от пятидесят третьего газона, ржавая сеялка и Т-40 без двига-

теля. Рядом с гаражом стояло здание управления хозяйством без окон и дверей, но с гербовой табличкой у входа, возвещавшей о своем высоком статусе. Напротив, через маленькую площадку горбился барак окон в десять, огороженный штакетником. Перед ним заброшенная, пугающая своей убогостью и пустотой детская площадка.

Когда две группы объединились, Федорчук велел расставить «секреты» вокруг селения, а сам с Будько, радистами и еще тремя бойцами направился в барак, решив сделать из него временный штаб.

Рядовой Санька Рябов был парень деревенский: простой, задиристый, с живым и острым умом. В отряд он пришел из учебки, немного окая, порываясь обучать всему, что умел или знал понаслышке других таких же, как он сам, но, как он сам выражался, «городских грамотеев». Командиры его уважали за инициативу нужную и ненужную. Правда, инициатива в армии — дело наказуемое. Однако ему прощали многое — главное, что парень старается.

А еще он мог часами без умолку рассказывать про свою деревню в Орловской области, про батьку-тракториста, про цыплят, гусят, коз и прочую живность. Он рассказывал про соседку тетю Зину, у которой они с братом увели кобылу и покрасили зеленой предварительно экспроприированной у матери в ветлечебнице. Он рассказывал про соседа Петруху-забудлыгу, что, приезжая домой после долгого и сложного трудового на колхозном тарантасе, падал с телеги в лужу перед собственной покосившейся калиткой и горланил непристойные частушки. Кстати сказать, любимыми песнями самого Саньки Рябова были нескладухи:

**На горе растет цветок
Аленький-преаленький...
Если ты меня не любишь,
Я зарежу твой отец.**

**По стене ползет кирпич,
А за ним ползет другой.
Ну, и пусть себе ползет, —
Может, он еще жена.**

Как боец Санька, ни чем особым не выделялся. Надо было бежать — бежал, но не быстрее всех, а так, лишь бы не отстать, надо было стрелять — стрелял, но не точнее всех, а лишь бы попасть. Любил Рябов похвастаться перед молодыми бойцами, что он крутой спецназовец, ловкий, сильный, смелый. Посмотрите, как он владеет рукопашным боем, как он бросает нож, как он крутит дули в спину старшине Мазину.

На самом деле, трусишка он был сказочный. Он боялся всего: прыжков с парашютом, ударов в рукопашном бою, шальной пули, с визгом крутящейся в рикошете, маминых слез. Но больше всего он боялся того, что кто-нибудь узнает о том, что он боится. Поэтому он и старался не

быть первым, но быть рядом с первыми. И редко случалось, что он вдруг шел впереди.

Такая же редкая случайность вдруг выделила его из всех и в этот раз. Видимо, ему было не очень страшно входить, казалось бы, в пустое здание.

Первым шел Санька Рябов.

Комнаты в барак были заполнены опрокинутой и разбитой мебелью, разодранными книгами, растерзанными игрушками. Казалось, люди уходили из детского сада в жуткой спешке и напоследок уничтожали все, что могло понадобиться врагу, даже игрушки, или в припадке ярости просто крушили все подряд.

Подходя к последней от входа комнате, на двери которой красовалась покосившаяся табличка с трафаретной надписью «Музыкальный зал», Санька приостановился, будто почувствовал что-то, будто холодный ветер пронесся в его душе, заставляя вздрогнуть. Рука, протянувшаяся было к дверной ручке, на мгновение замерла на полпути, но, выдержав паузу, все же дернула дверь и открыла путь в... ад.

Пол, стены и все предметы в комнате были залиты кровью, уже давно застывшей и почерневшей. В середине зала возвышался штабель из изувеченных человеческих тел. В дальнем углу у расстрелянного пианино валялись отрезанные головы с выколотыми глазами. На диване лежал женский труп с отрезанными грудями и вспоротым животом. Все было пропитано сладковато-тошнотворным смрадом разложения.

Санька согнулся, как от страшного удара в живот, и упал на четвереньки. Его рвало, и все что вырывалось у него из желудка, растекалось по застывшей крови. Рвало долго. Он не видел, как врывались в комнату десантники один за другим, он не видел, как они выбегали из нее с ужасом на лице, он не слышал, как вырывались из их горла крики боли и отвращения. Он не видел и не слышал ничего и никого. Он ползал по полу, весь перемазанный в крови, слезах и собственной блевотине. Он кричал навзрыд что-то нечленораздельное чужим, но своим голосом и шлепал почерневшими липкими ладонями по полу. Он даже не заметил, как чьи-то сильные руки подхватили его и вынесли на улицу.

Когда волна свежего воздуха успокаивающе погладила его, он поднял лицо к небу и беззвучно зашептал понятные лишь ему одному слова. Слезы текли тонкими весенними ручейками, не спрашивая его разрешения, сами по себе, рисуя на грязных щеках замысловатые поблескивающие узоры.

С этого дня Санька перестал напевать нескладухи и рассказывать сослуживцам веселые байки из жизни односельчан, он надолго перестал улыбаться, а правый висок залила серебристая седина. <ИВ>

Раян ФАРУКШИН

<http://www.navoine.ru/authors/farukshin-ryan>

ДЕСАНТ — ИГОРЬ АЛЕКСЕЕНКО

Игорь Алексеев родился 9 апреля 1974 года в городе Нальчик — столице Кабардино-Балкарии — самой высокогорной республики РСФСР, расположенной в одном из самых живописных мест Северного Кавказа.

Выходец из рабочей семьи, он, как и тысячи его сверстников по всей стране, после окончания школы добровольно явился в местный военкомат, ибо считал, что ни один мальчик не может называться настоящим мужчиной, если не отслужит в армии. Служить Отечеству Игорь хотел непременно в Воздушно-десантных войсках, о чем настойчиво напоминал офицерам на республиканском призывном пункте. Повезло. Крепкого высокорослого парня отобрали в 56 отдельную воздушно-десантную бригаду, в разведку.

Служба оказалась не сладкой, но сызмальства выносливый и трудолюбивый Игорь легко приспосабливался к сложным условиям полевого быта и преодолевал любые преграды на пути к единственной цели — победе. С самого начала первой чеченской кампании он оказался на передовой. По собственному желанию. «Никто, кроме нас!» — этот девиз отлично подходил образу жизни Алексеева, участвовавшему в боевых действиях в Чечне в самые «горячие» первые полгода войны. За мужество и героизм, проявленные разведчиком-пулеметчиком при уничтожении незаконных бандитских формирований в Грозном, Игоря отметили уважаемыми в солдатской среде наградами — медалями «За отвагу» и «За отличие в воинской службе».

Оттуляв положенный после демобилизации месяц, Алексеев поступил на службу в Специальный отдел быстрого реагирования Северокавказского регионального управления по борьбе с организованной преступностью, в котором успешно служил до трагической гибели 13 октября 2005 года.

Тогда, во время тщательно организованного нападения бандгрупп боевиков на Нальчик, Игорь, неожиданным маневром пытаясь отсечь и уничтожить боевиков, стремившихся полностью окружить комплекс зданий Северо-Кавказского центра «Т» ГУ МВД РФ по Южному федеральному округу, выскочил на простреливаемую со всех сторон улицу и получил ранение в голову от затаившегося в засаде боевика. За мгновения до смерти Алексеев прицельным огнем уложил группу ваххабитов, угрожавшую зданию Центра «Т» с тыла. Убийца Игоря видел это, но побоялся вступить с ним в открытую перестрелку, и лишь дождавшись разворота меняющего позицию спецназовца, тихо выстрелил ему в спину.

Похоронили майора Алексеева на старом православном кладбище с почестями, достойными офицера спецназа, более десяти лет жизни отдавшего борьбе с терроризмом. Друзья настояли, чтобы на тыльной стороне черной мраморной плиты была надпись «Десант» — позывной Игоря, под которым он участвовал в спецоперациях по задержанию таких опасных преступников, как работорговец Абдуразаков, Тимербулатов, больше известный по кличке

«Тракторист», и многих-многих других, наводивших своей жестокостью ужас на всю страну.

Сегодня, в третью годовщину гибели кавалера ордена Мужества Игоря Алексеева, мы встретились с ветеранами СОБР СК РУБОП, чтобы почтить память всех спецназовцев, погибших при исполнении служебных обязанностей.

А: — Светлой памяти Игоря Юрьевича Алексеева посвящая...

Осень 1999 года. Самый обычный осенний вечер: слегка пасмурный и немного дождливый. Оперативно-боевое отделение СОБР Северо-Кавказского РУБОП находилось на суточном дежурстве в управлении.

Совсем недавно закончилась активная фаза действий в Дагестане, и куча разных «недобитков» расплзлась по округе. Кто-то уходил от подразделений Минобороны по горным тропам в Грузию, кто-то легализовался в населенных пунктах на зимний период и зализывал раны. Работа для нас предвиделась большая, но сегодня в «Багдаде» всё было спокойно, выездов пока не предвиделось.

Подходит время вечернего построения. Командую, строю отделение. Провожу боевой расчет, разбивая всех на смены, определяю очередность заступления на дежурство, отдыха и распускаю строй.

У дверей, на ступеньках перед входом, останавливаются несколько ребят. Покурить, потолковать «за жизнь». «Десант» (позывной Игоря), прикуривая сигарету, внимательно посмотрел мне, выходящему из здания, в глаза, и грустно улынулся:

— Командир, а ты когда был в Грозном? Ну, на первой чеченской...

И тут же, не дожидаясь моего ответа, добавил:

— В первых числах января 1995-го мы чуть своих разведчиков не захерачили. Из пулемета. Мужики шли через переезд, но мы их заметили, приняли за боевиков...

У меня нижняя челюсть чуть не выпала на землю:

— Это где это вы чуть не захерачили разведчиков? — дважды скороговоркой переспросил я.

— Наш выносной пост был напротив железнодорожного переезда, недалеко от пожарного депо, — ответил мне «Десант», не моргая.

— А по вашему пулеметчику случайно не били из подствольника? — уточнил я.

— Да, точно, били. По-моему, два или три раза пальнули. Чуть-чуть ниже они попали, ВОГи, вот настолько всего, — и показал пальцами отрезок сантиметров в десять, — а то бы нам точно пипец настал.

Тут мне окончательно стало все ясно. Я, горячившись, в красках рассказал «Десанту» историю того разведывода.

Вот эта история.

7 января 1995 года. Передовая база тактической группировки «Запад» в Парке культуры и отдыха им. Ленина в Грозном. Морозная ночь. Скоро наступит «завтра», часы показывают — скоро полночь, но в штабе ТГ царит оживление. Значит, готовят что-то большое и серьезное. Это хорошо.

В действиях войск группировки наметился перелом (в лучшую сторону) и командование решило применить разведчиков по прямому назначению (отправить в разведку), а не как хорошо подготовленную пехоту (отправлять штурмовать здания в лобовую).

Немного отойдя психологически и отдохнув физически от прошлого выхода, мы получили задачу на подготовку к РДД (разведывательно-диверсионные действия). Это означает: обнаружить и уничтожить выявленного противника, или, если не удастся уничтожить противника полностью, посеять панику и смятение в его рядах, заставить отступить с подготовленных позиций.

Всем на радость, сначала нам устроили баньку и переодели во все новенькое, и лишь потом, на «свежее тело», дали раскладку на выход. Оказывается, подразделениям, ведущим активные боевые действия, положено менять обмундирование куда чаще, чем меняли нам. Но мы и этому были рады.

По приказу начальника разведки Группировки для нас собрали все спецоружие. Все то, что было предназначено для нас, но отдалено «на время» другим подразделениям, вернули в родные руки.

Вызывают меня в штаб, ставят задачу. Опера из особого отдела, отыскав где-то местного жителя, который знает все ходы-выходы, отдает его мне: «Это проводник! Проводник должен был вывести наши группы на исходные позиции для блокирования многоэтажек в районе предполагаемой операции. Мужичок, ошарашенный ролью Сусанина, был из робкого десятка и для того, чтобы он «добровольно» решился выйти с нами, пришлось его изрядно «накачать» спиртным. А еще он попросил АКМ и ПМ. С этим

Игорь Алексеев

проблем не было, трофейного оружия были горы, выдали проводнику стволы.

Настало время выхода. Нашу роту усилили сводной 2 пдр (парашотно-десантная рота — прим. ред.), которой командовал Егорыч, лучший командир роты 1 пдб (парашотно-десантный батальон — прим. ред.) нашей бригады. Впоследствии один из его подчиненных, находившийся в моем разведдозоре, Саша, получит Золотую звезду Героя России.

Головной дозор выдвигается в составе шести человек: первая пара — проводник и пом.нач.разведки бригады Саня (тоже впоследствии Герой России), вторая пара — я и командир первого разведвзвода Стас, третья — двое «шаристых» бойцов-срочников. Основной отряд шёл, как и предполагается, позади, на удалении зрительной связи для поддержки огнем, но, при острой необходимости, я высылал на опасные направления и боковые дозоры.

Смотрю на переговорщика. Высокого роста, на погонах большая звезда — майор. Борода и черная лыжная шапочка (подарок банка «Менатеп»), как и у нас. Форма одежды наша. Шеврон на левом плече старый: «курица», «ВДВ СССР».

Все городские кварталы Грозного в большинстве своем имеют прямоугольные или близкие к тому формы, и коридор для выхода с базы в пешем порядке нам обеспечил НР (начальник разведки — прим. ред.) группировки, по-отечески лично проводив нас до передовой. Дальше мы пошли сами, ведомые «Сусаниным».

Сначала шли по улице Социалистической. Именно по той самой, по которой и входили в грозный чеченский город самого первого января нового года. Тогда успешно, как будет сейчас?

Боковой дозор заметил движение справа от ядра группы, подает сигнал «стоп». Мы остановились, на осмотр подозрительного здания выдвинулись несколько бойцов. Досмотрев здание школы, ребята обнаружили несколько огневых позиций. Заминировав их, спустились к нам, после чего весь отряд продолжил движение.

Пройдя несколько кварталов, сворачиваем

влево, примерно на 90 градусов. Мысленно, на всякий случай, в голове отмечаю все повороты, характерные ориентиры. Подробных (обновленных) карт города у нас не было, одна надежда — на зрительную память.

Выходим к трамвайным путям, пересекаем нефтеперерабатывающего завода. Далее интереснее — совершаем еще один поворот на 90 градусов, в принципе, идём в обратном направлении.

Уточняя дорогу. Проводник утвердительно кивает головой: «Идём правильно!» и машет рукой в направлении движения. Немного удивившись, все же продолжаем движение за местным знатоком тайных троп.

Пройдя несколько сотен метров поворачиваем еще налево на 90 градусов. Выходим к виадуку с трубами, далее виднеются трамвайные пути и очертания знакомой многоэтажки, которую мы обходили с другой стороны при выходе с базы...

Спускаемся вниз к трамвайным путям и поворачиваем вправо. Не успев усомниться в правильности направления движения, попадаем под перекрестный обстрел. Два пулемета длинными очередями прижимают нас к земле.

Осмотревшись вокруг, замечаю сзади слева невысокий парапет и отдаю приказание Стасу отползти за него. Стас отполз и занял огневую позицию слева, я — справа. Говорю Стасу, чтобы подготовил «муху» для стрельбы, сам посылаю три «подарка» из подствольника по одной огневой точке. Пулемет замолчал.

Осматриваемся. Бойцы сзади целы, заняли

позиции за бетонными опорами виадука. Приказываю им пока не высовываться. Сам же пытаюсь докритичаться до первой пары. Они лежат в снегу и не поднимаются. Чуть приподнявшись из-за укрытия, вижу, что на дороге лежит темное пятно. Мотоциклист. Еще теплый. Идущий снег на нем еще тает. Первые мысли: место открытое и хорошо пристреляно.

Пытаюсь вызвать по радио ядро отряда. Все попытки тщетны. Меня не слышат. Мы лежим на обратном скате высоты, а УКВ-волны не проходят сквозь препятствия.

Впереди заметны шевеления. Проводник подает признаки жизни. Значит кто-то жив! В голове зреет решение: при потере связи выйти назад на высоту и восстановить связь со своими. Но для этого надо забрать тех, кто лежит впереди. Приказываю третьей паре по моей команде прикрыть нас огнем. Мы же со Стасом ставим

дым-завесу и броском вперед достигаем первой пары, берем их на плечи и отходим назад.

Для очистки совести повторяю попытки вызвать их голосом. Ответа нет. Если первый ранен, то что со вторым? Неужели убит? Поднес ладони ко рту, повторяю попытку, употребляя командирский язык, т.е. не нормативную лексику. Богат и могуч великий русский язык. И, о чудо, с той стороны, откуда по нам стреляли, также отвечают мне на «командирском» диалекте!

Молчим, недоумевая. Следует вопрос:

— Вы кто? — голос жесткий, тон требовательный.

— Мы свои, — с иронией отвечаю я.

— Кто «свои»? — уточняют с той стороны, мягче.

— Подразделение федеральных войск, российской армия!

Кто-то с той стороны, явно поставленным командирским голосом, вызывает меня на взаимное опознание:

— Видишь, мотоциклист лежит?

— Да, вижу, — говорю я, прокручивая свои мысли насчет хорошо пристрелянного места.

— Давай, выходи к нему один, и без оружия!

— Хорошо! — кричу и ухмыляюсь: «Без оружия? Да, сейчас, как же...»

Приподнимаюсь и оборачиваюсь Стасу: «Возьми на прицел пулеметную точку. Как только заработает — гаси его с «мухи», сам одеваю автоматный ремень через голову так, чтобы автомат располагался справа на боку, параллельно земле. Большой палец на спусковом крючке.левой рукой машу, как будто я без оружия.

Встаю, иду вперед, выбирая дорогу между деревьев. Хотя какое-то укрытие. Навстречу тоже идут, грамотно прикрываясь за всем, что есть на пути. Выходим к труп мотоциклиста одновременно. Так и есть, труп дудаевского гонщика «свежий». Тот пулеметчик, что по нам бил, его, скорее всего, и срезал.

Смотрю на переговорщика. Высокого роста, на погонах большая звезда — майор. Борода и черная лыжная шапочка (подарок банка «Менатеп»), как и у нас. Форма одежды наша. Шеврон на левом плече старый: «курица», «ВДВ СССР». Камуфляж выцветший — старого типа «дубок». С виду — свой, а там, поди, разберись, кто это. На той стороне было не мало наемников из Украины, да и России тоже...

— Вы кто? Разведка? — спрашивает майор.

— Так точно, — отвечаю я.

— Какая часть? — спрашивает он.

У меня в голове каша из отрывка присяги, мыслей о том, что если отвечу неправильно, майор отпрыгнет в сторону и меня срежут пулеметной очередью. Называю номер своей в/ч до передислокации из Закавказья (при передислокации номера в/ч изменяются).

— Ты с бригады, что-ли? — оживляется он.

— Так точно! — подтверждаю я.

— Тогда назови мне имя и отчество своего начальника разведки, — а сам называет его фамилию.

Я называю его имя и отчество. Все совпадает. Майор крепко жмет мне руку и рассказывает, что они два года в Афгане вместе служили. Круто.

Приказав своим ребятам не стрелять, майор уточняет, может ли он чем нам помочь? Нет, говорю, спасибо, теперь точно сами справимся, поняли, куда идти.

Вернувшись к своим, я растолкал спящего в снегу проводника, а лежавший рядом пом. НР подскочил мне навстречу. К этому времени наши основные силы уже развернулись в боевой порядок в готовности прикрыть нас огнем. Но это, слава богу, не понадобилось.

Вот так из-за ошибки проводника нас вывели на свои же позиции. Под огонь соседних подразделений.

«Десант» слушал меня, широко разинув рот. Потом виновато кашлянул, приобнял меня за плечи и признался:

— Командир! Это я шмалял в тебя из пулемёта! А пока ты разговаривал с нашим майором — держал на мушке, и если бы поступила команда: «Огонь!», сразил бы сразу! Извини, командир, война! И, честно говоря, при первой же нашей встрече в СОБРЕ, я тебя сразу узнал, да духу не хватало признаться о месте и времени нашей первой встречи...

Да уж, правду говорят — Земля круглая. Пришлось нам с Игорем, по такому серьезному случаю, после сдачи смены очередникам, махнуть в подсобке по 50 грамм «за знакомство и долгую и счастливую совместную службу», да помянуть добрым словом павших в те тяжелые январские дни...

Игорь был очень заводным парнем, любил «навести шороху» и пошутить, особенно над новичками отряда или прикомандированными из других силовых структур. Часто вспоминаю один, связанный с Игорем, случай.

Как-то приехали к нам в Управление боль-

шие московские гости из ОРБ (Оперативно-розыскное бюро — прим.ред.). Наметили планы совместных действий, запросили у нашего руководства поддержку «тяжелых» (т.е. спецназа) и пообещали в случае успеха «приников», а не успеха, понятно, «кнута». Ясно, думаю, готовят захват одного из чеченских «половых командиров». Точно, готовят, Москва наконец-то дала «добро» на захват и показательный суд этого уродца, на руках которого было много крови наших ребят. Показательные казни армейских «контрабасов», отснятые на плёнку и позже переданные боевиками для показа в некоторые телекомпании по всему миру, нагоняли страх на мирных, а на силовиков — желание отомстить.

Старшим команды из столицы приехал наш старый знакомый, Василеч. С ним же прикатил новый напарник — подполковник, который, по всей видимости, ни разу не выезжал за пределы «великого Арбатского военного округа». А тут Северный Кавказ, да еще и Чечня. Уж очень хороший способ отличиться — записать себе в послужной список командировку в горячий регион, да еще и на задержание такого персонажа. Авань, орден дадут, звание внеочередное.

Получаю задачу от начальства и определяю, кто из моих полетит «на курорт в Чечляндию». Комплектую группу. Вперёд!

До аэродрома ехать на спецмашине, замуфлированной под «Скорую помощь». Грузим её «под завязку». Рюкзаки и баулы занимают большую часть салона, так что протискиваться на места пришлось с большим трудом. Пролезли, расселись. Поехали.

Чтобы не нарушать устоявшуюся традицию, по пути заезжаем на маленький продуктовый рынечек, чтобы закупить хлеба, воды и сигарет. А время — около 16 часов, закрытие рынка, который спешно покидали торгаша, толпясь на остановках общественного транспорта, либо рассаживаясь в свои легковушки.

Места свободного на парковке нет, и наш водитель не находит лучшего места для парковки, как возле автобусной остановки.

Так как высокое начальство сидело впереди,

перед рюкзаками, посланный нами на закупки «Десант» решил выйти прямо в боковое окно. Можно представить, что подумали мирные горожане, когда из окна машины с большой красной надписью «скорая помощь» «рыбкой» вынырнул двухметровый лось в камуфляже с АПСом (автоматическим пистолетом Стечкина — прим.ред.) на поясе и ножом разведчика на «резинке», закрепленной на голени, и побежал в их сторону.

Чтобы чересчур любопытные сограждане не заглядывали внутрь салона, окно мы сразу закрыли.

Всего через минуту в окно забарабанил «Десант». Ребята быстро открыли окно и снаружи, со скоростью пули, в него полетели батоны, блоки сигарет и несколько полторашек минералки, а затем и сам «Десант»! Ноги его еще находились на улице, как прозвучала моя команда: «Поехали». Машина с рёвом дёрнула с места, а Игорь занял своё место и одарил присутствующих щедрой кавказской улыбкой.

В глазах москвичей — полное недоумение. Этакая немая сцена из Гоголевских «Мертвых душ». Только носы сопят.

Первым нашёлся сидящий ближе ко мне подполковник. Часто-часто моргая, он спросил, всегда ли «Десант» выходит из автомобиля продемонстрированным ранее способом, на что все утвердительно закивали головой, а я отрапортовал:

— Так точно, тащ подполковник! Других вопросов не последовало.

Миготм дотряслись до вертолётной площадки. Перегрузили барахло из машины в нашу «восьмерочку», вертолёт Ми-8. Рюкзаки и баулы кинули на рампу, сами прыгнули по сидениям: все согласно ранее отработанной схеме — у открывающихся окон.

«Десант» своё сидение не занял. Он шустро одел страхующий пояс и пристегнулся к тросу ПРП (принудительного раскрытия парашютов — прим.ред.): «Готов вести огонь по противнику, повиснув в воздухе!»

Ребята устанавливают турель в проеме двери для ПКМа Игоря: «Пока притормози здесь!»

— Всегда готов! — улыбается он.

Москвичи молча наблюдают за нашими действиями, недоуменно обмениваются взглядами, жмут плечами.

Взлетаем. Командир экипажа Толик, видя новых «пассажиров» и наши смешливые лица, решает нам подыграть.

Осуществив посадку в Моздоке, взлетаем на высоту 15 метров и на «бреющем» уходим в сторону Чечни. На последнем светофоре, что в частном секторе Моздока, вертолёт вдруг зависает. Вниз, под нависшим на дороге Ми-8, люди с опаской выглядывают из стоящих на перекрестке машин, тычут пальцами вверх, сигналят.

Москвичи обращают свои вопрошающие

взгляды в сторону кабины пилотов, и командир экипажа, выглянув в нашу сторону, оправдывается:

— На светофоре красный свет, а я никогда правила не нарушаю.

— Правильно, соблюдать правила необходимо! — соглашается «Десант», и, подмигивая нам, делает вертолётчикам отмашку: «Можно! Зелёный!»

М:

«Всё хорошо, братишка!»

Я пришел на службу в СОБР в один день с Игорем, 1 сентября 1995 года. Так, ожидая вызова на собеседование, в коридоре и познакомился. А причины, по которым мы устраивались в СОБР СК РУБОП, оказались схожими: желание служить в «горячей точке» в самом престижном боевом подразделении, дислоцировавшемся непосредственно на Кавказе.

Бывших десантников в милицейском спецназе было предостаточно, в том числе старших офицеров, но именно за Игорем сразу закрепилось прозвище и, одновременно, позывной «Десант», потому, что «С неба об землю, и в бой!» — это о нём. ярко выраженный холерик, в бою он сначала делал, а потом думал. И именно это часто спасало жизнь и ему, и коллегам.

На первую операцию в Чечню в составе СОБР мы с Игорем вылетели вертушкой в феврале 1996 года. Пробыли в республике около недели, «замели» какого-то опасного типа. Имени задержанного я не знаю — очень часто никто, кроме командира, не имел никакой информации по задерживаемому — так было нужно.

Затем командировок было множество, и они считались обычной работой, как в Чечне, так и в Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии и Карачаево-Черкессии.

Мы делали дело, (за которое часто награждали прикомандированных офицеров из других отрядов, ведь для некоторых из них сам факт нахождения в Моздоке, Нальчике или Назрани считался за боевой выход) не думая о званиях и наградах, мы просто были настоящими патриотами своей страны.

«Десант» проявил себя высококлассным воином и при задержании вооружённого уголовного «авторитета» Северной Осетии по кличке «Кот», и в боях под дагестанскими Кара-махи и Чабан-махи, и в ночных рейдах в горные сёла с офицерами отдела, занимающегося розыском похищенных людей.

Отличным показателем мужества Игоря является случай 1997 года, когда в районе города Прохладный (Кабардино-Балкария) оперативники вышли на след организованной преступной группы, специализировавшейся на торговле оружием, которых мы впоследствии задержали.

Тогда нашим «Шараповым», под видом

серьёзных бандитов, удалось войти с дельцами в хороший контакт и даже с первого захода купить у них «ствол». Торговцев было четверо, возрастом от 20 до 30 лет, крепкого телосложения, и, как обычно, парни были наглые и уверенные в своей безнаказанности, поэтому, на следующую закупку, в этот раз целого арсенала различного стрелкового оружия, «опера» поехали в нашем сопровождении.

Сделка проходила метрах в десяти от федеральной трассы возле будки брошенного придорожного кафе. Будка и скрывала участников аферы от глаз немногочисленных любопытных водителей, следующих в виднеющийся на горизонте Прохладный.

Вроде, всю подготовительную работу провели как положено, но сам момент задержания прошёл не совсем по запланированному сценарию... По условному сигналу оперативников, набитый СОБРовцами ПАЗ, похожий на рейсовый автобус Нальчик-Прохладный, резко съехал с дороги и затормозил у кафе. Мы, группой в 20 человек, бросились на преступников, а те — в рассыпную. Но долго бежать «оружейникам» не пришлось, троих мы скрутили сразу. Четвёртый оказался шибко шустрым, он успел выхватить из открытого багажника своего легкового автомобиля ручную гранату и метнуть её в нас.

Как раз к месту разборки подкатили опера. Они выскакивают из легковушки, а к им в ноги — граната. Радиус разлёта осколков — 200 метров! У оперативников глаза на лоб — приехали! Сейчас граната рванёт и покромсает всех в куски.

Раз, два, и «Десант», не задумываясь, расталкивает народ и бросается на гаранту, прижимая её своим телом к земле. У него — жена, дети, родители, а он идёт на осознанную гибель, оставляя возможность жить другим...

Пусть всё обошлось и граната не взорвалась, оказалась бракованной, пусть. Но сам факт, что Игорь готов был пожертвовать собой ради сохранения жизни боевых товарищей — это круто! Признаюсь, даже в спецназе не каждый способен на такой шаг!

По возвращению в Управление командир группы пытался представить Игоря к награде:

накрыть собой гранату — подвиг, достойный Золотой звезды Героя России! Но большие начальники решили по-другому: офицер не погиб, а значит, и награждать не за что. Вот если бы прогремел взрыв и Игорь ценой своей жизни — то да, посмертно и орден можно было бы вдове вручить, а так — ничего...

Дружили с Игорем семьями. Вместе выезжали на природу жарить шашлыки, вместе отмечали праздники.

Как-то сидим вечером у меня дома, пьём чай. Игорь, такой таинственный, весь в мыслях, задумчиво говорит:

— Хочу бросить курить, одышка мешает в драке. Слушай, давай так, если увидишь меня с сигаретой — бей наотмашь!

— Не могу я бить слабых и обиженных! — подкальваю я товарища.

— Понял! — хмыкает Игорь.

Утром прийдя в Управление, он громко объявляет об отказе от вредной привычки на весь отдел, и просит бить его, в случае «задержания с поличным».

Машина была замаскирована под карету скорой помощи. Командир сидел на переднем сиденье возле водителя, мы — сзади.

Через несколько дней, которые «Десант» вытерпел без единой затяжки, группа спешно загружалась в вертушку для полёта в Чечню. Рюкзаки с оружием и экипировкой закинута на борт, экипаж получает команду на взлёт, а у нас не хватает человека. Обшариваем взглядами местность в поисках отставшего, и видим спряченного втрое Игоря, тайком пытящего сигаретой под прикрытием бронетранспортёра.

Били курильщика все — и лётчики, и спецназ. Замордованный «Десант» после таких побоев навсегда бросил попытки бросить курить.

Вскоре Игорю выпало счастье «отомстить» одному из участников коллективного наказания за курение, когда мы поехали в Дагестан ловить очередного «нехорошего дядю».

Машина была замаскирована под карету скорой помощи. Командир сидел на переднем сиденье возле водителя, мы — сзади. Курить в салоне автомобиля запрещено, но обстановка была напряжённой, все нервно ждало, ибо работали много, как говорится, «СОБР недосыпал, недоедал, но бандюганов брал», а преступника нам охарактеризовали как особо опасного и непредсказуемого, на добровольный его выход с поднятыми руками рассчитывать не приходилось. Все напряжённо пялились в затонированные окна, абсолютно тёмные снаружи, но, понятно, нормальные, если смотреть изнутри, и прогоняли в мыслях свои движения по работе в парах и тройках. Задумчивый взгляд сидевшего

посредине, между мной и «Десантом», двухметрового капитана О. упирался в крышу. Было заметно, что он сосредоточен на своих мыслях и не замечает ничего вокруг. Вот О. почесал «репу» в бандане, похлопал себя по карманам, вытащил сигаретную пачку, достал штучку и машинально закинул себе в рот. Щелкнул зажигалкой. Закурил.

Почувыв дым, командир резко повернулся в салон и ударил скатанной в трубочку оперативной картой района по плечу кончику сигареты сверху. Сигарета, крутанувшись в воздухе, метко залетела О. под камуфляж.

— Сказал, не курить, накажу! — и командир захлопнул стеклянную перегородку между кабиной и салоном, задвинул шторку.

О. дёрнулся, замахал руками, как бабочка крыльями, ёкнул. Сигарета, застряв между тельняшкой и горным костюмом, подожгла одежду. А на О. поверх «горки» — бронежилет, автомат, разгрузка с магазинами и гранаты. Быстро не скинешь.

— Горим, — прошипел О., похлопывая себя

по груди, — горим! Помогите, братцы!

Я начал стаскивать с погорельца «металлолом», а «Десант» смачно заехал ему в челюсть:

— Чтобы не нарушал приказы и инструкции и не игнорировал просьбы коллектива!

Пока я всеми доступными способами тушил пожар, буйны добры молодцы выясняли отношения кулаками. Не знаю, чем могло всё закончиться, если бы не командир, взволнованный качкой машины.

— Не понял, почему мы раскисаемся, как кораблик в шторм? — отдёргнул он шторку и увидел не поддающуюся никакому описанию чудную картину.

Под угрозой «смертной казни» со стороны командира, побоище завершилось вничью. Если не считать испорченного обмундирования и наполненного дымом салона. А проветрить салон так и не разрешили — конспирация!

Запомнилось задержание ингушских наркоторговцев, в банду которых входил действующий сотрудник местного ГАИ.

Действо разыгралось на одной из серпантинных горных дорог, соединяющих Кабардино-Балкарию и Ингушетию. Контрольно-пропускные посты республиканских ДПС дислоцировались всего в нескольких километрах друг от друга, но благодаря дугообразному повороту, огibaющему скальный выступ, небольшой участок пути не просматривался ни с одного поста. Именно в этом месте происходила купля-продажа наркотического зелья. Останавливались две машины, бандиты быстро обменивались пакетами с «товаром» и наличными и разъезжались каждый в свою республику. Беспрепятственный проезд наркоторговцев через пост обеспечивал «оборотень в погонах».

Оперативники РУБОП, войдя в роль кабардинских «барыг», сумели убедить ингушских бандитов «толкнуть» им партию «герыча» для продажи в КБР.

В момент передачи наркотиков из-за скалы вырулил наш спецавтомобиль и мы с ходу приступили к задержанию. Двоих в секунды повалили мордой в землю, а «оборотень» практически в упор выстрелил в «Десанта» из табельного пистолета. Игорёк каким-то чудом сумел увернуться от смертельного ранения в живот, подставив под дуло ПМ третьего подельника нечистого на руку гаишника. Пуля, чиркнув по камуфляжу спецназовца, попала в голень наркоторговца, сбив того с ног. Игорь одновременно открыл огонь по «оборотню» и ранил его. Палая, гаишник выпустил в Игоря всю обойму. Последняя пуля, срикошетив от асфальта у ног «Десанта», ранила выходящего из машины эксперта — специалиста по наркотическим средствам — Владимира, прикомандированного из Волгоградского УВД. Пуля вошла эксперту в пах и, повредив внутренние органы, вышла через плечевой сустав. Рана оказалась очень серьёзной, Владимир через несколько дней скончался в госпитале. «Оборотень» же умер на месте. Пули, выпущенные из ВСС (винтовка снайперская специальная — прим.ред.) одного из спецназовцев с расстояния не более трёх метров, превратили гаишника в сито. Я в момент перестрелки, догнав и повалив на землю последнего преступника, давшего дёрну вниз по крутому склону горы. Перепачкавшись в вязкой глине, я одел на пытающегося оказать сопротивление бандюгана наручники и потащил его вверх. Новая тёплая камуфлированная куртка — подарок Игорю от родственников из Германии — любезно выданная другим мне на этот выезд, превратилась в грязный оборвыш. Игорь потом долго пенял меня этим, обзывая грязнулей и замарашкой, но после всегда обнимал и дружески хлопал по спине: «Всё хорошо, братишка!»

Земля тебе пухом, брат! <И>

Сергей
ГЯГЖНАС

МОЙ ПУТЬ В СПЕЦНАЗ

С января 2008 г. начал работать в военно-патриотическом клубе «Ёж» района «Нагатинский Затон» г. Москвы на должности тренера-преподавателя по огневой и тактической подготовке. Занимается военно-патриотическим воспитанием допризывной молодёжи и «трудных» подростков. Состоит в Региональной Общественной Организации ветеранов миротворческих миссий и локальных конфликтов. Инструктор центра «Редут-антитеррор».

СЛУЖБА:

84-85 – учебка рембата ВДВ в г. Каунас (срочная служба)
85-89 – РВВДКУ (г. Рязань)
89-91 – командир разведвзвода 51 пдп (г. Тула)
91-93 – зам. ком. 1 РСпН 218 ОБСпН
93-94 – ком. разведгруппы 554 ОПБ ООН (г. Клиса, Босния и Герцеговина)
94-95 – зам. ком. роты вооружения 901 ОБСпН

Родился я в семье военнослужащего. Отец всегда мечтал вырастить из меня офицера. Т.к. мой дед во время ВОВ служил в эскадрильи «Нормандия-Неман», а отец проходил службу в Управлении БТВ, моя судьба была предопределена.

Стрелять я начал с 5 лет. Отец тратил на меня в пневматических тирах до 3-х рублей (большие деньги по тем временам). Признаюсь, мне это не очень нравилось. После таких походов у меня болело плечо, а порой и затылок с ягодицами, т.к. отец категорически отказывался понимать, почему сын ОФИЦЕРА, стреляя с упора, промахивается по мишеням.

В противовес отцу выступала моя маман. В то время она работала переводчиком французского языка в Госконцерте. Возвращаясь из постоянных командировок, она видела во мне минимум служащего нашего посольства в одном из франкоязычных государств.

Я, наблюдая со стороны битву двух ТИТАНОВ, мечтал лишь об одном: когда же они уедут в свои командировки и я останусь с бабушкой, которая воспитывала во мне интеллигента. Кушать яйцо из подставки ложечкой, с салфеткой за воротником, было намного приятнее, чем учить французский с маман и получать затрещины от отца.

В какое-то время отец «самоустранился» от моего воспитания. Мама с бабушкой праздновали победу. Как же они ошибались. Отец им нанес такой удар, что они были вынуждены

безоговорочно капитулировать.

Дело в том, что я родился 6-го ноября. А 7-го ноября всегда проходил парад на Красной площади. Так вот отец был старшим колонны бронетанковой техники. И он принял, наверное, самое ответственное решение в своей жизни. На свой страх и риск он посадил меня внутрь одного из танков. Инструктаж был долог и трезен. Мне было обещано оторвать руки, если я задумаю что либо трогать или попытаюсь открыть люк. Разрешилось мне только смотреть в триплекс. К тому времени в танках я уже катался, поэтому в ответ лишь радостно кивал головой. Немного насторожил инструктаж солдата, который должен был за мной следить. Со слов отца мне стало понятно, что если эту обезьяну (т.е. меня) кто либо увидит, то отца разжалуют и вышвырнут из армии, но перед этим отец успеет расстрелять этого бойца. Все равно терять отцу будет больше нечего. При этом он многозначительно похлопал по пустой кабуре. Зная отца, я очень жалел этого бойца.

И вот колонна тронулась. Первое время я более-менее спокойно наблюдал в триплекс за проплывающими мимо домами, помня заветы отца. Видя мою беззаботность, боец даже немного расслабился, заняв место у другого триплекса. Но вот колонна выехала на Красную площадь. Все батины слова были мгновенно позабыты. Я просто обязан был открыть люк, вылезти в него и помахать всем. Они должны были увидеть меня и помахать в ответ. Солдат довольно быстро среагировал. Хватая меня за плечи и колотя по рукам, он что-то кричал, но из-за лязга гусениц почти ничего не было слышно. Все что я понял во время этой возни, так это то, что перед расстрелом (вместо заслуженного дембеля) он все-таки успеет убить этого мерзкого мелкого гаденыша. Видимо, его монолог был обо мне.

Выйдя через некоторое время из танка, я с гордостью заявил, что буду только военным. И обязательно офицером, чтобы каждый год бывать на параде.

Минули года, но каждый праздник я вспоминал о той поездке. Как следствие, карьера дипломата потерпела полное фиаско.

Но мой выбор с родом войск определился только в 14 лет. В то время отец проходил службу в ГСВГ в должности командира части. На 2-е августа он был приглашен с семьей в Коттбус, где в то время располагалась десантно-штурмовая бригада. Увидев десантирование с вертолетов и отрабатывание приемов рукопашного боя, я просто ошалел. Ведь если все это могут солдаты срочники, то офицеры просто монстры и убийцы. Выбор был моментально сделан. Только ВДВ и ничего более.

Мою мечту стать офицером-десантником не могло сломать ничто. Даже когда перед выпускным в школе проходил опрос: «Какую профессию Вы хотите получить после школы?» Я, естественно, ответил — буду поступать в военное училище и стану офицером. Такой саркастической улыбки у преподавателя я не видел за все время обучения в школах. А их я сменил немало. Естественно мой ответ, как анекдот, стал достоянием всей школы. Одна из учителей посоветовала мне поступить в тюрьму. Мол она (тюрьма) давно по мне плачет, а вступительные экзамены туда я уже сдал заочно.

Осенью я был призван в ряды Вооруженных Сил. С выбором рода войск в военкомате вопроса не возникало. К тому времени я уже 2 года занимался в аэроклубе, а на парашютных сборах перед призывом был старшиной сборов. Да и со спортом было все в порядке. Бегал за школу и за район, как сайгак.

Начал я свою службу в Каунасе, в учебке ремонтно-восстановительного батальона. Романтика и гордость били через край. Правда, не очень долго. Уже на второй день службы в части я получил в рыло. И что самое обидное, от офицера. Мы тогда, после традиционной бани, только получили новую форму и занимались нашивкой фурнитуры. Я закончил с формой одним из первых. Сказались тренировки еще в части у отца. За это удостоился похвалы от сержанта: «Надо-ж! Хотя и чмо московское, но не конченный урод.» Когда нас всех построили на строевой смотр и ком. взвода начал проверку, я был спокоен как дохлый удав. Но не тут-то было. Даже не прикладывая линейки, взводный

посмотрел на меня оценивающим взглядом и нанес резкий и очень ощутимый удар в мою грудную клетку. Пока я собирал сбитые мною табуретки, аналогичный удар получил и мой командир отделения. После долгих разборов выяснилось, что никаких нарушений у меня по форме одежды не было. Просто его ввело в заблуждение расположение «курицы». По уставу «курица» нашивается на расстоянии 12 см от погона. Но так как я получил от банщика форму на вырост (вместо 46 мне выдали 52), то погоны свисали ниже плеча, а «курица» располагалась в районе моего локтевого сгиба, что корбило взор товарища лейтенанта. Но это наказание было ничто по сравнению с тем, с чем мне пришлось столкнуться в процессе моего становления как десанта. Взять хотя-бы маршевую втянутость, висение на турнике в виде тухлых сосисок, ночное вождение, разучивание строевых песен в бане сидя в тазиках. Кстати, для повышения физической подготовки, после бани мы 2-3 раза преодолевали полосу препятствий.

Все что я понял во время этой возни, так это то, что перед расстрелом (вместо заслуженного дембеля) он все-таки успеет убить этого мерзкого мелкого гаденыша.

Поэтому парилка нам была не нужна, а следующая помывка в бане была только через неделю. Особенно добивало изучение материальной части БМД. Этот процесс выглядел следующим образом. У нас в подвале, в учебном классе, находился БТРД. Машину ставили на верхний клиренс, мы становились в положение упор лежа, а ноги располагали на траках. И в таком положении, под монотонную диктовку сержанта разучивали темы занятий. Правда надо отдать должное, запоминалось все намного быстрее.

Но всему приходит конец. Закончилось и мое обучение в учебке. Почти весь выпуск шеголял с двумя лычками на плечах. Вот тогда и пришел приказ откомандировать мл. сержанта Гягжнаса в славный город Рязань для сдачи вступительных экзаменов в РВВДКУ. Получив на руки документы я чуть не очумел от счастья.

И вот позади сдача вступительных экзаменов, 4 года обучения, «госы». Я, молодой лейтенант, попадаю служить в 51 Гвардейский парашотно-десантный полк, командиром пдв (парашотно-десантный взвод — прим.ред.). Все попытки «проверки меня на вшивость», проводимые моими подчиненными, были обречены на провал. Сказался опыт, полученный мною во время срочной службы. В это время освободилась должность командира взвода наблюдения в полковой разведывательной роте. Наблюдая за моей работой с личным составом, командир развед. роты, гв. капитан С. Дудник обратился ко мне с предложением продолжить службу в его подразделении. Без раздумья я дал согласие. Я всегда мечтал служить в разведке, как, впрочем, и любой нормальный пацан. И вот я РАЗВЕДЧИК. На некоторое время пришлось снова сесть «за парту». Тактическая подготовка значительно отличалась от той, к какой меня готовили в училище. Да и специфика действий взвода наблюдения мне была почти незнакома. Месяц ушел на переподготовку, я совмещал службу с учебой. Огромную помощь оказали и другие офицеры роты: гв. ст. лейтенанты Матвиенко и Коноплев.

Ускенные курсы не прошли даром. Еще через месяц, по прилёте в Азербайджан, мне уже доверяли самостоятельное выполнение задач.

Первая моя боевая операция была недалеко от города Ленкорань республики Азербайджан. Наша рота вылетела на «вертушках» в район, расположенный около одного из селений. Задача была не допустить прорыва группы боевиков от границы Ирана в направлении города Ленкорань, в котором находился штаб бандформирования. Предыдущей ночью наша рота, усиленная танками, получила приказ захватить в г.

Ленкорань телеграф и главпочтамт. Я достаточно хорошо знал этот район и эти здания (будучи курсантом, несколько лет отдыхал там летом у однокурсника), поэтому дополнительно проводить рекогносцировку не потребовалось. Нужные здания и подходы к ним были указаны на схеме. Но в момент нашего штурма выяснилось, что при всем соблюдении секретности и маскировки, произошла утечка информации. Здания были пусты. Утром нас уведомили, что видимо, эта группа прорывалась в сторону Иранской границы, но была остановлена погранцами. Вот ее нам и предстояло захватить.

Посадочным способом мы десантировались на чайные плантации. Основные силы роты начали подъем в горы, а мой взвод получил приказ блокировать автодорогу.

Бронетанковой техники у бандитов в то

время не было, но на КАМАЗах, даже по горным дорогам, они «лихо» перевозили небольшие отряды. Основная проблема заключалась в том, что за высокими бортами грузовиков не было видно ни груза, ни людей. А так как внутри СССР боевые действия не велись, то и открывать огонь на поражение нам было очень не рекомендовано «особистами». Ведь любой бандит при его захвате оказывался мирным колхозником, случайно нашедшем оружие с неизменным желанием сдать его органам местной власти. Этаким своеобразный круговорот оружия в отдельно взятой республике.

Распределив бойцов и поставив задачи, я уютно разместился в чайных кустах, сидя на ящиках с боеприпасами. Местность просматривалась во все стороны и опасности ждать было неоткуда. Этакие очередные учения. Когда появился первый грузовик, пытавшийся проехать к аулу, не было даже внутреннего напряжения. Все выглядело довольно буднично и мирно. На всякий случай бойцы дали предупредительную очередь из пулемета перед грузовиком. Больше в жизни мне не доводилось видеть, как быстро может разворачиваться на узком «серпантине» грузовой автомобиль. Ухмыляясь в усы, я прослушивал по связи комментарии бойцов о возможностях дрессировки различных видов приматов.

Через некоторое время на окраине населенного пункта было замечено оживление. Больше всего мне тогда не хотелось вести диалог с местным населением. И хотя мы изредка и применяли во время переговоров «демократизаторы», заботливо выданные нам правительством, но в тот момент над моей головой «витал» этаким ореол настоящей боевой операции. Поэтому дав очередь из автомата поверх голов, и увидев, как быстро они ретировались, я успокоился.

Следующей мишенью оказался автобус, который, наоборот, пытался выехать из села. И опять, как и в первый раз, пулеметчик дал понять, что проезд в этом направлении запрещен. Ему кто-то из бойцов решил помочь. И следующими выстрелами из АКСа у автобуса было выбито лобовое стекло. Этот водитель был более понятлив. Покинув салон автобуса, он скрылся за ним, тем самым полностью блокировав дорогу.

Сейчас я уже не помню точно, откуда раздался первый выстрел (две контузии, к сожалению, не способствуют улучшению памяти). Может в горах, а может и со стороны строений. От домов в нашу сторону велся неприцельный огонь. Да и было немудрено, нас очень удачно скрывала «зеленка». А их от нас скрывали дома и заборы. Но если действия противника были ограничены малым количеством укрытий, то в нашем распоряжении было целое поле. Дав пару прицельных очередей, бойцы занимали новые огневые позиции. Атаковать нас в лоб

противник не имел возможности. Для этого им необходимо было добраться до дороги, пересечь ее и спуститься по насыпи. Да и судя по интенсивности стрельбы, людей для атаки у них было недостаточно. Обойти нас с флангов тоже не было возможности. Там на растяжках стояли осветительные мины. Впервые в жизни стреляли в меня и я сам стрелял не в мишени, а в людей. Страх не было. По молодости и глупости этот бой представлялся какой-то игрой. Через некоторое время стрельба со стороны противника стала стихать, а в горах, наоборот, стала интенсивнее. Это основные силы роты приняли на себя весь удар.

Вот в этот момент трое бандитов предприняли попытку прорваться по дороге на мотоцикле. На предупреждения времени уже не оставалось и бойцы, не дожидаясь моей команды, сразу открыли огонь на поражение. Задний пассажир успел соскочить и скатиться по насыпи. Его ошибкой стало желание, видимо от испуга, подняться по насыпи на дорогу. По нему велся огонь, как в тире. Дистанция позволяла вести стрельбу без прицела. Поправки вводились по «фонтанчикам» пуль. Несколько раз он добирался почти до вершины насыпи, но каждый раз скатывался вниз. Но, видимо, его желание жить было очень велико. Ему удалось пересечь дорогу. Мы потом только увидели кровавые следы на дороге, но тела так и не нашли. Да и арык был неглубок. Видимо, смог спастись. Двое других были уничтожены и сгорели вместе с мотоциклом. Оружия у них при себе не оказалось, но в костре слышались звуки взрывающихся боеприпасов от стрелкового оружия. Это обстоятельство спасло меня и моих бойцов от разборки с «особистами». В то время нас пытались обвинить в расстреле мирного населения.

Уже тогда я в первый раз задумался над таким явлением, что человек чувствует свою смерть. Позже я сталкивался с этим не раз. Но тогда это меня поразило. Ведь несколько часов тому назад мы грелись под теплым азербайджанским солнцем, курили и непринужденно говорили между собой. И вдруг Сашка Коноплев сказал: «Мужики! А ведь если меня ранят в глаз,

то если вы меня позовете, то мне придется не просто оглянуться, а полностью повернуть голову». В ответ ему прозвучали слова неодобрения, выраженные в ненормативной лексике. И вдруг, когда прозвучала команда на загрузку, в спину нам раздался грустный голос Сашки: «Мужики! А ведь кто-нибудь из нас сегодня погибнет!» Ему в ответ прозвучала тишина. Все слышали его слова, но уже были заняты сборами. И уже через минуты они были вообще забыты. Вспомнились его слова только после того, как было получено известие о его смерти. Во время боя, первой же очередью боевиков, ему заклинило пружину подачи боеприпасов в магазине. Пока Сашка пытался в который раз перевернуть затвор автомата, следующей очередью бандиты попали ему в каску. Пуля вошла над глазом, а вышла, пройдя через мозг, около другого уха. И осколком каски ст. лейтенанту Коноплеву выбивает глаз. Очень быстро был вызван вертолет для эвакуации, но до госпиталя Саня так и не долетел. Ми-26 еле оторвался от взлетки. По прилету на «базу» нас встречали офицеры полка и дивизии во главе с командиром дивизии полковником А. Лебедем. Известие о гибели офицера-разведчика привело комдива в бешенство. Поднявшись на борт, Лебедь каждого боевика провожал таким ударом своего пудового кулака, что ни один из бандитов не коснулся трапа вертолета. На взлетке их уже ожидали офицеры в ботинках и сапогах. Вернувшись после командировки в полк, солдаты и офицеры, принимавшие активное участие в боевых действиях, были представлены к правительственным наградам. Мне было досрочно присвоено звание ст. лейтенанта и вручена медаль «За отличие в воинской службе».

Летом 1991 г. у роты проходил очередной разведывод. Отрабатывалось проведение засады. Объектом нападения был выбран УАЗик начальника разведки. Поскольку я был молод и ретив, то решил наблюдать за действиями своего личного состава сидя на дереве. Обзор открывался изумительный. Все бойцы на своих позициях просматривались отлично. Так как командовал проведением засады сержант, мне отводи-

лась роль наблюдателя. К указанному сроку дерево было подпилено и все бойцы заняли свои места. УАЗик появился почти точно по времени. Зная любовь начальника разведки к таким играм, бойцы «разошлись» не на шутку. И даже пытались отнять командирскую сумку и портфель у других лиц, находящихся в автомобиле. Каково же было мое удивление, когда вслед за моим командиром, из УАЗа вышел нач. разведки ВДВ п-полковник П.Я. Поповских и незнакомый мне высокий, слегка косящий глазами, майор. Быстренько спустившись с дерева, я доложил о проведении занятия. Проверив конспекты у меня и сержантов, офицеры продолжили свой путь. Несколько позже я был вызван к

Поднявшись на борт, Лебедь каждого боевика провожал таким ударом своего «пудового» кулака, что ни один из бандитов не коснулся трапа вертолета.

нач. разведки полка, который сказал, что принято решение откомандировать меня в Медвежий Озера для прохождения отбора в состав нового подразделения. Первоначально я пытался отказаться, т.к. служить в полку мне нравилось. Но услышав, что это новое подразделение СпН ВДВ, моментально согласился.

Отбор включал в себя проверку физической подготовки, тесты на слуховую и зрительную память, собеседование и т.д. Офицеров для экзамена собралось около сотни, но прошли отбор лишь три десятка. Одним из них был я. Так началась моя служба в 218 ОБСпН ВДВ в должности командира 1-ой группы 1-ой роты.

И вновь, как и прежде, пришлось сесть «за парту». Приходилось учиться по ходу службы. Времени на учебу хватало, так как батальон был не полностью укомплектован личным составом срочной службы. А вот офицеров и прапорщиков было строго по штатному расписанию.

Почти всем офицерам пришлось перечувствовать. У каждого на предыдущем месте службы была своя специфика. К примеру, я раньше служил в должности командира взвода наблюдения. На вооружении у меня состояли станции ближней разведки СБР-3. Отсюда и задачи у моего подразделения были отличны от задач других подразделений. Мы больше учились на слух отличать различные виды техники и передвижения личного состава противника. В спецназе пришлось учиться не только слушать, но и видеть. Тактика передвижения на местности практически ничем не отличается. А вот со способами обнаружения объектов противника, определения расстояния до них и нанесения этих объектов на карту у меня, как и у многих, возникали трудности. Учились всему этому в полях, на офицерских сборах в учебном центре. Там же проходили тренировки по стрельбе и тактической подготовке. Организовывали поиски. Одни учились делать

схроны и тайники, другие их искали. И наоборот. Заново учились оборудовать «дневки». Много времени уделялось инженерной подготовке. Пришлось вспомнить училищные занятия и вновь заучивать таблицы расчета зарядов ВВ для различных Конструкций. Ко всему прочему, пришлось осваивать новые средства связи. А еще азбуку Морзе и прием и передачу групп шифр. Были занятия по истории применения наших и зарубежных подразделений СпН. Ну и еще можно добавить ко всему изучение иностранных языков. Ежегодная успешная сдача экзамена давала возможность дополнительно получать надбавку к жалованию.

Первое время бойцов переводили из других подразделений. Выбирать не приходилось, работали с тем, что есть. Но со временем, офицеры рот уже сами выезжали в войска, где и отбирали себе будущих воинов. Тем самым исключались возмущения, что работать приходится черт-те с чем. Уже будучи заместителем командира роты, я сам неоднократно выезжал в такие поездки. Порой случались анекдотичные случаи. Один из таких произошел со мной в Литве. Я прибыл за бойцами в «учебку», но «сарафанное» радио уже сообщило, что из Москвы едет очень крутой «покупатель». Командирами всех мастей был отдан срочный приказ спрятать всех отличников, а на показ выставлять только чмырей и потенциальных уродов. В принципе, их можно понять. Готовишь себе специалиста, и вдруг его у тебя забирают неизвестно куда. А ты остаешься у «разбитого корыта». Об этом приказе мне случайно проговорился мой бывший сокурсник, который мною был незамедлительно напоен пивом в ближайшем пивбаре. Естественно за мой счет. Но игра стоила свеч. План созрел молниеносно. Уже вечером, в ближайшей аптеке, был куплен белый халат, а в

военотрге — эмблемы медицинской службы. На утро по ротам ходил слушатель Ленинградской медицинской академии, пишущий реферат по теме, типа: «Влияние тяжелых армейских будней на молодой и неокрепший организм молодого воина». При этом я убедительно просил, чтобы мне, для беседы, предоставили «здравомыслящих» бойцов, а не кого попало. Для моих знакомых офицеров была приготовлена байка о том, что после контузии жизнь не задалась, пришлось сменить род войск и податься в медики. Глядя на их сочувствующие лица, меня разбирал дикий хохот. Но я крепился. Это продолжалось три дня.

Результатом моей работы стал список фамилий, который был отправлен в Москву. Надо было видеть лица офицеров, когда я строил свое новое подразделение на плацу. Из самых «мягких» угроз в мой адрес были, разве что, отказ пить со мной вместе не только пиво, но и ВОДКУ, а также, даже в трудную для них минуту, полный отказ присесть со мной на одном поле. Было немного грустно, но приятно вдвойне от проделанной работы...

Через два года службы в батальоне я был вынужден уехать для дальнейшего прохождения службы в батальон ООН. Вернувшись через год я узнал, что на базе 218 ОБСпН развернут 45 разведывательный полк ВДВ. В родном батальоне вакантных должностей не оказалось и пришлось служить в 901 ОБСпН в роте спец. вооружения. Уже через месяц, в составе этой роты я убыл наводить конституционный порядок в Чечню. Скоро должен был начаться новый 1995 год. Но это уже другая история.

В завершение хочется сказать об офицерах батальона. Это были офицеры, которые отдавали себя службе полностью, подчас жертвуя самым дорогим — своими семьями. Это и командир батальона, позже трагически погибший, майор Василенко, и его заместитель Автаев, который все делал для повышения боевой подготовки. Также хочется отметить и офицеров управления: С.Чувьрина, П.Корчагина, В.Тарасова и многих других офицеров батальона. Отдельное спасибо хочется сказать офицерам моей роты: Бавдею, который принял командование ротой по возвращении из командировки в Приднестровье, ком. группы Г.Сафонову, прапорщику В.Иванкову, с которым позднее пришлось вместе служить на территории бывшей Югославии в составе ООН. К сожалению, всех и не перечислишь. Но это были настоящие ОФИЦЕРЫ. Особое спасибо хочется сказать начальнику разведки ВДВ — П.Я. Поповских, который на всем протяжении формирования, обучения и боевой деятельности батальона был бессменным куратором.

А моему отцу, полковнику в отставке, Гягжас В.Э., низкий поклон за то, что сделал из меня настоящего человека и офицера. <ИВ>

Максим ШАТУРОВ

http://artofwar.ru/s/shaturov_m_s/

"МАЛЕНЬКАЯ" ТРАГЕДИЯ

Есть войны справедливые. Есть преступные. Есть ожесточённые, и есть «тихие». Но обычно за сводками о ходе боевых действий скрыты отдельные «маленькие» трагедии. Трагедии отдельных людей, которые редко кто замечает.

Людам свойственно говорить: «Давайте подавим их танками! Давайте разгромим врага в пух и прах!» Но при этом они часто забывают, сколько боли принесёт это таким же, как они. А, может быть, и им самим.

В Абхазии, во многих семьях стоят ряды фотографий в траурных рамках. С них смотрят те, кто не вернулся с последней войны, кто не пережил её. И каждая такая фотография — трагедия. Но не о них сейчас пойдёт речь. В районе Келасури жила женщина. Ивета. Грузинка. Работала геологом, растила сына. Пока не случилась беда. Её геологическая экспедиция попала под лавину. Муж Иветы погиб, а ей оторвало ноги. Но сильная женщина сумела подняться. Научилась заново ходить на протезах. Да так, что только трость выдавала её инвалидность.

Моя прабабушка очень дружила с Иветой. Бабушка учила её сына, Зурика.

Незадолго до войны Зурик помогал нам по огороду. Доставал картошку на рассаду — в позднестроенной Абхазии и с этим возникали проблемы. Но однажды всё изменилось. Союз рвало на части. И процесс этот перекинулся и на те республики, которые совсем недавно требовали независимости. Ну а во времена старта бандитских девяностых абсолютным решением любых проблем виделось применение силы. И однажды танки Госсвета Грузии вошли в Абхазию. Началась война.

Потом пошла мобилизация населения. Зурик, поначалу, скрывался — воевать против вчерашних соседей не хотел. Но потом, видимо, всё же попал в армию. В любом случае, когда абхазцы разгромили армию Госсвета, волна беженцев вынесла с собою и Зурика. А Ивета осталась в Сухуме. Вскоре в республике удалось восстановить закон и порядок. Преступность упала. Люди остыли. К Ивете начали заходить друзья и знакомые. И кто-то сказал, что Зурик жив, что он в Тбилиси. И у Иветы появилась надежда, что сын вернётся... И она стала ждать.

Жила Ивета на последнем этаже дома, сере-

дина которого выгорела и обрушилась в результате попадания бомбы. Соседи — абхазцы помогли ей, чем могли. Кто гуманитарку принесёт, кто деньгами или хлебом поможет. Но жила она бедно. Хотя это особо не смущало. Ивета много времени проводила за чтением. Книги и огород — вот были её занятия. За домом она огородила участок. Посадила на нём, что могла. Постоянно ухаживала. Когда я приезжал, ну а позже и моя жена, мы помогли капельку по огороду — ну прополоть что там, посадить, забор поправить. Огород для Иветы был жизнью. Каждый раз в разговоре она вспоминала, что посадила в этом году. Переживала, что соседские коровы вновь залезли через дырку в заборе. Радовалась тому, что уродилась кукуруза.

А ещё она читала. Читала много.

Дома была огромная библиотека на русском, английском и грузинском языках. Соседи — абхазцы приносили ей книги из «профейных» квартир. Менялись с ней литературой.

Ивета любила показывать фотоальбом с фотографиями Сванетии — её гордость. Переводила с грузинского названия достопримечательностей, их описания. Рассказывала о том, как сама бывала в тех местах.

Каждый раз, когда мы заходили к ней, спрашивала нас о книгах, предлагала поменяться — меняла прочтённые книги на новые. А ещё она ждала возвращения сына. Сын — это был человек, вера во встречу с которым позволяла ей держаться.

— Вот Зурик приедет, вот он огород поможет сделать. Крышу починит, а то мне её 3 раза чинили, а всё равно течёт!

Ждала. А знакомые при разговоре о Зурике отводили глаза...

Один военный-абхаз решил найти Зурика. Навёл справки. Связался с Тбилиси. Там нашёл бывшего бойца-грузина, которого когда-то спас от смерти — не дал расстрелять. Тот принял просьбу отыскать Зурика... А через месяц пришла страшная весть: Зурик, не выдержав горя потери матери, горя потери дома, сошёл с ума. Его встречали, бродящего с пустым взглядом на улицах грузинской столицы. А потом он вообще пропал...

Ивете об этом не говорили. Знали, что жен-

щина живёт надеждой. Да и сами надеялись, что в Грузии ошиблись, что это не сын Иветы.

В год, когда умер мой дедушка, Ивета начала сдавать. Весть о гибели деда выбила её из колеи. Но держалась.

А на следующее лето она не вышла в огород.

— Ой, Максимушка, обожглась я! Воду пролила!

Ивета ошпарилась кипятком. Старость давала о себе знать всё сильнее и сильнее.

— Если не трудно, вот моя фотография, сделай копию — паспорт менять надо.

— Хорошо, — поехали мы с Машенькой на копирование снимков.

Вернулись. Опять болтаем об огороде: «Вот осенью соберу урожай! Помидоры такие уродились! Только вот прополоть не могу — по лестнице спускаться очень трудно. Вчера до соседки снизу еле дошла. В первый раз такое. Но к осени, думаю, получше будет. Время-то ещё есть! А вот если Зурик приедет...»

А потом: «Вы как поедете в следующий год, купите мне гребешок. Ладно? А то мой совсем сломался, а тут красивый купить тяжело.»

Осенью мы с Машенькой купили в магазине красивый гребешок. И когда приехала бабушка, показали ей: «Вот, взяли для Иветы! Как её огород-то?»

Бабушка грустно ответила: «Всё, не нужен гребешок. И урожай никто не соберёт. И Зурика Ивета не дожждётся...»

Иветы не стало. Похоронили Ивету соседи — абхазцы. Только вот могила скоро будет заброшена. Пока ухаживают за ней. Подправляют деревянный крест. Цветы кладут. Только вот всё же не родня. Придёт время, забудут за проблемами и делами. А сын никогда не придёт на могилу матери. И внуки не вспомнят о ней... Потому что их нет. Всегда легко развернуть танки в сторону того, кого считаешь врагом. Но никогда тот, кто берёт в руки оружие, не думает о том, что после этого «маленькие», «незначительные» человеческие трагедии ещё долго будут катиться серой тенью по обоим берегам Ингури, Литаний, Тигров, Дунаев, Волг и Рейнов, справа и слева от «железных занавесов» и пограничных столбов. А к чему об этом думать и помнить? Большая политика работает во благо общества, а не отдельных людей... <ИВ>

Александр СУХОЛЕССКИЙ

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА СПЕЦНАЗА

Без грифа секретно

ВВЕДЕНИЕ

Обострившийся в начале девяностых годов двадцатого века внутривнутриполитический конфликт в Республике Таджикистан в августе-сентябре 1992 года перерос в открытое вооруженное противостояние основных политических сил получившего независимость молодого государства. Правительство первого президента страны Набиева в сложившейся ситуации не смогло предотвратить гражданскую войну и под давлением «демоисламистской» оппозиции в конце лета 1992 года вынуждено было уйти в отставку. Власть в стране де-факто перешла в руки Демократической партии Таджикистана (ДПТ) и Исламской партии возрождения Таджикистана (ИПВТ), объединившихся для «борьбы с коммунистическим режимом». В связи с отсутствием легитимного правительства в стране наступил паралич власти. Гражданская война в условиях «нейтралитета» государственных силовых структур, после заявления руководителей МВД и КНБ (комитета национальной безопасности) Республики о нейтралитете подчиненных им ведомств*, полностью охватила центральные, юго-западные и южные районы республики.

Основными противоборствующими сторонами во внутреннем вооруженном конфликте в Республике Таджикистан к осени 1992 года выступали иррегулярные вооруженные формирования ИПВТ и ДПТ с одной стороны и Народного фронта Таджикистана (НФТ) с другой.

* Оборонное ведомство в Таджикистане было сформировано лишь в начале 1993 года.

СПЕЦНАЗ УШЕЛ В ПАРТИЗАНЫ...

Интересна и уникальна история создания Народного фронта Таджикистана. До сих пор в официальных СМИ умалчивается факт активного участия военнослужащих армейских частей и подразделений специального назначения в гражданской войне в Таджикистане. Не время или нежелание? Скорее второе, потому что не было бы траге-

дии Первой Чеченской войны, если бы был учтен таджикский опыт...

Во всем мире, одной из главных задач сил специального назначения (разведывательно-диверсионных подразделений различных государственных силовых ведомств) является ведение вооруженной борьбы «нетрадиционными» методами. Одним из таких методов и является партизанская война. Формирование и руководство партизанским движением на оккупированной территории, как правило, возлагается на спецназ вооруженных сил или государственных органов безопасности. Такая задача стоит и перед спецназом России, способы действий которого в тылу противника не отличаются от партизанской тактики вооруженной борьбы. Сейчас даже американцы употребляют русскоязычную версию аббревиатуры — spetsnaz, относя это понятие к разведывательно-диверсионным подразделениям, а не к «спецназу» на пригородном железнодорожном транспорте и прочим, коих в современной России расплодилось несчетное количество. Ником образом не умаляются заслуги сотрудников линейных отделов внутренних дел, выполняющих нелегкую работу по поддержанию общественного порядка на пригородных вокзалах и в поездах пригородного сообщения, но называть их спецназом... К сожалению, захлестнувшая Россию в начале

90-х годов мода на всевозможные «спецназы», не имеющегося разве что у пенсионного фонда, одним именем обозначила и разведчиков, и тех, кто в своем тылу обязан бороться с разведкой противника (спецназ ВВ МВД), ракетчиков (Командование специального назначения...) и спасателей МЧС, милицию и медиков, сотрудников силовых подразделений Минюста и частных охранных предприятий, и т.д. и т.п.

Но народ Таджикистана именно военнотужающим армейского спецназа обязан прекращением хаоса безвластия. Однако это не мешает отдельным таджикским СМИ (проправительственным и оппозиционным) искажать факты участия военнотужающих спецназа за дружественных Таджикистану государств в прекращении братоубийственной гражданской войны, обвиняя их в... ее разжигании.

В сентябре 1992 года, в самый активный и ожесточенный период гражданской войны (война уже шла и без спецназа), спецназовцы только что разрушенных единых Вооруженных сил Советского Союза, волей судьбы и приказа оказались в Таджикистане. Именно им, офицерам среднего командного звена, после изучения и анализа внутривнутриполитической обстановки в Курган-Тюбинской области принадлежала инициатива объединения разрозненных вооруженных формирова-

ний, выступавших против создания в Таджикистане исламского государства, в единый Народный фронт. Основу Народного фронта Таджикистана (НФТ) составили разрозненные вооруженные формирования «юрчиков», взявших в руки оружие для защиты своих семей и жизненного уклада от религиозного мракобесия «вовчиков» («вовчики» и «юрчики» — по аналогии «белые» и «красные»). Выбор руководителя Народного фронта безоговорочно был остановлен на Сангаке Сафарове. Пожилым уже человеку с огромными организаторскими и ораторскими способностями, но с уголовным прошлым, которое не помешало ему до трагического конца своей жизни остаться Патриотом и Гражданином своей родины.

Оперативные офицеры, не имея практического опыта ведения партизанской войны, но хорошо усвоившие преподанные им афганскими моджахедами в Афганистане уроки, с энтузиазмом взялись за новое дело. За их плечами была недавняя война в Афганистане. Офицеры-разведчики, как никто другой, хорошо знали слабые и сильные стороны «афганского сопротивления» и ту роль, которую играли западные спецслужбы в организации «борьбы с коммунизмом». За один вечер было придумано название движения — Народный фронт Таджикистана и выработана общая программа его действий. Четкая работа штаба НФТ, путем проб и ошибок в выборе должностных лиц, была налажена спустя две недели, когда его работу возглавил Нурали Шералиев.

Признание и авторитет к офицерам спецназа пришли быстро. Равнодушно наблюдать, как первое время шли боевые действия было невозможно. На вопрос: «Кто вас этому научил?» — ответ прозвучал обескураживающе: «Смотрим вечерами боевики по видику, а утром идем воевать...» Пришлось ломать «киношные» стереотипы и много чего такого, без которого нормальной боевой работы не получится. Позже, когда авторитет советников станет непрекращаем, к ним даже старшие будут обращаться с уважительной приставкой к имени «ака».

Какими бы политическими лозунгами не прикрывались все противоборствующие стороны гражданской войны за власть в Таджикистане, по своей сути они преследовали клановые интересы. В условиях безвластия и беззакония, противоборствующие стороны жестоко расправлялись со своими врагами — такими же таджиками — лишь на основании того, что одни являлись кулябцами, другие памирцами, третьи гармцами и т.д. Жестокость одних порождала ответную жестокость других, абсолютно повторяя события начала века, когда на белый террор большевики вынуждены были отвечать красным. Резня,

устроенная ваххабитами в ургутской махале (поселке этнических узбеков — уругтов) в Курган-Тюбе, массовые казни, устроенные ими в бане совхоза «Туркменистон», где были зверски замучены и расстреляны сотни кулябцев, чья вина объяснялась лишь отметкой в паспорте о месте рождения или прописке. Вполне объяснима, но не оправдана ответная волна стихийных репрессий, но к чести кулябцев, «красный террор» касался лишь непосредственных участников вооруженного противостояния. В чем не малая заслуга лично руководителя НФТ Сангака Сафарова и военных специалистов, имевших свои рычаги воздействия на проявление жестокости отдельными бойцами НФТ. Когда укротить жестокость одного из полевых командиров НФТ Файзали Саидова, вызванное болезненным состоянием его психики, убеждением не удастся, Сангак остановил его выстрелом из личного пистолета АПС, после чего сам падет под пулями его охраны... Но произойдет это лишь в марте 1993 года, и большинству населения Таджикистана будет рассказано, что оба лидера НФТ «пали от бандитской пули».

Действия Файзали Саидова, сыгравшего важную роль в разгроме вооруженных отрядов оппозиции в Курган-Тюбинской области, заслуживают неоднозначной оценки. Спецназовцы в шутку называли Файзали «Батькой Махно» за его анархизм и прочие «добродетели», присущие и Нестору. Даже тактика рейдовых действий бачои (парней — тадж.) Файзали была сродни тактике налетов махновских тачанок. Рейдовый отряд «механизированной бригады» имени его самого на нескольких БТР, десятке грузовых и легковых автомобилях (включая кустарно бронированные МАЗы и КамАЗы), при поддержке одного-двух танков сходу сбивал боевое охранение противника (пост прикрытия) и врвался в контролируемый «вовчиками» населенный пункт... В ходе очистки (термин «зачистка» появился в Чечне) бачои Файзали захватывали технику, вооружение и пленных. Последние доставлялись на допрос лично командиру... Место и время очередного рейда «механизированной бригады» для противни-

ка всегда оставались неизвестными. В свои планы Саидов не посвящал даже ближайшее окружение. Но если люди Файзали приходили в кишлак оппозиции (сам «Махно» участия в боевых действиях не принимал), от домов оставались одни головешки. Приказ об уничтожении домовладений сторонников оппозиции бачои Файзали выполняли безоговорочно. За малейшее неповиновение «батька» мог и расстрелять... Свой приказ сжигать дома Саидов объяснял отсутствием мотивации у противника к контрнаступательным действиям — «если дома вовчиков огнем уничтожены, отвоевывать им нечего». Лишившись крыши над головой, население Курган-Тюбинской области, поддерживавшее сторонников насильственного захвата власти в лице казикола Тураджонзода и лидера таджикских ваххабитов мулло Абдулло, к концу 1992 года оказалось в... Афганистане (соседний Узбекистан их, по понятным причинам, не пустил). К сожалению, подавшись пропаганде, на территории Исламского Государства Афганистан оказались не только те, кто мечтал об «Исламской Республике Таджикистан», но и тысячи простых обывателей.

К лету следующего года незаконные вооруженные формирования Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), отоброшенные в Афганистане среди нескольких десятков тысяч беженцев, разбавленные афганскими и арабскими наемниками, совершат нападение на 12 заставу Московского погранотряда. В последующем боевики ОТО будут устраивать прорывы через таджикско-афганскую границу на участках границы Хорогского погранотряда и совершать теракты в отношении пограничников и членов их семей, а после роспуска ОТО пополнят ряды международной наркомафии, станут рекрутами Талибана и Аль-Каиды. Проще было не пустить их в Афганистан, но попытки лидера НФТ Сангака Сафарова и офицеров спецназовцев установить конструктивное сотрудничество с командованием Пянджского погранотряда успехом не увенчались, их проигнорировали...

ТАДЖИКИСТАН: ОТ ПАРТИЗАН К РЕГУЛЯРНЫМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ

К началу зимы 1992 года, благодаря перелому военно-политической обстановки в пользу демократического развития Республики Таджикистан, возникли благоприятные условия к формированию нового правительства. В процессе его формирования решающую роль сыграл лидер НФТ Сангак Сафаров. Какую бы тонкую игру не вел Сангак, но свой отказ от чиновнического кресла он аргументировал желанием «спокойно встретить старость». В октябре 1992 года, после ряда проведенных мероприятий и консультаций, он лично выдвинул на пост главы администрации Кулябской области мало кому в то время известного председателя колхоза из Тавильдаринского района Имомали Рахмонова, заменив им прежнего раиса (председателя) Ризоева.

Столица республики была в это время во власти, ставшей уже оппозицией. По настоятельной просьбе военных советников НФТ, хорошо знакомых с «махновщиной» отдельных полевых командиров Фронта, к захвату ключевых объектов в Душанбе привлекались только вновь сформированные штатные подразделения МВД и КНБ Таджикистана. Согласно классике жанра, в любой гражданской войне под личину «борцов за справедливость» зачастую прячутся разные темные, нередко уголовные элементы. Именно в беспощадной борьбе с ними, а не с вооруженным противником, нажили себе врагов Сангак Сафаров и первый министр МВД Якуб Салимов. Именно «махновского» беспредела в столице они и спецназовцы опасались больше всего, поручая ее захват нескольким сотням наспех обученных военнослужащих правительственных войск.

Вооруженным отрядам НФТ в операции по захвату столицы отводилась своя задача: отвлечение на себя основных сил двухтысячной душанбинской группировки противника.

Военным специалистам пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать Ф. Саидова от «захвата» столицы и убедить его в необходимости проведения отвлекающего рейда. Когда все аргументы были исчерпаны, спеназовцы предложили Файзали вместе с ними лично возглавить рейдовый отряд. Психологическая уловка сработала — Файзали остался на базе, а рейдовый отряд выполнил поставленную задачу, выйдя с боями через Орджоникидзебад к восточной окраине Душанбе. На обратном пути отряд попал в засаду, когда до условной линии фронта оставалось чуть более десяти километров. Положение было настолько сложным, что пришлось прибегнуть к помощи вертолетов армейской авиации, дислоцируемых на аэродроме Кокаиты в соседнем Узбекистане. Цена полетов «на запугивание» — без применения вооружения — раненный в голову борттехник. Несмотря на понесенные отрядом потери, замысел операции удался, опасаясь возобновления «наступления», противник перебросил на восток с запада и юга Душанбе значительные свои силы. Сработала и дезинформация, зауженная в ходе обшения бойцов «бригады имени Файзали» с жителями восточной окраины столицы — «ждите мы через несколько дней вернемся...» Впервые за всю войну бригада Файзали не вернулась на базу под Курган-Тюбе, а осталась в «прифронтовом» кишлаке, что окончательно убедило противника в намерении ее повторить попытку «захвата» Душанбе. К этому времени отряды НФТ Гисарского района Республики, также возглавляемые офицерами-спецназовцами, очистили от «вовчиков» Гисарскую долину и подошли к столице с запада и юга.

Утром 5 декабря 1992 года подразделения 1 отдельной мотострелковой бригады особого назначения и 1 батальона специального назначения МВД, а также роты спецназ КНБ Республики Таджикистан фактически без боя сходу заняли все ключевые объекты в столице республики городе Душанбе, войдя в него с северо-запада. Ошутимые потери понесла лишь 1 омсброн, минометная рота которой,

заблудившись в узких улочках старого города, вышла на восточную окраину столицы...

Следует напомнить, что попытка отдельных политических сил во главе с Сафарали Кенжаевым захватить столицу республики и власть в свои руки в октябре 1992 года завершилась провалом. Участники «военного переворота» пренебрегли не только реалиями военно-политической обстановки (не поставив в известность лидера НФТ — основной военной силы), но и сделали ставку на порочность обремененного высокими полномочиями генерала...

Вооруженные формирования ИПВТ, вытесненные из столицы, отошли на восток. Оттесняя отряды вооруженной оппозиции от столицы республики, передовые подразделения 1 омсброн МВД РТ и отряды НФТ в первых числах января 1993 года вышли к населенному пункту Чуянгарон, расположенному у входа в Ромитское ущелье. Попытка подразделений бригады сходу захватить ущелье привела к трагическим последствиям. В ходе боя за населенный пункт в неравном бою погиб командир и несколько военнослужащих бригады. В Ромитское ущелье вооруженные формирования ИПВТ оборудовали укрепленный район, который препятствовал обходу правительственными войсками глубоко эшелонированной обороны противника, созданной вооруженной оппозицией вдоль Гармского ущелья (Каферниганская долина) 40 км восточнее столицы. Контроль оппозицией Ромитского ущелья, обеспечивал ей быстрый выход вооруженных отрядов к столице государства с северо-востока.

Командование бригадой принял в ту пору заместитель командира бригады майор Гафур Мирзоев, в последующем экс-командующий Президентской гвардией и экс-руководитель республиканской Службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а ныне заключенный тюрьмы... Забегая вперед сообщу, что судьбу опального генерал-лейтенанта разделили и десятки других активных участников Народного фронта Таджикистана, когда во властные госструктуры не мытьем, так катаньем, пришли их бывшие противники по гражданской войне — представители ОТО... В новом «демократическом» правительстве оказались и те, кто в тревожное лихолетье отсиживался в соседних странах, размышляя, к какому лагерю приткнуться. Перед новым командиром 1 омсброн МВД РТ была поставлена задача по освобождению от вооруженных отрядов оппозиции Ромитского ущелья, но сроки ее выполнения установлены не были. Неоднократные попытки захвата Ромитского ущелья к успеху не привели. По просьбе вновь назначенного министра МВД РТ Якуба Салимова офицеры армейского спецназа

советники лидера НФТ поступили в его распоряжение. Деловое сотрудничество спецназовцев и нового министра внутренних дел, позволило оперативно решать многие вопросы борьбы с незаконными вооруженными формированиями весной-летом 1993 года.

В середине февраля в распоряжение 1 омсброн МВД РТ прибыла оперативная группа 15-й отдельной бригады специального назначения МО Республики Узбекистан во главе с комбригом полковником Владимиром Квачковым. В короткие сроки с помощью уже работающих в бригаде офицеров-советников бригады была подготовлена операция по зах-

Оказавшись в заснеженном высокогорье один на один с врагом, тактический воздушный десант был вынужден рано или поздно спускаться с гор, чтобы выдавить противника из теплых домов.

вату Ромитского укрепрайона. 22-23 февраля 1993 года совместными действиями тактического воздушного десанта и тактической группы 1 омсброн МВД РТ. Ромитский район обороны был захвачен.

В последних числах февраля Министерством обороны Республики Узбекистан и Республики Таджикистан была подготовлена и проведена крупномасштабная операция по захвату и освобождению от вооруженной оппозиции Каратегинской долины, большинство населения которой (гармцы) всесторонне поддерживало боевиков ИПВТ. Совместная работа привела к выработке необычного способа разгрома противника — выдавливания, описания которого нет ни в одном боевом уставе. Суть ее заключалась в том, что на глубину более 150 км последовательно высаживались тактический воздушный десант общей численностью более 2000 человек. Десантируемые подразделения, сформированные из запасников, имели на вооружении лишь стрелковое оружие и гранатометы. Штурмовые группы численностью 40-60 человек десантировались на горы посадочным способом из вертолетов вблизи населенных пунктов занятых противником. Практически на каждую площадку десантирования высаживались оперативные группы из 2-3-х военнослужащих 15 отдельной бригады спецназ, осуществлявшие общую координацию действий десанта и взаимодействие с вертолетами. Аналогичная практика направления военнослужащих спецназа в иррегулярные вооруженные отряды Северного альянса в Афганистане широко использовалась ССО (Силы специальных операций — прим.ред.) США в операции «Несгибаемая свобода» в 2002 году. Оказавшись в заснеженном высокогорье один на один с врагом, тактический воздуш-

ный десант был вынужден рано или поздно спускаться с гор, чтобы выдавить противника из теплых домов. Если противник оказывал серьезное сопротивление, выявленные цели уничтожались огнем наводимых спецназовцами вертолетов, а количество десанта наращивалось. Взятые под контроль населенные пункты, связывала единственная автомобильная дорога, по которой десант соединялся с соседями, устанавливая контроль над всей дорогой и долиной в целом.

Какой бы сумасбродной с точки зрения классического общевойскового боя не выглядела эта операция, но благодаря мужеству вер-

толетчиков, спецназовцев и сотен неизвестных таджикских ополченцев она удалась. Общие потери десанта составили 70-80 человек, из них около 30 человек десанта были заманены оппозицией в мечеть на переговоры и коварно расстреляны...

Не будь «гармского десанта» к лету 1993 года, почти двухтысячная группировка таджикских НВФ с помощью афганских моджахедов превратила бы контролируемые ими районы в неприступную крепость, ставшую бы оплотом международного терроризма. Чем бы это обернулось для самого Таджикистана, соседнего Узбекистана и Кыргызстана в условиях, когда Афганистан постепенно переходил под контроль талибов, можно только догадываться.

После установления контроля правительственными войсками над большей частью территории Республики, необходимость в существовании Народного фронта отпала. Сангак Сафаров объявил о снятии с себя полномочий руководителя вооруженными формированиями НФТ, отряды которого были трансформированы в части Министерства обороны и подразделения Министерства внутренних дел республики. Но «спокойно встретить старость» Сангаку было не суждено.

Конец гражданской войны в Таджикистане был положен, с расформирова-

нием Народного фронта, так как дальнейшие боевые действия по уничтожению незаконных вооруженных формирований вели только регулярные части МО и МВД Республики.

Выводы

В ходе внутреннего вооруженного конфликта в Республике Таджикистан в первой половине девяностых годов двадцатого века удалось нанести сокрушительное поражение вооруженным формированиям сторонников создания в Таджикистане теократического исламского государства и создать выгодные условия к политическому урегулированию внутреннего вооруженного конфликта.

Успешные действия подразделений Народного фронта Таджикистана были обусловлены решительностью и высокой активностью боевых действий, отступлением от классических методов вооруженной борьбы, одновременным воздействием на противника на нескольких оперативных направлениях, наличием социальной базы партизанского движения и ее ликвидацией у противника (Курган-Тюбинская область), активной внешней поддержкой НФТ. Все это стало возможным и благодаря привлечению профессионалов «нетрадиционных методов боевых действий», имевших реальный опыт ведения вооруженной борьбы с иррегулярными вооруженными формированиями, а затем получивших такой опыт в составе подобных формирований. Именно благодаря их усилиям удалось в течении нескольких месяцев прекратить бессмысленную братоубийственную бойню и установить на земле древней Согдианы пусть хрупкий, но мир, укреплять который должны были уже политики.

К сожалению, многие высокие военные чиновники, заболевшие «звездной болезнью», редко прислушиваются советам специалистов, стоящим на низшей ступеньке военной иерархии или уволенным в запас. Не будь так, не было бы кровавых событий «наведения конституционного порядка» в Чечне в 1994-1996 годах, «просчетов» (а просчета ли?) российской дипломатии в Югославии, урегулирования внутренних конфликтов в соседних Кавказских республиках и в других районах мира, до которых было дело Советскому Союзу, сейчас есть дело США, но почему-то нет дела России...

История не приемлет сослагательного наклонения «если бы». Но если бы кто-нибудь обратил внимание на «таджикский опыт» осенью 1994 года, события в уже упомянутой Чечне можно было бы повернуть совершенно в другом направлении, сохранив тем самым жизни тысяч наших соотечественников, в том числе и чеченцев. <ИД>

Кен БОПП

Перевод Нины МЕНЬШИХ

СТЕНА: РАССКАЗ О МОЕМ ИСЦЕЛЕНИИ

От автора: в 1962 году я закончил курсы анестезиологов в госпитале Св. Джона (Спрингфилд, шт. Иллинойс). Обучение длилось в течение полутора лет. Будучи дипломированным медбратом, с февраля 1967 по февраль 1968 проходил службу во Вьетнаме. История моей встречи со Стеной такова:

Надо сказать, что я не самый плохой рассказчик всякого рода историй про войну. Вьетнам прошло множество ребят из тех, с кем мне доводилось работать и, если уж среди них и найдется такой, которому нечего сказать на эту тему, то мы, оставшиеся, частенько вспоминаем то время. Удивительно, но речь никогда не заходит о самых травмирующих душу событиях. Они всегда остаются где-то «извне». Своего рода подсознательное чувство, что наши друзья и коллеги просто не хотят слышать об «этом»... Вообще я полагаю, что когда я буду дома, меня не коснутся проблемы, стоящие перед ветеранами, которым приходится приспосабливаться к мирной жизни. Все мои военные фотографии либо потерялись, либо были рассованы по коробкам, которые не открывались годами.

Думаю, что нечто подобное произошло и с моими воспоминаниями, которые я попросту отложил куда-то подальше, приспособившись к повседневному комфорту. Да, у меня была хорошая работа, любящая семья — в общем-то, я был вполне счастлив. Разумеется, время от времени в быту возникали проблемы, впрочем, без этого еще никто не обходился. А вот затем произошло то, что потрясло меня до самой глубины души: в своем почтовом ящике я обнаружил обыкновенный коричневый конверт, пришедший не от кого-либо из моих знакомых или родственников. В нем был журнал National Geographic за май 1985 года. Я никогда не забуду этот день, день, перевернувший всю мою жизнь.

На тот момент Стена Памяти существовала уже около двух с половиной лет, но я ничего не слышал о Ней. Мой путь к Стене только начинался. Я открыл журнал и начал его изучать. Все мои домашние занимались своими делами, а я стоял один у черного хода и листал страницы, просматривая фотографии — так, как это бывает, когда к тебе в руки попадает National Geographic. Затем я начал читать, то и дело возвращаясь назад и пробирая те или иные отрывки. Чем дальше, тем сложнее мне было: на глаза навернулись слезы, и

я с удивлением отметил, что еле сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться. Все мои были дома, а я, уже не способный на чтение, в тот вечер еще долго простоял на крыльце.

Так или иначе, у меня ушла целая неделя, чтобы прочитать всего лишь одну из статей журнала. Ошеломленный, я не узнавал сам себя. Мне начало казаться, что все мои близкие чересчур осторожничают, чтобы, не дай Бог, не сказать или сделать чего такого, что могло бы повергнуть меня в это болезненное состояние. Взрослый мужчина, который постоянно срывается и кричит «Ради всего Святого...» — зрелище, весьма пугающее даже для домашних. Спустя какое-то время я уже не мог слушать музыку шестидесятых. Как-то раз, когда я, слушая радио, ехал в магазин, мне даже пришлось съехать на обочину, т.к. из-за слез я не разбирал дороги. Эта музыка и так постоянно вертелась в моей голове.

Что ж, беда не приходит одна: у моего сына начались проблемы с алкоголем. Как-то раз во время лечения мы с ним провели целый вечер в его реабилитационном центре. Разговор заходил даже о таких организациях, как Общества анонимных алкоголиков. В конце концов, я поинтересовался у консультанта, может быть, и мне тоже стоит к ним присоединиться, отдельно отметив, что был во Вьетнаме. Он ответил, что Общество может помочь, в частности, и с этой проблемой. Напоследок я сказал, что судьба моего сына волнует меня больше собственной. Он внимательно посмотрел на меня и не произнес ни единого слова.

Вот так я и начал присутствовать на собраниях одного из Обществ, будучи единственным мужчиной из посещавших. Одна из пожилых дам, взяв меня за руку, сказала, что все будет хорошо, и что я сделал правильный выбор, придя к ним. Некоторое время спустя я, наконец, признался, что был во Вьетнаме и мне попросту нужно выговориться. Эти женщины на самом деле поддерживали меня, и я начал рассказывать о своих переживаниях. В результате я пришел к выводу, что

единственный способ помочь себе в этой ситуации — посетить Стену, причем сделать это надо в полном одиночестве. Боже мой, одна эта мысль уже внушала мне ужас. К тому же я знал, что никто этого не поймет, уж тем более мои родственники.

В конце концов, я решил отправиться в это путешествие на мотоцикле и постепенно начал раздумывать над предстоящей поездкой. Мысли о ней занимали все мое время, ведь за всю свою жизнь я не предпринимал ничего подобного: даже свой путь во Вьетнам я проделал не один, а в компании, пусть толком и не знал никого из своих спутников...

В день моего отъезда мотоцикл все еще был в мастерской. Я сильно нервничал и бесцельно наматывал вокруг нее круги до тех пор, пока ко мне не подошел сын и не сообщил, что ему удалось переговорить с владельцем и что мотоцикл будет готов в течение часа. Много лет спустя сын рассказал, что он просто зашел в мастерскую и сказал владельцу, что я собирался посетить Стену. До того момента я даже не подозревал об этом разговоре. Так или иначе, но в дорогу я отправился в приподнятом настроении. Жена сильно зли-

лась, но скрывала это от меня. Прошло долгое время, прежде чем я узнал об этом от детей. Дело в том, что она считала эту поездку не более чем пустой тратой времени, которая ни к чему не приведет. Это, опять же, выяснилось позднее, во время одного из наших домашних споров. Не имею не малейшего понятия, верила ли она сама в то, что говорила и взаправду ли она считала меня виноватым в тех проблемах, с которыми столкнулся сын. Она полагала, что я должен был остаться дома и помочь с его воспитанием. Что ж, этот вопрос уже давно потерял свою актуальность, так или иначе со временем все встало на свои места.

Поездка была прекрасна, как сон — с красивейшими пейзажами и отличной погодой. В воскресенье я прибыл в Вашингтон. Остановившись в мотеле и смыв с себя дорожную пыль, я подошел к консьержу и поинтересовался, как добраться до нужной мне аллеи. Удивительно, но он сразу же рассказал, что аллея находится с правой стороны от моста, через который нужно переехать. Не могу описать нахлынувших на меня чувств: я был похож на маленького ребенка, который собирается на прогулку в парк с аттракционами. Добравшись до места, я, в буквальном смысле, сполз с мотоцикла и направился к аллее.

Да, она была здесь, и здесь же, неподалеку от Стены, находилась парковка. Совсем рядом с указателем, ведущим ко всему Мемориалу. Все мои нервы были на пределе. Как только я снял шлем, меня охватило странное чувство. Мне казалось, будто бы сквозь меня прошла волна холода. Я встряхнулся, взошел на небольшой пригорок и огляделся в поисках книги с именами погибших. Надо сказать, что пожилая дама, тепло приветствовавшая меня во время моего первого визита в Общество, отдала мне шкатулку с медалями, которые принадлежали ее племяннику, погибшему во Вьетнаме. Она была единственной родственницей парня и поэтому наследовала после его гибели все его награды. Женщина не знала, что с ними делать, и просила меня взять их с собой. Она читала, что многие приносят к Стене нечто вроде памятных сувениров, и попросила меня оставить их там. Итак, я направился к справочнику, чтобы найти его имя.

Внезапно меня затрясло. Я был не в состоянии этого сделать. Развернувшись, я вернулся к своему мотоциклу, выкурил пару сигарет и решил, что мое поведение, мягко говоря, нелепо. Итак, я вновь вернулся к книге и вновь ощутил приступ этой дрожи, более того, я не мог и шага вперед ступить. Все это время я даже не поворачивался лицом к мемориалу, наблюдая его лишь боковым зрением. В итоге мне пришлось развернуться и возвратиться к своему мотоциклу и сигаретам.

Через какое-то время я решился пройти к аллее, чтобы убить время и подойти к памятнику с другой стороны. Это был правильный поступок. Я стоял и смотрел на бронзовые фигуры трех солдат, чувствуя себя довольно спокойно. Как раз в тот момент к статуе подошел человек примерно моих лет: он схватил за руку одну из фигур и затем, упав на колени, рыдал. Я больше его не видел, так как развернулся и пошел в обратном направлении, все еще не отдавая себе отчета, что так ни разу прямо и не посмотрел на мемориал.

Я добрал до деревьев и сел в их тени, все еще не глядя на Стену. Вновь сигареты. В конце концов, я поднял глаза и был ошеломлен красотой этого места. Стена была великолепна. Даже со своего места я видел в Ней отражения подходивших людей. Поднявшись, я вышел из тени, не отрывая взгляда от этого величественного памятника. Затем, наконец-то, дошел до книги и отыскал в ней имена тех, кого хотел посетить. Таково было начало моего пути вдоль Стены.

Самым первым человеком, к имени которого я направился, был племянник моей знакомой. Я с легкостью его нашел и, открыв шкатулку с медалями, разместил их вместе с ее запиской у подножья Стены, как раз под его именем. Затем я отступил назад, мысленно разговаривая с ним и объясняя, почему я здесь. За время этого разговора мой взгляд скользил по именам, выгравированным вокруг него, и я начал плакать. Без слов. Осознание происходящего пришло ослепительной вспышкой: мне же наверняка приходилось оказывать помощь кому-то из этих ребят во Вьетнаме... Боже мой, и ни единого имени в голове!

Мне вспомнился один солдат, которого я

курировал в приемнике 3-его хирургического госпиталя. У него были множественные осколочные ранения брюшной полости и проникающее ранение левого глаза. На тот момент ранение глаза казалось не настолько серьезным, чтобы транспортировать его в другое отделение — туда, где был соответствующий хирург. В первую очередь надо было оперировать брюшную полость. Пока мы ждали своей очереди в операционную, он заговорил. И все повторял: «Какой ужасный конец». Я же, как мог, разубеждал его, говоря, что раны не так уж и серьезны и что он не умрет. Возможно, он лишится глаза, но выживет в любом случае. Наконец, он успокоился и перестал говорить о смерти. Когда за ним пришли, он взглянул на меня, сжал мою руку, и в тот момент кровь хлынула из его глаза, рта, носа, уха... И он умер. Он умер, слушая мое вранье про то, как все будет отлично, а я до сих пор не могу вспомнить ни имени этого парня, ни даже его лица.

Я стоял перед Стеной с чувством полной опустошенности. Все они заслужили лучшую участь, чем я. Слезы текли ручьем, а я все извинялся перед ними за свое беспамятство. Конечно же, я помнил их всех — как случаи из своей практики или процедуры, в которых я принимал участие.

Помнится, меня спросили, сможет ли выжить солдат, получивший обширные ожоги дыхательных путей. Осмотрев его, я сказал нет. Раненого перевели в медсанчасть, где он ожидал своей очереди, пока мы спасали тех, кого было возможно спасти. Я не был единственным, от чьего решения зависела его судьба, но так или иначе, и я в чем-то решил его участь. Если бы он дотянул до того момента, когда мы закончили спасать тех, кто должен был выжить, тогда бы мы попытались спасти и его, несмотря на то, что шанс был ничтожным. Однако он умер, и я не могу вспомнить даже его имя, если я когда-либо вообще его знал...

В то время как я наедине со своим горем стоял напротив Стены, ко мне приблизилась пожилая пара. В их глазах тоже стояли слезы. Я спросил, есть ли среди этих имен их близкие, и старик медленно кивнул. Затем он раскинул руки и, указав на Стену, произнес: «Все они». Сдерживая подступавшие к горлу рыдания, мы схватились с ним за руки, а тем временем его спутница приблизилась к нам и начала поглаживать нас по плечам, тихо повторяя: «Все хорошо, ребята, все хорошо...» В итоге она увела старика, держа его под руку и говоря с ним вполголоса. Когда они уходили, женщина повернулась ко мне и прошептала: «Он сейчас успокоится».

Я же развернулся к Стене, удивляясь, в какую здоровую голову может прийти мысль посетить это воистину скорбное место. Да черт возьми, во что я сам себя впутал, приняв такое решение? На самом деле, я абсолютно не был готов ни к одному из тех чувств, которые переполняли мою душу. Что уж говорить про слезы, которые текли ручьем, а ведь у меня с собой не было даже самой

завалившей салфетки. Только рукав, хотя это явно было не лучший выход из сложившейся ситуации.

Пока я там стоял, я заметил боковым зрением, что ко мне кто-то подошел. Слегка развернувшись, я увидел старушку, которая была очень просто одета, ее седина была с еле заметным оттенком синевы и она носила очки. Я был шокирован: до такой степени она походила на мою мать, умершую совсем недавно. Эта очаровательная женщина достала из кармана салфетки и протянула их мне. Когда я взял их, шагнула вперед и нежно прижала мою голову к своему плечу: «Плачь, сынок. Я побуду с тобой, чтобы тебя никто не беспокоил. Плачь — тебе это нужно. В

Сдерживая подступавшие к горлу рыдания, мы схватились с ним за руки, а тем временем его спутница приблизилась к нам и начала поглаживать нас по плечам, тихо повторяя: «Все хорошо, ребята, все хорошо...»

этом нет ничего постыдного». Я опустился на колени, всхлипывая, как ребенок, чувствуя, будто конца моей скорби не будет. Наконец, я каким-то образом успокоился, поднялся и поблагодарил ее. В ответ на это она просто взглянула на меня и сказала, что мне нужно здесь еще побыть. Затем улыбку, повернулась и ушла.

Я не знаю, кто она и, наверное, никогда этого не узнаю. Когда она исчезла в толпе, мне подумалось, что это именно то место, где душа, наконец, находит свое долгожданное исцеление.

Остаток дня я провел, разговаривая с фигурами трех солдат и с теми, чьи имена были высечены передо мной. В мотель я вернулся уже к вечеру. После душа и обеда мне легчало, однако в душе все еще оставалось какое-то беспокойство, ощущение чего-то такого, что я пока еще не закончил. В номере в одном из ящиков стола я нашел канцелярские принадлежности, которых везде хоть пруд пруди, сел и написал короткое письмо. На самом деле это была, скорее, записка, в которой я просил прощения у тех, чьих имен и лиц я не мог вспомнить. И только тогда я смог заснуть.

На следующее утро я вернулся к Стене, и не прошло и пяти минут, как ко мне приблизился один человек. Мы перекинулись несколькими словами, и он сказал, что помнит меня еще со вчерашнего дня. Затем добавил, что он и еще несколько ветеранов заметили, насколько мне было сложно приблизиться к памятнику. Как оказалось, именно так себя ведут те, кто приезжает сюда впервые, и за ними всегда наблюдают.

Очень многие ветераны, прибывшие сюда в первый раз, как и я, останавливаются в этом перелеске, не в силах подойти к монументу. Я был поражен: оказывается, я был не одинок в своем горе. Я попросил его показать мне ту часть памятника, которая соответствовала моим годам службы во Вьетнаме, и он привел меня туда. Я побла-

годарил его, и он, уходя, сказал мне: «С возвращением домой, брат». Вернувшись на родину, я никогда не слышал этих слов от кого-либо, за исключением моих родных. Возможно, я и в самом деле «вернулся домой». Наконец-то!

Я поместил свое письмо между двумя филеями и сделал шаг назад, мысленно разговаривая с теми, чьи судьбы, возможно, пересекались с моей, и прося у них прощения за свое беспамятство. Да, было еще много слез, но они больше не причиняли мне боли. Слезы, которые я носил в себе с самого момента получения журнала, больше не обжигали. Я не испытывал и тени сомнения, что слезы будут и впредь, но чувство, которое

еще немного, и я ушел. Уже на следующий день мне предстояло возвращаться домой.

Теперь у Стены есть памятник и женщинам, прошедшим Вьетнам. Я еще не посещал его, но сделаю это обязательно. И буду плакать снова — знаю, что буду. По интернету я общаюсь со многими женщинами, которые там были, и я их боготворю. Все они заслуживают самого большого уважения, которое только возможно. Полагаю, что ни одна из них не имела и малейшего представления о том, что ее ожидает в той далекой стране. Вообще, я могу представить себе очень немногих дам, которым бы в голову пришла мысль о таких вещах, как война, бои и страшные раны, с которыми придется иметь дело. Таковых было совсем немного, однако они блестяще справились со поставленной перед ними задачей.

И не только во Вьетнаме. Все они — прошедшие Корею и прочие конфликты, в которых принимала участие наша страна — заслуживают права на память. Однако время идет, о них уже давно успели забыть, и мне стыдно, что я, некогда проработавший бок о бок с ними и бывший свидетелем их профессионализма и душевной теплоты, в свое время и слова не сказал в их защиту.

Что ж, мне предстоит отдать им лишь долг уважения и памяти, и вновь я буду плакать, ибо мы все должны скорбеть о погибших. Вся страна. Мы все обеднели с их потерей. И прав был старик, сказав: «Все они»... Мой близкий друг тоже прошел Вьетнам, и ему до сих пор не приходилось бывать у Стены. Он говорит, что еще не готов к этому, он говорит, что боится слез... А я отвечаю, что все мы плачем, и что момент встречи с прошлым к каждому приходит в свое время.

Я сказал ему, что поеду туда вместе с ним — на случай, если рядом не будет той пожилой пары, той самой просто одетой старушки или того ветерана без ног. И я это сделаю, а еще захвачу с собой лишний носовой платок на случай, если он вдруг забудет.

Такова моя история встречи со Стеной и таковы события, которые ей сопутствовали. Меня греет чувство, что это исцеление — одно на всех. В конце концов, мы вместе уезжали во Вьетнам и возвращались домой — те, кто возвращался — тоже вместе. Никто не вернулся домой прежним, однако благодаря Стене мы излечиваемся от своих ран. Спасибо тем, кто Ее создал. Все мы в долгу у этих людей. Я знаю, что за созданием памятника стоит государство, однако творцы Стены, несмотря ни на что, смогли разглядеть самую суть проблемы и создать этот мемориал.

Я один из тех многих, которые, не отдав ничего взамен, испытали на себе Ее исцеляющую силу. Спасибо вам — Ян Скрагс, Роберт Дубек и Джон Уиллер; спасибо, Майя Лин. Спасибо вам, Гленна Гудакр, Фредерик Харт и спасибо всем тем, у кого хватило мудрости, мужества и сил подарить нам это великое место.

“ВЛАД
ИВАНОВ”

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В КАБУЛЕ

Ну вот и настал этот день. Начало положил уход Наджибуллы со своего поста. Кризис. Затишье. Опять кризис и так полгода. Мудрое руководство Посольства разрешило прилет жен сотрудников прямо накануне самого глобального обострения обстановки в начале августа 1992 года. Женщины частично осложняют ситуацию с эвакуацией. В Посольстве трясусь стены — уничтожают аппаратуру, что делают — непонятно, но здание ходит ходуном уже который день. Тяжело им, наверное. В принципе, большинство сотрудников работает, дел хватает на всех.

«Сотрудники Посольства пьют водку и поют песни о Родине» — писала в то время одна уважаемая газета. Ерунда, большинству некогда было. Впрочем, водку пили, подтверждаю, чтобы не сломаться, нагрузка была велика. Этой ночью закончится один из самых трудных периодов в истории Посольства.

Будем надеяться, что без жертв, хотя они уже есть: 2 человека погибли, и несколько раненых. Командатура патрулирует территорию, поскольку 2 танка, обстрелявших Посольство, заодно наделали дырок в заборе по периметру. Кинологи чуть не плачут, одна овчарка ранена — не вывезти, придется пристрелить, так же, как и двоих недавно поступивших ротвейлеров — пока никого к себе не подпустили, а оставлять духам обученных на разминирование собак никто не будет.

Назначен час выезда на аэродром. Рабочие и водители говорят «Камазы», остались от 40-й армии — стояли без дела, вот теперь пригодились. Срезают верх, поскольку для быстроты погрузки решено один «Камаз» с вещами загонять сразу в самолет, а стандартная высота тента этого не позволяет. В общем, готовимся. Накануне группа из Посольства выехала на аэродром, чтобы проверить ВПП, засыпать воронки.

Дело осложняется тем, что вышка разбита и аппаратура отсутствует. Как ребята будут сажать самолеты без наземных данных, никто думать не хочет, можем только дать азимут захода на посадку. С духами договорились вроде бы о том, что улетаем, те обещали поспособствовать. Верится с трудом. На днях работники консульской службы попросили всех написать завещание. Написал и я — мало ли что случится.

Новость для всех. С нами эвакуируются сотрудники еще нескольких оставшихся в Кабуле посольств. Все распределены по самолетам. Мне по спискам лететь в последнем. Ладно, хотя шансы уменьшены, если все пойдет не так. Лезу в кузов, включаю маленькую магнитоу. Вот незадача, люблю Розенбаума, но не на такой же песне — «Прости-прощай»; успеваю подумать, что просто так мы сегодня не улетим, хотя пилот трезв и небо в 4 утра явно безоблачное.

Все, тронулись. Сразу небо расцвечивается сигнальными ракетами. В темноте они хорошо видны. Ждут гады, значит, будут сюрпризы. Надеюсь, прорвемся. До аэродрома добираемся без особых происшествий, по дороге к нам присоединяются машины с сотрудниками других посольств. По спискам им лететь на первом борту. Джентльмены мы, ну что тут поделаешь, уходим последними с тонущего корабля. Забрались в подвал аэродрома, ждем команду на посадку.

Наконец летят, говорят, что связь с бортами есть. Пассажиры первого на выход. Уехали, скоро и нам, выбираюсь на поверхность — оглядеться. Ну, что я говорю? По аэродрому долбят, кажись, «Градом», кто его разберет, только бы ВПП не разбили, тогда точно не взлетим. Эффектно выглядят разрывы зениток, чтобы им пусто было. Первый и второй стоят под погрузкой, третий садится. Погрузился первый борт, начинает рулить к взлету. Потом уже ребята рассказывали, что два цинка с погибшими под разрывами они

как пушинки забросили в самолет, не почувствовав веса.

Пошел на взлет. А этот что делает? Наш борт встает ровно на место первого. Не ожидал такого расклада, они уже к месту пристрелялись, и наши шансы сильно уменьшились. Времени на раздумье нет, грузимся в «Камаз» и к борту. Подъезжаем, выскакивает военный и орет, чтобы разгружали вещи, «Камаз» он загонять не даст. Ничего себе, это называется — заранее обговорили детали. В принципе, думаю, нас тогда это и спасло.

Пока шли переговоры, для нас команда — сидеть в машинах и не высовываться. Где там, близко разрыв, второй и понеслась... Выглядываю — все, приплыли — горит самолет. Прыгаю, может потушить удастся, тоже мне, пионер-герой, доходит, что уже горит керосин, пора сматываться. РС попал в аккурат под левое крыло и пробил бак. «Камазы» рвут с места и отъезжают на почтительное расстояние. Экипаж покидает самолет, хвостовому стрелку тяжелее всего — веревочная лестница коротка, висит метрах в трех над землей, спрыгнул, прихрамывая, бежит, порядок. С летчиками бегут вооруженные солдаты — откуда? Ладно, потом узнаю, а сейчас делать нечего, нужно бежать к «Камазам».

Стоят метрах в двухстах, ждут. Бегу, давно так не гонял, мужики с борта машины протягивают руки, взлетаю без особых усилий и влетаю в кузов, падаю на коробки. Народ орет благим матом: «Водитель поехали!!!» Однако куда ехать-то:

нужно забрать всех, обстрел не прекращается и шансов добраться до здания аэропорта будет очень мало. Кто-то гаркает: «Молчать, всех забрем и уедем!!!» Затихли, слава богу, ошупываю себя, знаю, что в горячке мог и не заметить...

Твою мать, кровь. Ну вот, доигрался герой-пионер. Начинаю снова смотреть, вроде бы цел. Тогда откуда? Оглядываюсь, рядом сидит в черном комбезе мужик и держится за ухо. Не из наших, не посольский. По его просьбе смотрю, что у него с ухом. Кровь фонтаном, невесело. Нужно что-то делать, иначе может много крови потерять. Вспоминаю, что у солдатиков (оказались из тульской дивизии ВДВ) видел индивидуальные пакеты примотанные к прикладам автоматов. Ору, чтобы один дали, со второго раза получаю то, что хотел.

Ну, все, вроде бы всех забрали, тронулись. И чего я в школе на НВП и в армии плохо относился к военной медицине? Разобрался с грехом пополам, бинтую. Вылитый Чапай, и смех и грех. Закончить не успеваю, подъезжаем к зданию. Отдаю парню конец бинта, чтобы не размотался — зажимает зубами, вываливаемся из машины, бежим в здание. Ранены несколько человек. Духи продолжают обстрел аэродрома. Союзники, мать их так. Оглядываюсь у здания, глаза лезут на лоб. Второй борт останавливает взлет, разворачивается и несется по рулежке, как заправский гонщик «Формулы-1». Нет, я такого в жизни не видел.

Останавливается напротив здания аэропорта, открывает боковую дверь, сбрасывает веревочную лестницу. Эти лестницы все на ИЛх такие короткие? Народ подпрыгивает, цепляется, и его затаскивают в самолет. Орем, чтобы десантники несли раненого — старлею осколок вырвал клок на предплечье. Обстрел не прекращается, совершенно очевидно, что просто физически всех забрать борт не сможет — нет времени, да и народ рассыпался по зданию аэропорта, быстро не соберем. Кто-то с земли кричит, чтобы они убирались, а то и их сожгут, разрывы все ближе. Видать на окрестных горах сидят корректировщики.

Все, финита, ребята закрывают люк. ИЛ начинает рулить, тут появляются бойцы с раненым, опоздали на несколько минут, жаль. Я бы еще и десантников отправил — нечего духам глаза мозолить советской военной формой. Только в данной ситуации от них никакого толку, одна головная боль. А задание у них, не знаю, кто и выдумал: во время взлета научить нас пользоваться парашютом, по крайней мере, они так его мне озвучили. Интересно, куда нужно было прыгать? На горы? К Хекматъяру в гости? Неохота, лучше сразу с железкой. Ну ладно, наблюдаю, как взлетает второй. Вот вроде бы и открыл.

Ну, все, приплыли, разрыв под шасси, доеивались. А ведь там наши ребята. Рев двигателей, видать врубил полный газ, такого рева я не забуду. Уффф... Перед самым концом ВПП уходит в

набор. Ну и циркач, мысленно аплодирую, встречу, пожму руку мужику, ас.

Так, теперь будем определиться. А вопрос извечный, что делать? Подошел отходняк, он же трясун. Колотит здорово, нужно успокоиться. Находится бутылка неразведенного спирта. Надо, понемногу, иначе не успокоится. Отлавливаем афганского дедушку — объясняем, что нужно воды, он приносит крышку от котелка. Пьем чистый, запиваем водой. Закуски нет, откуда. Ну, вот вроде бы и успокоился. Будем осматриваться. Выхожу наверх, посольские водители стоят у «Камазов», тех самых, на которых мы были перед самолетом.

Нужно признать, что нам здорово повезло. Моторный отсек у одного принял на себя основную массу осколков, радиатор пробит, ехали без воды. Рядом стоит дух, ласково гладит машину и повторяет: «Бакшиш». Уже, значит, себе подарил. Молодец. Дустомовские моджахеды пристали к десанникам, хотя меняться с ними автоматами, за их 1 5,45 дают 2 обычных 7,62 мм.

И смех и грех. Ребята переживают, что у них в самолете сторел один автомат. Вдалеке дымится наш самолет. 40 минут и нет машины, сторел весь, остались 4 турбины и хвост. Изредка взлетают ракеты — как фейерверк рвутся ракеты отстрела. Положенище аховое, мы остались в Кабуле, у нас человек 10 вооруженных десантников, один из них тяжело ранен.

Посол открывает собрание — советоваться будем, молодая демократия в действии. Абсурд в данной ситуации. Некоторые женщины орут, что улетят только на нашем самолете. Дустомовцы предлагают перебросить нас на своих АН в Мазари-Шариф. Я за второй вариант, в данной ситуации он представляется более безопасным. Наш борт теперь будут ждать, уверен. Но попробуйте доказать это испуганным женщинам.

Связь с Москвой есть, начинаются консультации. Появляется «Армия Спасения», привезли поесть. Хоть и не люблю я эти организации, но все равно спасибо. Находится несколько коробок сырокопченной колбасы, а также водка. Уже неплохо. С водой проблемы глобальные, вымыл руки водкой, перекусил. Вечереет, кто-то съездил в кабульский госпиталь, привез хирурга. Операция у старлея проходит при двух фонарях и

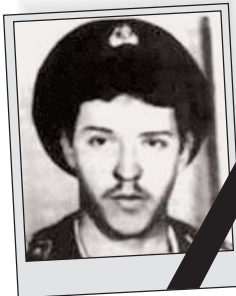
без наркоза. Рана хреновая, медикаментов ни у нас, ни у афганцев практически нет. Отсутствует промедол в индивидуальных аптечках. А болит у него здорово. Афганец говорит, что нужно в течение суток доставить его в госпиталь, иначе начнется гангрена и он может потерять руку.

Весело. Тянут волюнку до следующего дня. Если бы послушали дустомовцев, давно бы уже были в Москве. Говорят, что они настаивают на нашем самолете, экипажи которых готовы прилететь. Лучше бы уж нас слушали, здесь все-таки видней. Прикорнул на скамейке, немного поспал, все-таки третьи сутки практически без сна. Десантников уже нет — улетели рано с ранеными в Мазари-Шариф на афганском борту, легче, мы все-таки дипмиссия и с нами должны обойтись по хорошему, хотя гарантий никто никаких не даст. Умываюсь водкой, пахну ей и благоухаю, что делать, гигиена в данной ситуации превыше всего. Запах водки и сырокопченая колбаса начинают действовать на нервы, хлеба бы кусочек.

Ну вот, вроде бы добро получено. Отправляем первый борт, на втором улетае руководство Посольства. Ну, вот и наш. Начинаем грузиться. Дустомовцы втаскивают деревянный ящик. Нормально, полетим с грузом 200. Если бы он еще и цинковый был. Вонь стоит невыносимая. Идем на взлет. В конце ВПП самолет останавливается. Выскакиваю покурить и вдохнуть свежего воздуха. Поменяли экипаж. Интересно зачем? Думать некогда, закрываем люк. Все, прощай Кабул.

Нашли вату, выливаем на нее одеколон, нюхаем. Это все равно лучше, чем трупный запах. Лету около двух часов, садимся в Мазарях. Нас ждет Икарус с узбекскими номерами. Давненько не ездили в хороших автобусах. Приезжаем в генконсульство в Хайратон, прилетевшие раньше уже успели пообедать и их пригласили в баню.

Времени хватает только на обед и нырнуть в бассейн с теплой водой. Натягиваю все на себя, уезжаю домой. Вот и мост «Дружбы», на середине гостраница. Грянули «Ура!», пограничники чуть не упали в воду от неожиданности. Настроение мировое, все кончилось, мы едем домой, неожиданностей не предвидится, а нас, поди, уже заждались. <В>

Виктор Тарасов

Виктор Васильевич Тарасов родился 18 февраля 1964 года в городе Новокузнецке. В октябре 1983 года

был призван в Вооружённые Силы СССР. Служил в войсках специального назначения. Через полгода был направлен в Афганистан. Погиб в бою в Мараварском ущелье 21 апреля 1985 года.

ВОТ И ВСЕ. ОТШУМЕЛИ ДОЖДИ...

Вот и все. Отшумели дожди.
Оттремели последние грозы.
Догорели, исчезли ночные огни.
Как иссякли твои материнские слезы.
Ты рукою своей грубоватой от дел.
Как ребенка меня уж не будешь ласкать.
Видно, это и есть материнский удел –
Повзрослевших сынов в дальний путь провожать.
Быстро жизненный путь
Для тебя пролетел.
Жизнь не жаль
Потерять для других.
Видно, это и есть
Материнский удел –
Быть бессмертием в детях твоих.

И вновь иду. И что там впереди?
Удача, радость, боль или утрата?
Не обо мне ли слезы льют дожди.
Предвизия гибель скорую солдата?..
А сны осенние тревожить душу стали –
Один и тот же бесконечный сон:
В руках граната... Журавли кричали...
Взрыв. Тишина. И материнский стон...

ТЫ ВДАЛЕКЕ, ТЕБЯ УЖ НЕТ...

Ты вдалеке, тебя уж нет.
Как больно осознать потерю.
Тебя уж нет, а я не верю.
Что нет тебя, что смыт твой след.

Остался шорох листьев пожелтевших.
Дождя бывшего неумолчный шум.
В себя не скрыться от печальных дум
В душе костром затушенным, затлевшим.
Кто виноват, что умирают травы.
Что мы уходим, будто нас и нет.
Что время днями замечает след.
Кто виноват, что мы порой не правы?..

Тебя уж нет, и не вернуть бывшего.
Дни прожиты, ошибок не стереть.
Но прошлое не может умереть.
Оно из ничего родится снова...

Антон Балакин

Родился 8 июля 1969 года в г.Саратове. В Советскую Армию призван из Ленинграда в ноябре

87 года, с апреля 88 года – в Афганистане. 7 августа 1988 года погиб при тушении склада с боеприпасами, в который попала душманская ракета. Похоронен на Южном кладбище Ленинграда.

ВОТ СТРОЕМ ИДЕМ И КАК ПРЕЖДЕ РИСУЕМ ИКОНЫ

Мы кровью своею на белом хрустальном снегу.
В багровых тонах появляются лица знакомых.
Любимых и тех, перед кем мы были в долгу.
Но мы расплатились, узнавши, как падает солнце.

Как тихо стоит опрокинутый мир над тобой.
Как катится счастье монеткою медной на донце.
А время течет сквозь разжатые пальцы водой.
Мы поняли то, что казалось еще непонятым.

Мы стали мудрее и взвесили тяжесть потерь.
А годы спешили, летели путем безвозвратным.
Ах, Боже, скажи нам, что было, что будет теперь?
Но нам не ответят, – здесь в моде другие законы.
Напрасно гадать, что положено нам на веку!
Мы только идем и рисуем, рисуем иконы
Кровавою краской на белом хрустальном снегу!

11 января 1988, г.Теджен

Алексей Грибанков

Подполковник.
Участвовал: Чечня

ГОРЫ Другу «Афганцу» – Ринату Шафикову

Горы.
Среди отрогов и камней
песок и стужа.
Горы.
Вершин дороги все трудней
и тропы уже.
Горы.
Мы неспроста вошли сюда
и здесь остались.
Горы.
Блестит хрусталь, горит слюда
осколком стали.

Не отпускает нас война
взвизывая строже.
А жизни тонкая струна
порваться может.
Слепящий диск лучами
обжигает скалы.
И звезды сыплются ночами
от накала.

Горы.
Мы здесь как призраки
невидимо бесплотны.
Горы.
Боекомплекты в рюкзаки
набиты плотно.
Горы.
За перевалом перевалы
и ущелья.
Горы.
Смерть за дувалами –
ни скорби, ни прощенья.

Вертушки парами
от солнца над горами.
Пылая жаром
ветер кольца собирает.
На камни тень
ложится, в небо уходя.
Судьбы мгновение
кружится, наступая.

Твой позывной опять звучит: –
«Я «Призрак», к бою!».
как заводной ПК стучит
над головою.
Пробита фляга и РД одним ударом.
Но жив бродяга.
нет работы санитарам.

За рейдом рейд.
снега вершин сияют близко.
Да, здесь трудней,
и невозможно жить без риска.
А горы – вот они,
под нами будут вечно.

И для БК ремни
опустятся на плечи.
Прощаться рано нам,
спецназу есть работа.
И цель видна,
и ждут приказа вертолеты.
Уходит группа,
чтоб не скоро возвратиться.
А небо – куполом
и МиГи гордой птицей.

28.05.08

Анатолий Скрипник

Майор.
Участвовал: Афганистан

ПИСЬМО

Привет, Отчизна-матушка, привет!
У вас еще февраль морозом злится.
А мы уходим снова в рейд, в рассвет.
Афганистан – покой нам только снится.
А где-то далеко слышна капель,
Что к Вам с цветами, солнцем и весною
Звенит, идет... и жаворонка трель...
Земля моя – я встречи жаду с тобою.

Мне память называет имена,
Друзей погибших узнаю я лица.
А жизнь одна, прекрасна – иль бедна.
Реальность в сердце пулями стучится.
Пусть судьбы будут разные, но мы
Запомним это братство боевое.
И хоть совсем не знали той войны,
А в этой воевали, как герои.

Мечтаем – что закончится Афган,
Вернемся мы на Родину к любимым.
Где «черный» не появится тюльпан,
А небо будет ласковым и мирным.
И соберутся за столом друзья,
Чтоб вспомнить жизнь ту нашу кочевую.
Случайно ль разболится голова,
Афганистан – я по тебе тоскую.

Стакан, гитара, сигаретный дым,
И слезы застилают ясный взор.
А помнишь, как в секунду стал седым,
Когда из «бура» били в нас в упор?
И нерв звучит гитарною струной.
А сердце бьется раненою птицей.
Все вместе скажем времени – «Постой!
В прошедшее, хотим мы, возвратиться».

Молчание, как, утренний туман,
И Третий Тост, страница книги «Память».
За всех погибших, умерших от ран,
За тех, кто убыл в мир иной так рано...
Привет, Отчизна-матушка, привет!
Здесь все без изменений, как ни жаль.
Уходим снова в рейд, в туман, в рассвет.
А вас пугает холодом февраль.

Оксана
УСТИНОВА

"ЦВЕТНЫЕ СНЫ... ДОРОГИ ПАМЯТИ"

В 2005 году из Красноярска по дорогам страны начал ездить старенький микроавтобус «Мерседес», делая остановки в населённых пунктах, где есть общества ветеранов боевых действий, в воинских частях, где служат ветераны БД, воспитывая молодое поколение солдат, в домах матерей, чьи сыновья погибли в Афганистане. Так начинался уникальный проект «Цветные сны... Дороги ПАМЯТИ», который проводится некоммерческим фондом «Союз – Развитие» и рассчитан на 5 лет (2005–2010 гг.). Проект – автопробег, передвижная выставка из 14 картин дивногорского художника Георгия Кузакова, посвященная защитникам интересов Отечества, под общим названием «Цветные сны». Это сны солдат, принимавших участие в боевых операциях. Особенность картин Георгия в том, что они написаны белыми красками на белом холсте в необычной технике, которая позволяет видеть эти картины слепым людям. Зрители сами могут домысливать картины, придавать им цвета и оттенки. Существует и концертная программа «Дороги ПАМЯТИ», в которой принимают участие авторы-исполнители, ветераны боевых действий в республике Афганистан: Бульбаков А.А., Попов П.А., Портовский А.Н., Хаджикурбанов И.А., Миналиев З.В., Вафеев И.А., Вакутин А.Г. Цель автопробега: патриотическое воспитание подрастающего поколения и социальная реабилитация ветеранов боевых действий.

В рамках проекта «Цветные сны... Дороги ПАМЯТИ» с февраля 2005 года было проведено более 80 встреч в муниципальных образованиях: г.Красноярск, г.Дивногорск, г.Курган, г.Ялуторовск, г.Тюмень, г. Заводоуковск,

г.Омск, г.Новосибирск, г.Ишим, г.Бердск, г.Кемерово, г. Челябинск, г. Канск, г.Ачинск, г. Лесосибирск, с.Козулька, с.Вершино-Рыбное, с. Пировское Красноярского края, рп. Рудня Волгоградской обл., крепость Пор-Бажин (Тыва) и др. Десятки тысяч россиян всех поколений приняли участие в мероприятиях проекта «Цветные сны... Дороги ПАМЯТИ». По результатам автопробега в муниципальных образованиях активизируется помощь ветеранам БД, в частности, в Красноярске в 2008 году одному из ветеранов Афганистана были вручены ключи от квартиры.

За весомый вклад в память ратного труда фондом «Союз – Развитие» в рамках проекта «Цветные сны... Дороги ПАМЯТИ» была учреждена единственная в своём роде медаль «Нам есть, что вспомнить», которая вручается:

- за создание произведений искусства (в области литературы, скульптуры, живописи, графики, музыки);
- за создание, реконструкцию мемориальных комплексов, памятников, музеев, архивов;
- за оказание содействия ветеранам-инвалидам.

Форма медали необычна – это палитра художника. На ней изображена гитара – вечная спутница ребят, которые и в трудных боевых условиях не выпускали ее из рук. Поэтому гитара пробита пулей... Вдаль уходят дороги – дороги Памяти... Как символ памяти – гвоздика – карта бывшего Союза с лепестками: Украина, Белоруссия, Прибалтика, Южные республики... Границ нет. Есть ПАМЯТЬ о ребятах, с кем бок о бок ходили в бои, на караваны, сидели в засадах, пели песни...

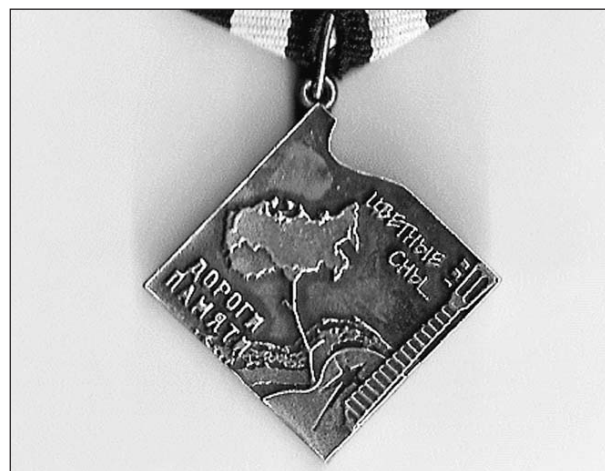
Эскиз медали выполнил художник Георгий Васильевич Кузаков. В серебре медали вручную были отлиты другим участником проекта – Бульбаковым Александром.

Интересен и состав медали: в сплав серебра был добавлен лом орденов Георгиевских крестов, Красной звезды, медалей «За боевые заслуги», царские серебряные полтинники. На колодке – чередование белых и черных полос – символы траура и светлой памяти. Всего на сегодняшний день было отлито 30 таких медалей.

По словам Георгия Кузакова: «Мы вручали медали неравнодушным людям, которые трудятся во имя того, чтобы не были забыты военные подвиги наших солдат. На медали стоит гравировка «Нам есть, что вспомнить». И нам действительно есть, что помнить. Все знают о событиях в Афганистане, Чечне. Но не все помнят про Кубу, Вьетнам, Камбоджу, Анголу, Лаос. Всего в период с 1945 по 2008 год было 219 военных событий. И всем им посвящен наш проект».

Коллектив автопробега будет и дальше развивать свои проекты. В 2008–2010 планируется посетить деревни, где есть хотя бы один ветеран. А в 2009 состоится поездка в США. Самый масштабный проект на сегодняшний день у ценителей военной памяти – сделать пробег до Берлина в 2010 году. <ИВ>

Для расширения географии автопробега ждем приглашений по адресу:
660049, г.Красноярск, пр.Мира, 56, оф. 21
т./ф 8(391)2271438
Кузакову Георгию Васильевичу

Раян
ФАРУКШИН

<http://www.navoine.ru/authors/farukshin-rayan>

ПАМЯТНИК В ФЕДОТОВКЕ

6 августа 2005 года на окраине небольшого села Федотовка, что под Новороссийском, на месте братской могилы погибших в 1943 году советских воинов и расстрелянных мирных жителей, торжественно был открыт памятник, построенный силами и на средства Ассоциации ветеранов спецназа «Русь» на Северном Кавказе, Краснодарской краевой общественной организации ветеранов Вооруженных Сил, специальных служб и правоохранительных органов «Черномор» и детьми из военно-спортивного клуба «Десантник».

На открытие стелы, облицованной мрамором с именами погибших героев, изображением самолета и парашютистов на фоне гор, а также «Клятвы парашютистов-десантников», прибыли ветераны ВОВ, офицеры спецслужб и армейских подразделений, участники локальных конфликтов последних десятилетий, курсанты военно-спортивных и патриотических клубов, просто неравнодушные люди. Ветеран ВДВ, кавалер четырех орденов Красной Звезды и пяти боевых медалей Константин Василенко перерезал алую ленточку и сдернул с памятника парашют. Увидев открывшийся взору памятник, Василенко припал на колено и преклонил голову... Почетный караул, салютная группа, оркестр из 7-й воздушно-десантной дивизии, венки и море цветов... воинские почести захороненным...

Все началось с того, что несколькими годами ранее местные поисковики Александр Матюхин и Александр Кампер в крохотной рощице среди виноградников, что расположились на склонах горы Колдун, наткнулись на самодельную табличку с надписью «Дисантники». Выяснили, что установила табличку и ухаживала за захоронением местная жительница, бывшая свидетельницей событий тех далеких времен.

Из дикого камня поисковики соорудили у таблички скромный памятник: тонкий лист нержавеющей стали: «Здесь покоится прах советских солдат, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в 1942–43 гг.», рядом пробитая осколками проржавевшая солдатская каска, найденная на Малой земле, короб дымовой шашки, винтовочные и снарядные гильзы, хвостовое оперение минометной мины.

С целью уточнения наименования и численности десантного подразделения, горя желанием узнать фамилии и места рождения погибших и оставшихся в живых парашютистов, отправили запрос в Центральный архив Министерства обороны в Подольске, написали письмо в Центральный музей ВДВ в Рязани, поработали в архивах и краеведческих музеях Краснодарского края и Новороссийска, изучили десятки томов военно-исторической литературы. Отыскивали старожилу Федотовки Валерия Грузинского, подростком наблюдавшим за

ходом боев в этом районе. Он рассказал о советских парашютистах, десантировавшихся к подножию невысокой Жень-горы, с помощью местного проводника лесом вышедших со стороны моря и с ходу вступивших в бой с гитлеровцами. Грузинский отметил, что кроме погибших в бою десантников, в этой братской могиле хоронили расстрелянных военнопленных и мирных жителей, заподозренных в связях с партизанами. Но сколько всего человек нашли здесь последний приют – не знает никто. За полгода выяснили-таки подробности операции в феврале 1943 года с использованием воздушного десанта из состава 31-го фронтового авиадесантного полка 47 группы особого назначения 18 десантной армии! Нашли карту с подробным обозначением высадки, фотографии бойцов, сделанные в январе 1943-го в Хосте – совсем незадолго до операции, доку-

менты и описания. Удалось составить общую картину произошедшего.

Отряд, о котором рассказывал Грузинский, был сформирован по приказу №006 в январе 1943 года на базе парашютно-десантной роты ВВС Черноморского флота и школы активных разведчиков Закавказского фронта для выполнения особо важных заданий командования в тылу противника, и несмотря на неудачу морского десанта в Южной Озереке, сумел выполнить поставленную задачу, и прорваться на Малую землю.

В состав 31-го полка входили курсанты военных училищ, имевшие боевой опыт офицеры и сержанты, спортсмены, опытные парашютисты. Парашютный десант в количестве 57 человек под командованием лейтенанта Павла Соловьёва был выброшен в ночь на 4 февраля 1943 года вслед за бомбовым ударом в районах Глебовки и Васильевки. Три парашютиста, в их числе командир отряда, были убиты ещё в воздухе, остальные приземлились на склоне Жень-горы. Командование одной группой принял на себя старшина Штабкин, двумя другими группами руководили лейтенанты Чмыга и Кузьмин. Всего за три часа боя у Васильевки разведчиками были уничтожены два моста, нарушены более 20 линий связи, уничтожено около 220 фашистов, взорваны откатные механизмы двух орудий береговой батареи, уничтожено более 20 огневых точек, сожжены 3 автомобиля, разгромлены 3 артбатареи, в том числе минометная.

К 12 марта в полк с задания вернулись 28 человек.

В Федотовке было похоронено 29 павших парашютистов. На сегодняшний день установлены и выбиты на граните памятника фамилии 25 из них. Подвиг обрел бессмертие...

2 августа этого года к памятнику съехались ветераны ВДВ и спецназа, воевавшие в Афгане, Чечне, Дагестане, Югославии. Возложили цветы, пообщались, поделились опытом с молодыми разведчиками – военнослужащими 7 дшд, которым вскоре предстояло защитить честь нашего оружия в Закавказье, в операции по принуждению Грузии к миру.

Работа продолжается...

Никто не забыт, ничто не забыто...<ИВ>

Андрей
КИХТЕНКО

ВНИМАНИЕ! ГАЗЫ!

Краткий очерк истории применения боевых отравляющих веществ

★ Часть II ★ (Часть I в номере 4(9) 2008)
Между Великими войнами

Все арсеналы с химическим оружием старой русской армии в начале 1918 года оказались в руках новой власти. В годы Гражданской войны химическое оружие применялось в небольших объемах Белой армией и Британскими оккупационными войсками в 1919 году. Красная армия использовала отравляющие вещества при подавлении крестьянских восстаний. Вероятно, впервые советская власть пыталась применить ОВ при подавлении восстания в Ярославле в 1918 году.

В марте 1919 года очередное восстание полыхнуло на Верхнем Дону. 18 марта артиллерия Заамурского полка обстреляла повстанцев химическими снарядами (скорее всего, с фосгеном).

Массированное применение химического оружия Красной Армией датируется 1921 годом. Тогда под командованием Тухачевского в Тамбовской губернии развернулась широкомасштабная карательная операция против повстанческой армии Антонова. Помимо карательных акций: расстрела заложников, создания концлагерей, сжигания целых деревень — в большом количестве использовали химическое оружие (артиллерийские снаряды и газовые баллоны). Точно можно говорить об использовании хлора и фосгена, но, возможно, и иприта.

Двенадцатого июня 1921 года Тухачевский подписал приказ за номером 0116, который гласил:

Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами; точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.
2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.
3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.
4. О принятых мерах довести.

Для осуществления газовой атаки была проведена техническая подготовка. 24 июня начальник оперативного управления штаба войск Тухачевского передал начальнику 6-го боевого

участка (район села Инжавино в долине реки Ворона) А. В. Павлову приказ командующего «проверить умение химической роты действовать удушливыми газами». Тогда же инспектор артиллерии Тамбовской армии С. Касинов докладывал Тухачевскому: «Относительно применения газов я выяснил в Москве следующее: наряд на 2000 химических снарядов дан, и на этих днях они должны прибыть в Тамбов. Распределение по участкам: 1-му, 2-му, 3-му, 4-му и 5-му по 200, 6-му — 100».

1 июля газотехник Пуськов доложил о проведенном им осмотре доставленных на Тамбовский артиллерийский склад газовых баллонов и газового имущества: «...баллоны с хлором марки Е 56 находятся в исправном состоянии, утечки газа нет, к баллонам имеются запасные колпачки. Технические принадлежности, как то: ключи, шланги, свинцовые трубки, шайбы и прочий инвентарь — в исправном состоянии, в сверхкомплектном количестве...»

Войска были проинструктированы, как применять химические боеприпасы, однако, возникла серьезная проблема: личный состав батарей не был обеспечен противогазами. Из-за вызванной этим задержки первую газовую атаку произвели только 13 июля. В этот день артиллерийский дивизион бригады Заволжского военного округа израсходовал 47 химических снарядов.

2 августа батарея Белгородских артиллерийских курсов выпустила по острову на озере вблизи села Килец 59 химических снарядов.

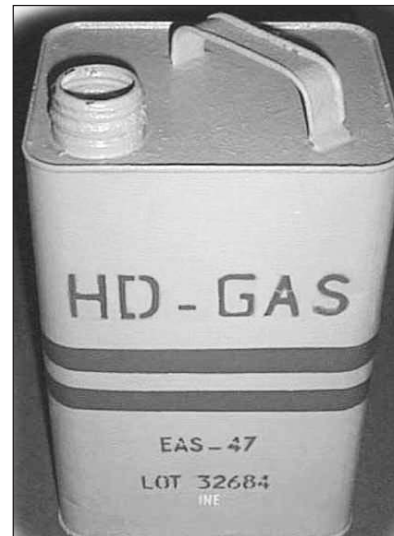
Ко времени проведения операции с использованием ОВ в Тамбовских лесах восстание фактически уже было подавлено и не было необходимости в столь жестокой карательной акции. Создается впечатление, что она проводилась с целью обучения войск ведению химической войны.

Тухачевский считал отравляющие вещества весьма перспективным средством в будущей войне.

В своем военно-теоретическом труде «Новые вопросы войны» он отмечал, что «быстрое развитие химических средств борьбы позволяет внезапно применять все новые и новые средства, против которых старые противогазы и прочие противохимические средства оказываются недейственными. И, одновременно, эти новые химические средства вовсе или почти не требуют переделки или перерасчетов материальной части.

[...] новые изобретения в области техники ОВ могут быть немедленно применены на поле боя и как средство борьбы могут быть наиболее внезапным и деморализующим противника новшеством. Авиация является наивыгоднейшим средством для распыления ОВ. Широко будет применяться ОВ танками и артиллерией».

Собственное производство химического оружия в Советской России пытались наладить с 1922 года при помощи немцев. В обход Версальских соглашений 14 мая 1923 года советская и германская стороны подписывают договор о строительстве завода по производству отравляющих веществ. Технологическую помощь в строитель-

стве этого завода оказывал концерн Штольценберга в рамках совместного акционерного общества «Берсоль». Производство решили развернуть в Ивашенкове (впоследствии Чапаевск). Но за три года ничего толком не было сделано — немцы явно не горели желанием делиться технологией и тянули время.

Промышленное производство ОВ (иприт) сначала было налажено в Москве на экспериментальном заводе «Анилтрест». Московский экспериментальный завод «Анилтрест» с 30 августа по 3 сентября 1924 года выдал первую промышленную партию иприта — 18 пудов (288 кг). А в октябре того же года отечественным ипритом уже снаряжали первую тысячу химических снарядов. Позже на базе этого производства был создан научно-исследовательский институт (со своим опытным заводом) по разработке ОВ.

Одним из главных центров по производству химического оружия с середины 1920-х становится химзавод в городе Чапаевске, выпускавший боевые ОВ вплоть до начала Великой Отечественной войны. Исследования в области усовершенствования средств химического нападения и защиты в нашей стране проводились в открытом 18 июля 1928 года Институте химической обороны им. Осавиахи́ма. Первым руководителем Института химической обороны был назначен начальник военно-химического управления РККА Я.М. Фишман, а его заместителем по науке — Н.П. Королев. В роли консультантов при лабораториях института выступали академики Н.Д. Зелинский, Т.В. Хлопин, профессора Н.А. Шилов, А.Н. Гинзбург.

Если вопрос с производством ОВ в Советском Союзе был решен уже к середине 1920-х годов, то положение со средствами защиты от них до 1928 года было плачевным. На заседании Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по обороне 24 июля 1926 года Тухачевский констатировал: «Мы не имеем совершенно элементарного средства защиты от химического нападения — противогазов». Постепенно эту проблему решили. Результатом

работы отделов, занимавшихся разработками средств индивидуальной и коллективной защиты от отравляющих веществ, стало принятие на вооружение Красной Армии за период с 1928 по 1941 год восемнадцати новых образцов средств защиты.

В 1930 году впервые в СССР начальником 2-го отдела средств коллективной противохимической защиты С.В. Коротковым был составлен проект герметизации танка и оборудования его ФВУ (фильтровентиляционной установкой). В 1934-1935 годах были успешно реализованы два проекта по противохимическому оборудованию подвижных объектов: ФВУ оборудовали санитарную машину на базе автомобиля «Форд-АА» и салон-вагон. В Институте химической обороны велась интенсивная работа по изысканию режимов дегазации обмундирования, разрабатывались машинные способы обработки вооружения и военной техники. В 1928 году был сформирован отдел синтеза и анализа отравляющих веществ, на базе которого в последующем были созданы отделы радиационной, химической и биологической разведки.

Благодаря деятельности Института химической обороны им. Осавиахи́ма, переименованного затем в НИХИ РККА, к началу Великой Отечественной войны войска были оснащены средствами противохимической защиты и имели четкие инструкции по их боевому использованию.

К середине 1930-х годов в РККА сформировалась концепция применения химического оружия в ходе войны. Теория химической войны была отработана на многочисленных учениях.

В основе советской химической доктрины лежала концепция «ответного химического удара». Исключительная ориентация СССР на ответный химический удар была закреплена как в международных договорах (Женевское соглашение 1925 года; ратифицировано СССР в 1928-ом), так и в Системе химического вооружения РККА. В мирное время производство ОВ велось только для испытаний и боевой учебы войск. Запасы военного значения в мирное время не создавались, из-за чего практически все мощности по производству боевых ОВ были законсервированы и требовали длительного срока развертывания производства.

В начале 1930-х годов в СССР начинается проектирование осколочно-химической авиабомбы, которая предназначалась для поражения живой силы противника, бронетехники и экипажей комбинированным действием осколков и ОВ. Отравляющее вещество, проникая в бронетехнику через смотровые щели и пробойны от осколков, должно было выводить из строя членов экипажа, которые чувствовали себя в полной безопасности под защитой брони. В 1934 году на вооружение ВВС РККА принимается бомба АОХ-8, а в 1937-38 — АОХ-10 и АОХ-15. Последняя могла применяться как при бомбометании с горизонтальных бомбодержателей, так и из кассет. В это же время РККА принимает на вооружение осколочно-химические и бронебойно-химические артилле-

рийские снаряды.

В 1937 году в ВВС поступили химические авиабомбы ХАБ-25, ХАБ-200 и ХАБ-500, которые снаряжались стойкими (рецепт Р-5) и нестойкими (рецепт Р-10) отравляющими веществами.

Кроме создания химических и осколочно-химических авиационных бомб, в 1930-е годы в нашей стране начинаются работы над ампульными авиационными боеприпасами с ОВ: АК-1, АК-2, АЖ-2 и АЖ-4. Эти бомбы не требовали взрывчатых веществ, имели очень низкую себестоимость, а изготовленные в 1933-1934 годах из стекла ампулы АК-1 и АК-2 к тому же не были подвержены окислению и могли заранее снаряжаться ОВ. Принятые на вооружение в 1941 году ампулы АЖ-2 и АЖ-4 имели изготовленный из жести сферический корпус и снаряжались в основном зажигательной смесью КС, хотя первоначально планировалось наполнять их ОВ. Испытали прототип этих бомб — «объект 177», разработанный работником НИП АВ ВВС КА военинженером 1-го ранга Ониско — в 1939 году. Работы над ампульными авиационными боеприпасами в СССР продолжались, как минимум, до 1948 года и до сих пор засекречены.

Имевшихся к началу Великой Отечественной войны запасов ОВ было достаточно для 1-2 дней активных боевых действий авиации и химических войск (например, в период прикрытия мобилизации и стратегического развертывания), затем следовало ожидать развертывания производства ОВ и их поставки в войска. В ходе войны на вооружение принимается химическая авиабомба ХАБ-500М, а к 1945 году ХАБ-250-20 Р-Ю, ХАБ-500-350 Р-Ю и ХАБ-500-350 Р-5.

В течение 1930-х годов производство боевых ОВ и снаряжение ими боеприпасов развертывалось в Перми, Березниках (Пермская обл.), Бобириках (позже Сталиногорск), Дзержинске, Кинешме, Сталинграде, Кемерове, Щелкове, Воскресенске, Челябинске.

С 1940 по 1945 год было произведено более 120 тыс. тонн ОВ, в том числе 77,4 тыс. тонн ипритов, 20,6 тыс. тонн лонизита, 11,1 тыс. тонн синильной кислоты, 8,3 тыс. тонн фосгена и 6,1 тыс. тонн адамсита.

С окончанием Второй Мировой войны угроза применения боевых отравляющих веществ не исчезла, и в СССР исследования в этой области продолжались вплоть до окончательного запрещения производства ОВ и средств их доставки в 1987 году. За это время на вооружение Советской Армии были приняты химические авиабомбы ХБ-250 и ХБ-2000, новые боеприпасы для артиллерии и РСЗО (в том числе и с бинарным ОВ), боевые части тактических и оперативно-тактических ракет комплексов «Луна», «Точка-У» и «Скад».

В преддверии заключения Конвенции по химическому оружию, в 1990-1992 годах, для контроля и уничтожения нашей страной было предьявлено 40 тыс. тонн ОВ.

После Первой мировой и вплоть до Второй

мировой войны общественное мнение в Европе было настроено против применения химического оружия, но среди промышленников Европы, которые обеспечивали обороноспособность своих стран, превалировало мнение, что химическое вооружение должно быть неременным атрибутом ведения войны.

Усилиями Лиги Наций в это же время был проведен ряд конференций и митингов, пропагандирующих запрещение применения отравляющих веществ в военных целях и рассказывающих о последствиях этого. Международный Комитет Красного Креста поддерживал проходившие в 1920-х годах конференции, осуждавшие применение химических средств ведения войны.

В 1921 году была создана Вашингтонская конференция по ограничению вооружений, на котором химическое вооружение стало предметом обсуждения специально созданного подкомитета. Подкомитет располагал информацией о применении химического оружия во время Первой мировой войны и намеревался предложить запрещение использование химического вооружения.

Он постановил: «Не может быть допущено использование химического оружия против противника на земле и на воде».

Договор был ратифицирован большинством стран, в том числе США и Великобританией. В Женеве 17 июня 1925 года был подписан Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств. Этот документ в дальнейшем ратифицировали более ста государств.

Однако в это же время США приступили к расширению Эджвудского арсенала. В Великобритании многие воспринимали возможность использования химического оружия как свершившийся факт, боясь оказаться в невыгодной ситуации, подобной той, которая сложилась в 1915 году.

Следствием этого стали дальнейшие работы над химическим оружием с одновременным использованием пропаганды применения отравляющих веществ. К старым, опробованным еще в Первую мировую войну, средствам применения ОВ добавились новые: выливные авиационные приборы (ВАП), химические авиационные бомбы и боевые химические машины (БХМ) на базе грузовых машин и танков.

Имелось несколько типов химических авиационных бомб. К первому типу относились боеприпасы, снаряжаемые раздражающими ОВ (ирритантами). Осколочно-химические авиабомбы снаряжались обычным ВВ с добавлением адамсита. Курящиеся авиабомбы, схожие по своему действию с дымовыми шашками, снаряжались смесью пороха с адамситом или хлорцетофеноном.

Использование ирритантов вынуждало живую силу противника пользоваться средствами защиты, а при благоприятных условиях позволяло вре-

менно вывести ее из строя.

К другому типу относились авиационные бомбы калибра от 25 до 500 кг, снаряжаемые стойкими и нестойкими рецептурами ОВ-ипритом (зимний иприт, смесь иприта с лизинитом), фосгеном, дифосгеном, синильной кислотой. Для подрыва использовались как обычный контактный взрыватель, так и дистанционная трубка, обеспечивающая подрыв боеприпаса на заданной высоте.

При снаряжении авиабомбы ипритом подрыв на заданной высоте обеспечивал рассеивание капель ОВ на площади 2-3 гектаров. Разрыв авиабомбы с дифосгеном и синильной кислотой создавал облако паров ОВ, распространявшееся по ветру и создававшее зону смертельной концентрации глубиной 100-200 м. Особенно результативным было применение таких авиабомб против противника, находящегося в окопах, блиндажах и бронетехнике с открытыми люками, так как это усиливало действие ОВ.

Боевые химические машины предназначались для заражения местности стойкими ОВ, дегазации местности жидким дегазатором и постановки дымовой завесы. Резервуары с ОВ емкостью от 300 до 800 л устанавливались на танки или грузовые автомобили, что позволяло при использовании БХМ на основе танка создавать полосу заражения шириной до 25 м.

Химическое оружие в больших количествах применялось в «локальных конфликтах» 1920-1930-х годов: Испанией в Марокко в 1925 году, Италией в Эфиопии (Абиссинии) в 1935-1936 годах, японскими войсками против китайских солдат и мирных жителей с 1937 по 1943 год.

Изучение отравляющих веществ в Японии началось при помощи Германии с 1923 года, а к началу 30-х годов было организовано производство наиболее эффективных ОВ в арсеналах Тадонуми и Сагани. Примерно 25% комплекта артиллерийских и 30% авиационных боеприпасов японской армии были в химическом снаряжении.

В Квантунской армии «Маньчжурский отряд 100» помимо создания бактериологического оружия вел работы по исследованию и производству химических отравляющих веществ (6-е отделение «отряда»). Печально известный «отряд 731» проводил совместные опыты с химическим «отрядом 531», используя в качестве живых индикаторов степени заражения местности ОВ людей.

В 1937 году — 12 августа в боях за город Нанькоу и 22 августа в боях за железную дорогу Пекин-Суйюань — японская армия применила снаряды начиненные ОВ. Японцы и в дальнейшем широко использовали отравляющие вещества на территории Китая и Маньчжурии. Потери китайских войск от отравляющих веществ составляли 10% от общего количества.

Италия применяла химическое оружие в Эфиопии, где почти все боевые действия итальянских частей поддерживались химическим нападением с помощью авиации и артиллерии. Иприт с большой эффективностью использовался итальянцами, несмотря на то, что они присоединились к Женевскому протоколу в 1925 году. В Эфиопию было направлено 415 тонн ОВ кожно-нарывного действия и 263 тонн удушающих веществ. Кроме химических авиабомб использовались выливные авиационные приборы. В период с декабря 1935 года по апрель 1936 года итальянская авиация совершила 19 крупномасштабных химических налетов на города и населенные пункты Абиссинии, израсходовав при этом 15 тыс. авиационных химических бомб. Отравляющие вещества применялись для сковывания эфиопских войск — авиация создавала химические заграждения в важнейших горных проходах и на переправах. Широкое применение ОВ нашли при авиаударах как по наступающим войскам негуса (в ходе самоубийственного наступления у Май-Чио и оз. Ашанги), так и при преследовании отступающих абиссинцев. После покорения Абиссинии итальянские оккупационные силы были вынуждены неоднократно проводить карательные акции против партизанских отрядов и поддерживающего их населения. При этих репрессиях в ход пускались отравляющие вещества.

Налаживать производство ОВ итальянцам помогали специалисты концерна «И.Г. Фарбениндустри». В концерн «И.Г. Фарбен», созданный для полного доминирования на рынках красителей и органической химии, объединились шесть крупнейших химических компаний Германии. Британские и американские промышленники видели в концерне империю, подобную империи Круппа, считая ее серьезной угрозой и предприняли усилия для ее расчленения после Второй Мировой войны.

Неоспоримым фактом является превосходство

Германии в производстве отравляющих веществ — налаженное производство нервно-паралитических газов в Германии явилось полной неожиданностью для войск Союзников в 1945 году.

В Германии сразу после прихода к власти фашистов по распоряжению Гитлера возобновились работы в области военной химии. Начиная с 1934 года, в соответствии с планом верховного командования сухопутных войск эти работы приобрели целенаправленный наступательный характер, отвечающий агрессивной политике гитлеровского руководства.

Прежде всего, на вновь созданных или модернизированных предприятиях началось производство известных ОВ, показавших наибольшую боевую эффективность в годы Первой Мировой войны, из расчета создания их запаса на 5 месяцев химической войны.

Верховное командование фашистской армии считало достаточным иметь для этого примерно 27 тыс. тонн отравляющих веществ типа иприта и тактических рецептур на его основе: фосгена, адамсита, дифенилхлорарсина и хлорцетофенона.

Одновременно велась интенсивная работа по поиску новых отравляющих веществ среди самых различных классов химических соединений. Эти работы в области ОВ кожно-нарывного действия озаменовались получением в 1935-1936 гг. «азотистых ипритов» (N-lost) и «кислородного иприта» (O-lost).

В главной научно-исследовательской лаборатории концерна «И.Г. Фарбениндустри» в Леверкузене была выявлена высокая токсичность некоторых фтор- и фосфорсодержащих соединений, ряд из которых был впоследствии принят на вооружение немецкой армии.

В 1936 году был синтезирован табун, который с мая 1943 года начал производиться в промышленном масштабе. В 1939 году получен более токсичный по сравнению с табуном зарин, а в конце 1944 года — зоман. Эти вещества озаменовали собой появление у армии фашистской Германии нового класса ОВ нервно-паралитического действия — химического оружия второго поколения, во много раз превосходящее по своей токсичности отравляющие вещества времен Первой Мировой войны.

В 1940 году в городе Обербайерне (Бавария) был пущен крупный завод, принадлежавший «И.Г. Фарбен», по производству иприта и ипритных соединений мощностью 40 тысяч тонн в год.

Всего в предвоенные и первые военные годы в Германии было построено около 20 новых технологических установок по производству ОВ, годовая мощность которых превышала 100 тыс. тонн. Они размещались в Людвигсхафене, Хюльсе, Вольфене, Урдингене, Аммендорфе, Фадькенхагене, Зеелье и других местах. В городе Дюхернфурте, на Одере (ныне Силезия, Польша) существовало одно из крупнейших производств ОВ.

К 1945 году Германия имела в запасе 12 тысяч тонн табуна, производств которого не было больше нигде. Причины того, почему Германия в годы Второй мировой войны не применила химическое оружие, остаются до сих пор неясными.

Вермахт к началу войны с Советским Союзом имел 4 полка химических минометов, 7 отдельных батальонов химических минометов, 5 дегазационных отрядов и 3 дорожно-дегазационных отряда, вооруженных реактивными метательными установками Shweres Wurfgeraet 40 (Holz), и 4 штаба химических полков особого назначения. Батальон шестиствольных минометов 15-см Nebelwerfer 41 из 18 установок мог за 10 секунд выпустить 108 мин содержащих 10 кг ОВ.

Начальник генерального штаба сухопутных войск немецко-фашистской армии генерал-полковник Гальдер писал: «К 1 июня 1941 года мы будем иметь 2 млн. химических снарядов для легких полевых гаубиц и 500 тыс. снарядов для тяжелых полевых гаубиц... Со складов химических боеприпасов может быть отпущено: до 1 июня по шесть эшелонов химических боеприпасов, после 1 июня по десять эшелонов в день. Для ускорения подвоза в тылу каждой группы армий будет поставлено на запасные пути по три эшелона с химическими боеприпасами».

По одной из версий Гитлер не дал команду на применение ОВ во время войны потому, что считал, что у СССР большее количество химического оружия. Еще одной причиной могло быть недостаточно эффективное воздействие ОВ на солдат противника, оснащенных средствами химической защиты, а также зависимость от погодных условий.

ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ В ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

После Второй Мировой войны ОВ применялись в целом ряде локальных конфликтов. Известны факты применения химического оружия армией США против КНДР и Вьетнама. С 1945 по 1980-е годы на Западе использовались только два вида ОВ: лакриматоры (CS — 2-хлорбензилдипенилкарбонилнитрил — слезоточивый газ) и дефолианты — химические вещества из группы гербицидов. Одного только CS было применено 6.800 тонн. Дефолианты относятся к классу фитотоксикантов

— химических веществ, вызывающих опадание листьев с растений и применяются для демаскировки объектов противника.

Во время боевых действий в Корее ОВ применялись армией США как против войск КНА и КНД, так и против мирного населения и военнопленных. По неполным данным, с 27 февраля 1952 года до конца июня 1953 года отмечено свыше ста случаев применения химических снарядов и бомб американскими и южнокорейскими войсками только по войскам КНД. В результате 1095 человек получили отравление, из них 145 скончалось. Также было отмечено более 40 случаев применения химического оружия по военнопленным. Наибольшее количество химических снарядов было выпущено по войскам КНА 1 мая 1952 года. Симптомы поражения с большой вероятностью свидетельствуют, что в качестве снаряжения для химических боеприпасов использовались окислы азота в смеси с синильной кислотой, дифенилцианарсином или дифенилхлорарсином.

Против военнопленных американцы применяли слезоточивые и кожно-нарывные отравляющие вещества, причем слезоточивые вещества использовались неоднократно. 10 июня 1952 года в лагере № 76 на о. Кочжедо американские надзиратели три раза обрызгивали военнопленных липкой ядовитой жидкостью, являвшейся кожно-нарывным ОВ.

18 мая 1952 года на о. Кочжедо в трех секторах лагеря против военнопленных были применены слезоточивые ОВ. Итогом этой «вполне законной», по мнению американцев, акции стала смерть 24 человек. Еще 46 потеряли зрение. Неоднократно в лагерях на о. Кочжедо американскими и южнокорейскими солдатами против военнопленных использовались химические гранаты. Даже после заключения перемирия в течение 33 дней работы комиссии Красного Креста отмечены 32 случая применения американцами химических гранат.

Целенаправленная работа над средствами уничтожения растительности была начата в США еще в годы Второй Мировой войны. Достигнутый уже к концу войны уровень разработки гербицидов, по мнению американских специалистов, мог позволить их практическое применение. Однако исследования для военных целей продолжались, и лишь в 1961 году был выбран «подходящий» поли-

гон. Применение химикатов по уничтожению растительности в Южном Вьетнаме было начато вооруженными силами США в августе 1961 года с санкции президента Кеннеди.

Гербицидами обрабатывались все районы Южного Вьетнама — от демилитаризованной зоны до дельты реки Меконг, а также многие районы Лаоса и Кампучии — везде и всюду, где по предположению американцев, могли находиться отряды Народных вооруженных сил освобождения (НВСО) Южного Вьетнама или пролетать их коммуникации.

Воздействию гербицидов наряду с древесной растительностью стали подвергаться также поля, сады и каучуковые плантации. С 1965 года химикаты распылялись над полями Лаоса (особенно в его южной и восточной частях), спустя два года — уже в северной части демилитаризованной зоны, а также в прилегающих к ней районах ДРВ. Лесные массивы и поля обрабатывались по заявкам командиров американских частей, дислоцированных в Южном Вьетнаме. Распыление гербицидов производилось с помощью не только авиации, но и специальных наземных устройств, имевшихся в американских войсках и сайгонских частях. Особенно интенсивно гербициды использовались в 1964–1966 годах для уничтожения мангровых лесов на южном побережье Южного Вьетнама и на берегах судоходных каналов, ведущих в Сайгон, а также лесов демилитаризованной зоны. В операциях были полностью заняты две авиационные эскадрильи ВВС США. Максимальных размеров применение химических противорастворительных средств достигло в 1967 году. В дальнейшем интенсивность операций колебалась в зависимости от напряженности военных действий.

В Южном Вьетнаме в ходе операции «Рэнч хэнд» американцы испытали 15 различных химических веществ и рецептов для уничтожения посевов, плантаций культурных растений и древесно-кустарниковой растительности.

Общее количество химических средств уничтожения растительности, израсходованных вооруженными силами США с 1961 по 1971 год, составило 90 тыс. тонн, или 72,4 млн. литров. Преимущественно использовались четыре гербицидных рецептуры: пурпурная, оранжевая, белая и голубая. Наибольшее применение в Южном Вьетнаме нашли рецептуры: оранжевая — против лесов и голубая — против посевов риса и других сельскохозяйственных культур.

В течение 10 лет, в период с 1961 по 1971 год, почти десятая часть территории Южного Вьетнама, включая 44% всех его лесных массивов, подверглась обработке дефолиантами и гербицидами, предназначенными соответственно для удаления листвы и полного уничтожения растительности. В результате всех этих действий были почти полностью уничтожены мангровые леса (500 тыс. га), поражено около 1 млн. га (60%) джунглей и более 100 тыс. га (30%) равнинных лесов.

Урожайность каучуковых плантаций упала по сравнению с 1960 годом на 75%. Было уничтожено от 40 до 100% посевов бананов, риса, сладкого картофеля, папайи, помидоров, 70% кокосовых плантаций, 60% теви, 110 тыс. га плантаций казуарины. Из многочисленных видов древесно-кустарниковых пород влажного тропического леса в районах поражений гербицидами остались лишь единичные виды деревьев и несколько видов колючих трав, непригодных в корм скоту.

Уничтожение растительности серьезно повлияло на экологический баланс Вьетнама. В районах поражения из 150 видов птиц осталось 18, почти полностью исчезли земноводные и даже насекомые. Уменьшилось число и изменился состав рыб в реках. Ядохимикаты нарушили микробиологический состав почв, отравили растения. Изменился также видовой состав клещей, в частности, появились клещи — разносчики опасных болезней. Изменились виды комаров, в отдаленных от моря районах появились вместо безвредных комаров-эндемиков комары, характерные для морских лесов типа мангровых. Они являются главными разносчиками малярии во Вьетнаме и в соседних странах.

Химические средства, применявшиеся США в Индокитае, были направлены не только против природы, но и против людей. Американцами во Вьетнаме применялись такие гербициды и с таки-

стойким веществом, диоксин до сих пор обнаруживается во Вьетнаме в районах применения оранжевой рецептуры, как в поверхностных, так и в глубинных (до 2 м) пробах грунта.

Этот яд, попадая в организм с водой и продуктами питания, вызывает раковые заболевания, особенно печени и крови, массовые врожденные уродства детей и многочисленные нарушения нормального течения беременности. Медико-статистические данные, полученные вьетнамскими врачами, свидетельствуют, что эти патологии проявляются спустя много лет после окончания применения американцами оранжевой рецептуры, и есть основания опасаться за их рост в будущем.

На совещании Международного центра по изучению военных преступлений, состоявшемся в Париже в июле 1968 года, было установлено, что в определенных условиях вещество CS является смертельным оружием. Эти условия (использование CS в большом количестве в замкнутом пространстве) существовали во Вьетнаме.

Вещество CS — такой вывод сделал Трибунал Рассела в Роскильде в 1967 году — является токсическим газом, запрещенным Женевским протоколом 1925 года. Количество вещества CS, заказанного Пентагоном в 1964–1969 годах для применения в Индокитае, было обнародовано в журнале «Конгрэшил рикорд» 12 июня 1969 года (CS — 1 009 тонн, CS-1 — 1 625 тонн, CS-2 — 1 950 тонн).

Особенно интенсивно гербициды использовались в 1964–1966 годах для уничтожения мангровых лесов на южном побережье Южного Вьетнама и на берегах судоходных каналов, ведущих в Сайгон.

ми высокими нормами расхода, которые представляли несомненную опасность для человека. Так, например, пиклорам обладает такой же стойкостью и так же ядовит, как ДДТ, запрещенный повсеместно.

К тому времени уже было известно, что отравление ядом 2,4,5-Т приводит к зародышевым деформациям у некоторых домашних животных. Следует отметить, что эти ядохимикаты применялись в огромных концентрациях, иногда в 13 раз превышающих допустимые и рекомендованные к использованию в самих США. Опрыскиванию этими химикатами подвергалась не только растительность, но и люди. Особенно губительным было применение диоксида, который, как утверждали американцы, «по ошибке» входил в состав оранжевой рецептуры. Всего над Южным Вьетнамом было распылено несколько сотен килограммов диоксида, который является ядовитым для человека в долях миллиграмма.

Американские специалисты не могли не знать о его смертоносных свойствах хотя бы по случаям поражений на предприятиях ряда химических фирм, в том числе, по результатам аварии на химическом заводе в Амстердаме в 1963 году. Являясь

Известно, что в 1970 году его было израсходовано еще больше, чем в 1969 году. С помощью газа CS мирное население выживало из деревень, партизаны изгонялись из пещер и убежищ, где легко создавались смертельные концентрации вещества CS, превращая эти убежища в «газовые камеры».

Использование газов, вероятно, оказалось эффективным, если судить по значительному увеличению количества вещества CS, использованного американской армией во Вьетнаме. Этому служит и другое доказательство: с 1969 года появилось очень много новых средств для распыления этого токсического вещества.

От химической войны пострадали не только население Индокитае, но и тысячи участников американской кампании во Вьетнаме. Так, вопреки утверждениям министерства обороны США, тысячи американских солдат оказались жертвами химического нападения своих же войск.

Многие ветераны вьетнамской войны потребовали в связи с этим проведения лечения различных заболеваний от язвы до рака. Только в Чикаго насчитывается 2000 ветеранов, обнаруживших у себя симптомы воздействия диоксида.

Широкое применение боевые ОВ получили в ходе затяжного Ирано-Иракского конфликта. Как Иран, так и Ирак (5 ноября 1929 года и 8 сентября 1931 года соответственно) подписали Женевскую конвенцию о нераспространении химического и бактериологического оружия. Однако Ирак, стремясь переломить ситуацию в позиционной войне, активно использовал химическое оружие для достижения тактических целей, для того, чтобы сломить сопротивление того или иного пункта обороны противника. Эта тактика в условиях позиционной войны принесла некоторые плоды. В ходе битвы за острова Маджун ОВ сыграли важную роль в срыве иранского наступления.

Ирак первым применил ОВ в ходе Ирано-Иракской войны и в дальнейшем широко использовал его как против Ирана, так и в операциях против курдов. Некоторые источники утверждают, что против последних в 1973–1975 годы использовались ОВ, закупленные в Египте или даже в СССР, хотя в прессе были сообщения, что ученые из Швейцарии и ФРГ еще в 1960-е годы изготовили Багдаду ОВ специально для борьбы с курдами. Работы над производством собственных ОВ начались в Ираке в середине 70-х годов. Согласно заявлению руководителя иранского Фонда хранения документов священной обороны Мирфисала Бакрзаде, самое непосредственное участие в создании и передаче Хусейну химического оружия принимали компании США, Великобритании и Германии. По его словам, «опосредованное (косвенное) участие в создании химического оружия для саддамовского режима» принимали фирмы таких государств как Франция, Италия, Швейцария, Финляндия, Швеция, Голландия, Бельгия и несколько других. Во время Ирано-Иракской войны США были заинтересованы в поддержке Ирака, так как в случае его поражения Иран мог сильно расширить влияние фундаментализма на весь регион Персидского залива. Рейган, а в последствии и Буш-старший, видели в режиме Саддама Хусейна важного союзника и защиту от угрозы, которую представляли собой пришедшие к власти в результате иранской революции 1979 года последователи Хомейни. Успехи иранской армии вынудили руководство США предоставить Ираку интенсивную помощь (в форме поставок миллионов противопехотных мин, большого количества различных видов тяжелого вооружения и информации о дислокации иранских войск). В качестве одного из средств, призванных сломить дух иранских солдат, было выбрано химическое оружие.

До 1991 года Ирак обладал крупнейшими запасами химического оружия на Ближнем Востоке и проводил широкие работы по дальнейшему совершенствованию своего арсенала. В его распоряжении имелись отравляющие вещества общедовидного (синильная кислота), кожно-нарывного (иприт) и нервно-паралитического (зарин (GB), зоман (GD), табун (GA), VX) действия.

Химический боезапас Ирака включал более 25 боеголовок для ракет «Скад», около 2 000 авиабомб и 15 000 снарядов (включая минометные мины и ракеты РСЗО), а также наземные мины.

С 1982 года отмечалось использование Ираком слезоточивого газа (CS), а с июля 1983 года — иприта (в частности, 250-кг бомбы с ипритом с самолётов Су-20). Иприт активно применялся Ираком во время конфликта. К началу Ирано-Иракской войны иракская армия имела 120-мм миномётные мины и 130-мм артиллерийские снаряды, снаряжённые ипритом. В 1984 году Ирак начал производить табун (тогда же отмечен первый случай его применения), а в 1986 — зарин.

С точной датировкой начала производства Ираком того или иного вида ОВ возникают затруднения. Первый случай применения табуна был отмечен в 1984 году, однако Иран заявил о 10 случаях применения табуна в 1980–1983 годы. В частности, случаи применения табуна отмечались на Северном фронте в октябре 1983 года.

Та же проблема возникает и при датировке случаев применения ОВ. Так, еще в ноябре 1980 года Тегеранское радио сообщило о химической атаке города Сусенгерд, но никакой реакции в мире на это не последовало. Только после заявления Ирана в 1984 году, в котором он констатировал 53 случая применения Ираком химического оружия в 40 приграничных районах, ООН предприняла некоторые шаги. Количество жертв к этому времени превысило 2 300 человек. Проверка группы инспекторов ООН выявила следы ОВ в районе Хур-аль-Хузвазех, где 13 марта 1984 года была химическая атака Ирака. С этих пор свидетельства использования Ираком ОВ стали появляться в массовом порядке.

Введенное Совбезом ООН эмбарго на поставку в Ирак ряда химических веществ и компонентов, которые можно было бы использовать для производства ОВ, не смогло серьезно повлиять на ситуацию. Заводские мощности позволяли Ираку в конце 1985 года производить в месяц 10 тонн ОВ

всех типов, и уже в конце 1986 года более 50 тонн в месяц. В начале 1988 года мощности были доведены до 70 тонн иприта, 6 тонн табуна и 6 тонн зарина (т.е. почти 1 000 тонн в год). Шли интенсивные работы по налаживанию производства VX.

В 1988 году при штурме города Фао иракская армия осуществила бомбардировку иранских позиций с применением ОВ, скорее всего, нестойких рецептур нервно-паралитического действия.

В ходе налета на курдский город Халабаджа 16 марта 1988 года иракская авиация нанесла удар химическими авиабомбами. В результате чего погибло от 5 до 7 тысяч человек, а свыше 20 тысяч получили ранения и отравления.

С апреля 1984 по август 1988 года химическое оружие было применено Ираком свыше 40 раз (всего более 60). От воздействия этого оружия пострадало 282 населенных пункта. Точное число жертв химической войны со стороны Ирана неизвестно, но их минимальное количество оценивается экспертами в 10 тысяч человек.

Иран приступил к созданию химического оружия в ответ на применение Ираком боевых ОВ во время войны. Отставание в этой области заставило Иран закупить большое количество газа CS, но вскоре стало ясно, что в военных целях он неэффективен. С 1985 (а возможно и с 1984) года отмечались отдельные случаи использования Ираном химических снарядов и минометных мин, но, по видимому, речь тогда шла о трофейных иракских боеприпасах.

В 1987–1988 годах были отмечены отдельные случаи применения Ираном химических боеприпасов начиненных фосгеном или хлором и синильной кислотой. До завершения войны было налажено производство иприта и, возможно, нервно-паралитических ОВ, но применить их Иран уже не успел.

По утверждению западных источников, Советские войска в Афганистане тоже применяли химическое оружие. Иностранные журналисты намеренно «пустили краски» с целью еще раз подчеркнуть «жестокость советских солдат». Гораздо проще было использовать для «выкуривания» душманов из пещер и подземных укрытий выхлопные газы танка или БМП. Нельзя исключать возможность применения ОВ раздражающего действия — хлорпикрина или CS. Одним из главных источников финансирования душманов было выращивание опиумного мака. Для уничтожения маковых плантаций, возможно, использовались ядохимикаты, что также могло быть воспринято как применение боевых ОВ.

Ливия производила химическое оружие на одном из своих предприятий, что и было зафиксировано западными журналистами в 1988 году. В течение 1980-х годов Ливия произвела более 100 тонн газов нервно-паралитического и кожно-нарывного действия. В ходе боевых действий в 1987 году в Чаде ливийская армия применяла химическое оружие.

29 апреля 1997 года (через 180 дней после ратификации 65-й страной, которой стала Венгрия) вступила в силу Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Примерно в это же время начала свою деятельность организация по запрещению химического оружия, которая в дальнейшем стала обеспечивать претворение в жизнь положений конвенции (штаб-квартира располагается в Гааге). Документ был объявлен к подписанию в январе 1993 года. В 2004 году к договору присоединилась Ливия.

К сожалению, Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, возможно, ждет судьба Оттавской Конвенции о запрещении противопехотных мин. И в том и в другом случае наиболее современные типы оружия могут быть выведены из-под действия конвенций. Это видно на примере проблемы бинарного химического оружия.

Техническая идея бинарных химических боеприпасов состоит в том, что они снаряжаются двумя или более исходными компонентами, каждый из которых может быть нетоксичным или малотоксичным веществом. Эти вещества отделены друг от друга и заключены в специальные контейнеры. Во время полета снаряда, ракеты, бомбы или другого боеприпаса к цели в нем происходит смешивание исходных компонентов с образованием в качестве конечного продукта химической реакции боевого отравляющего вещества. Смешение веществ осуществляется за счет вращения снаряда или специальными мешалками. При этом роль химического реактора выполняет сам боеприпас.

Несмотря на то, что в конце 30-ых годов ВВС США приступили к разработке первой в мире бинарной авиационной бомбы, в послевоенное время проблема бинарного химического оружия имела для США второстепенное значение. Американцы форсировали в этот период оснащение армии новыми отравляющими веществами нервно-паралитического действия — зарином, табуном, «V-газами», но с начала 60-х годов американские специалисты вновь вернулись к идее создания бинарных химических боеприпасов. К этому их вынудил ряд обстоятельств, важнейшее из которых — отсутствие существенного прогресса в поиске отравляющих веществ со сверхвысокой

токсичностью, т. е. отравляющих веществ третьего поколения. В 1962 году Пентагон одобрил специальную программу создания бинарного химического оружия (Binary Lenthal Weapon Systems), которая на долгие годы стала приоритетной.

В первый период осуществления бинарной программы основные усилия американских специалистов были направлены на разработку бинарных композиций табельных отравляющих веществ нервно-паралитического действия, VX и зарина.

К концу 60-х годов была завершена работа по созданию бинарного зарина — GB-2.

Повышенный интерес к работам в области бинарного химического оружия правительственные и военные круги объясняли необходимостью решения проблем безопасности химического оружия при производстве, транспортировке, хранении и эксплуатации. Первым бинарным боеприпасом, принятым на вооружение американской армии в 1977 году, стал 155-миллиметровый гаубичный снаряд M687, снаряженный бинарным

Утром 20 марта 1995 года члены секты “Аум Синрике” вскрыли в метро пластиковые контейнеры с зарином, результатом чего стала гибель пассажиров подземки.

зарином (GB-2). Затем были созданы 203, 2-мм бинарный снаряд XM736, а также различные образцы боеприпасов к артиллерийским и минометным системам, боевым частям ракет, авиационным бомбам.

Исследования продолжались и после подписания 10 апреля 1972 года Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов токсинного оружия и об их уничтожении. Было бы наивным полагать, что США откажутся от такого «перспективного» вида оружия. Решение об организации производства бинарного оружия в США не только не может обеспечить эффективного соглашения по химическому оружию, но даже полностью выведет из-под контроля вопросы разработки, производства и накопления запасов бинарного оружия, так как компонентами бинарных отравляющих веществ могут быть самые зурядные химические вещества. Например, изопропиловый спирт служит компонентом бинарного зарина, а пинаколиновый спирт — зомана.

Кроме того, в основе бинарного оружия заложена идея для получения новых типов и композиций отравляющих веществ, что делает бессмыс-

ленным заблаговременное составление каких-либо списков ОВ, подлежащих запрещению.

Прорехи в международном законодательстве — не единственная угроза химической безопасности в мире. Террористы не ставили свои подписи под Конвенцией, а в их способности применять ОВ в террористических актах не приходится сомневаться после трагедии в токийском метро.

Утром 20 марта 1995 года члены секты «Аум Синрике» вскрыли в метро пластиковые контейнеры с зарином, результатом чего стала гибель пассажиров подземки. Еще около 5 500 человек получили отравления различной степени тяжести. Это была уже не первая, но наиболее «результативная» газовая атака сектантов. В 1994 году в городе Мацумото, префектуры Нагано, от отравления зарином погибли семь человек.

С точки зрения террористов использование ОВ позволяет добиться наибольшего общественного резонанса. Отравляющие вещества имеют наибольший потенциал по сравнению с другими вида-

ми ОМП в силу того, что:

- отдельные боевые отравляющие вещества обладают высокой токсичностью, а их количество, требуемое для достижения летального исхода, очень невелико (применение ОВ в 40 раз более эффективно, чем обычной взрывчатки);
- определение конкретного ОВ, использовавшегося при атаке, и источника заражения, затруднительно;
- небольшой группе химиков (иногда даже одному квалифицированному специалисту) вполне по силам синтезировать простые в изготовлении боевые ОВ в необходимых для теракта количествах;
- ОВ крайне эффективны для нагнетания паники и страха. Потери в толпе, находящейся в закрытом помещении, могут измеряться тысячами.

Все вышесказанное указывает, что вероятность использования ОВ в террористическом акте крайне высока. И, к большому сожалению, нам остается только ждать этого нового этапа в террористической войне. <ИВ>

ЛИТЕРАТУРА:

Военный энциклопедический словарь/ В 2-х томах. — М.: Большая Российская энциклопедия, “РИПОЛ КЛАССИК,” 2001.
Всемирная история артиллерии. М.: Вече, 2002.
Джеймс П., Торп Н. “Древние изобретения”/Пер. с англ.; — Мн.: ООО “Попурри”, 1997.
Статьи с сайта “Оружие Первой мировой войны” — “Кампания 1914 года — первые опыты”, “Из истории химического оружия.”, М. Павлович. “ХИМИЧЕСКАЯ ВОЙНА.”
Алексей Мелия “Другая война: ответный химический удар”. сайт <http://www.almapaswhf.ru/>
“Артиллерия — Бог войны!” Тенденции развития химического оружия в США и у их союзников. А. Д. Кунцевич, Ю. К. Назаркин, 1987 год.
Соколов Б.В. Михаил Тухачевский: “Жизнь и смерть Красного маршала”. — Смоленск: Русич, 1999.
Война в Корее, 1950–1953. — СПб.: ООО “Издательство Полигон”, 2003. (Военно-историческая библиотека).
Татарченко Е. Воздушные силы в итало-абиссинской войне. — М.: Воениздат, 1940.

Александр ЧУЙКОВ

<http://artofwar.ru/a/aleksandr/>

ГУМАНИТАРКА НА ВЫБОРЫ

Во вторую чеченскую стало модным солдатам гуманитарную помощь возить. Именно модным. В первую войну, честно говоря, такого ажиотажа не было. Видимо, патриотизм в нужной степени воспитать еще не успели. Тогда же, в начале двухтысячных, видимо, по высочайшему повелению, перед каждым праздником в расположение подразделений и частей в Чечне прилетали высокие чины из администраций шефских губерний, областей и краев со всей России. В торжественной обстановке, под обязательный стрекот телекамер солдатам и офицерам власть вручала дорогие наборы, в которые входили сигареты, конфеты, еще кое-что по мелочи. Солдаты благодарили, офицеры благодарили, командиры накрывали для высоких гостей в палатке скромный или не очень скромный обед.

Обязательных условий при вручении гуманитарной помощи было несколько: море водки и пресса, замороженно освещавшая действо, праздник, к которому оно приурочено (больше всего ценились Новый год, День Советской Армии и Военно-морского флота, почему-то 8 марта, День МВД и строителя и, конечно же, выборы).

Выборы были самым главным, священным, почти тантрическим праздником. Перед выборами заместители губернаторов в очередь в Чечню выстраивались, коробки с гуманитаркой УРАЛами шли. Привозили они с собой заодно журналистов местных газет и телекомпаний. Создавая, однако, у командования объединенной группировки сил и войск в Чечне предынфарктное состояние. Ведь всю эту ораву надо было встретить, разместить, накормить и главное — безопасно сопроводить до места назначения и обратно. Видимо, из-за этого иногда не доходили руки до другого главного: наглядной и правильной предвыборной агитации. Так, например, в марте 2000 года, перед президентскими выборами, на военной базе Ханкала висел огромный плакат: «Все на выборы Президента Российской Федерации...» — и дальше прямым текстом шла фамилия этого президента. Значит, чтобы бойцы не перепутали, за кого голосовать. И солдату хорошо — сделает правильный выбор, и генералу неплохо — покажет, как он за будущего Главковерха горой стоит. Имя, правда, к сожалению, затерли чуть позже, спохватившись.

В общем, было два вида гуманитарной помощи: празднично-парадная и неприуроченная к торжественным датам. Вторая была ценнее тем, что собирали ее люди знающие, не первый раз ездившие с такой миссией в Чечню. Поэтому и покупали не печенье с пряниками, а шерстяные носки, берцы, теплые свитера, камуфляж, одеяла. Без пряников на войне прожить сложно, но можно, а вот без свитера в горах зимой не повоюешь. Правда, загвоздка была в том, что везли такую финансово осязаемую помощь чаще всего представители общественных движений. То есть люди, изначально с социальным статусом ниже плинтуса.

И вот эту гуманитарку очень ждали в главных воздушных воротах чеченской войны — североосетинском городе Моздоке. В тылу то есть. И если на каком-нибудь зам губернатора особенно не разживешься, то реальные берцы, привезенные общественниками, каждый тыловик в тылу воспринимал, как свои, родные, законные. И допустить их отправления на передовую просто не мог: там все равно сносят, а здесь прибыток маленький!

В конце 2000 года с таким вот грузом гуманитарки военный корреспондент «Московского Комсомольца» Александр Григорьев и вылетал в Чечню. Надо заметить, что добираться до войны именно таким образом газетчики любили. Во-первых, экономия на билетах, во-вторых, гарантированные передвижения по республике, без навязчивой опеки отцов-командиров из пресс-службы группировки. Да и репортажных деталей можно было набрать вдоволь.

Однако, были и минусы. И самый главный — извечный российский бардак. Даже если самолет был загружен еще накануне, то совершенно не факт, что он взлетит именно в тот день, когда было назначено. Но повезло. Это был личный самолет командующего Московским военным округом ВВС и ПВО. А главный по грузу — Мария Большакова, председатель Союза

семей военнослужащих Подмоскovie, очень активная женщина. С задержкой, но взлетели. По первой, по второй, по третьей — не чокаясь. Вот так, на одеялах и прошло три часа полетного времени от подмосковной Кубинки до Моздока.

Аппарель открыли сразу, как только заглушили двигатели. Вещи должны были быстро перегрузить в вертолет и на нем уже все вместе вылететь в Чечню. Большакова, Григорьев в камуфляжной форме, сопровождающие офицеры Московского военного округа вышли на воздух, размяться, покурить.

— Смотрите, уже машины подгоняют, сейчас перегружать будут. Оперативно робить стали, — заметил молодой капитан из сопровождающих.

По взлетке к самолету действительно летели ГАЗ-66 и УАЗик. «Газон» развернулся, подъехал к открытой аппарели и солдатики под командованием бравого майора, вылезшего из УАЗа, стали грузить в машину вещи.

— Странно, — заметила Большакова. — Должны были хотя бы подойти, представиться, накладные посмотреть. Необычно как-то.

Солдаты между тем скоренько перекидывали вещи из самолета в грузовик. Грузовик наполнялся, самолет разгружался.

Первой поняла, что их просто грабят среди ночи, Мария Большакова. Однако на ее крик никто не обратил внимания. Только солдатики стали активней перебрасывать тюки с вещами к себе в машину.

— Эй, бойцы, а вы кто собственно? Документы на прием груза покажите, — вмешался Григорьев. — Товарищ майор, что происходит? Представьтесь, как положено по уставу.

О, тыловики! О вас можно петь песни и слагать баллады! Правда, чаще всего они будут исключительно непечатными. Еще Александр Васильевич Суворов ласково отозвался об интендантах русской армии — предложив вешать всех без исключения тыловиков, имеющих 5 лет служебной выслуги. У этого майора выслуги было явно больше, чем пять лет. Поэтому до ответа он не снизошел, а только покрикивал на солдат: «Быстрее, мать вашу».

Большакова кричала, вещи перебрасывались, сопровождающие офицеры пока предпочитали держать паузу субординации. Но дело явно шло к рукопашной.

— Мария, да что вы лаетесь с ним, записывайте номера машин. Сейчас прилетим в Чечню, я по подследственности уголовное дело возбужу. Запрошу офици-

ально на бланке ГВП (Главной военной прокуратуры — прим. ред.), кто был старший на этих машинах, найдем мы майора этого. Вы его видели, сопровождающие его видели. Опознаем и посадим, — майор, руководивший грабежом, явно насторожился. — Мне же все равно по итогам проверки Савенкову докладывать. Заодно и по Моздокскому гарнизону доложу. Что у них тут творится и куда прокуратура смотрит!

Григорьев импровизировал. В войсках ведь не так особиста бояться, как военного прокурора — враг злейший. Солдаты тоже поняли что-то, кидать вещи перестали.

— У вас же груз весь учтен? Накладные есть?

— Конечно. Все накладные в самолете, сейчас принесу, — Большакова сразу все поняла.

— Сейчас не надо. Вот будем перегружать, официально снимем остаток, сколько было, сколько осталось. И все. А это, — так, на первый взгляд — в особо крупных размерах. Ну и срок соответственно. Пусть грузит: чем больше загрузит, тем дольше сидеть будет. А продать не успеет все равно, сейчас я дежурному по ГВП позвоню в Москву, — Григорьев достал сотовый и начал набирать номер. — Дежурный? Это заместитель начальника второго управления Александр Григорьев. Я сейчас в Моздоке, на инспекции. Срочно найдите мне прокурора военного гарнизона — и сюда, на аэродром. Почему он вообще меня не встречает? Там мой телефон есть у вас? Отлично, пусть мне сразу наберет, и сюда быстро. Жду.

Естественно, никакого дежурного не было. Сотовая связь в те годы в Моздоке то ли не работала, то ли глушилась. Но телефон у Григорьева был старой марки — Бенефон, огромный, как спутниковая трубка — командировочный, потерять не жалко. Майор, видимо, и воспринял его, как спутник — разве этих москвичей поймешь? Голос у Александра был уверенный,

да и сопровождающие офицеры подтянулись поближе к скандалу.

— Вы это, разве не нам привезли, по линии гуманитарной помощи? — тыловик, сразу было видно, понял, что ухватил кусок не по чину. — А мы думали, нам, так сказали... Извините. Сейчас, исправим, все исправим.

— Нет, мы это не вам привезли. Мы это в Чечню везем, а не в тыл, не в Моздок, — Большакова, как всякая женщина, может быть ехидной донельзя. — Если бы подошли по-человечески, попросили, конечно, мы бы вам дали немного, но так же нельзя! Или тут так принято у вас?

— Простите, видимо ошибка, мне в штабе сказали — самолет срочно разгрузить, а то он дальше полетит. Вот и гнал, — майор был раздавлен морально и, видимо, материально. — Вы, может быть, с дороги перекусите? А то ночь, когда вертолет пойдет? Я сейчас все быстро организую, все будет.

— Майор, я даю вам время до приезда прокурора гарнизона, перекидать все обратно. Если успеете, то езжайте с богом и больше на глаза мне не попадайтесь. Не успеете — будем дело возбуждать, — Григорьева кто-то из прилетевших с ними офицеров незаметно ткнул в бок — не переигрывай!

Конечно, перекидать обратно успели все. Солдатам, которые выполняли бесполезную работу, Большакова лично передала комплект формы, берцы и носки по размеру, свитера. Аппарель от греха подальше закрыли, Большакова, липовый военный прокурор, офицеры разместились внутри самолета, достали бутерброды, непременно водочку и прекрасно скоротали время до официальной утренней загрузки в вертолет.

Через неделю, когда в Чечню приехали свежие журналисты, Григорьев увидел на первой полосе МК заметку о грабеже их самолета. Читать ее было неудобно — слишком захвалили.

А в Чечне война продолжалась.

Из оперативной сводки тех дней: Всего в Чечне за минувшую неделю зафиксировано более 120 обстрелов позиций федеральных войск. Наибольшая активность боевиков отмечена в Грозном и Гудермесе, где произошло свыше 70 нападений экстремистов на блокпосты, административные здания и отделы милиции. Ежедневно в Чечне фиксируются один-два подрыва военнослужащих федеральных войск на взрывных устройствах, установленных боевиками. Только за минувшие сутки произошло два подрыва в Грозном, есть жертвы. <ИВБ>